

Ю.М.КОБИЩАНОВ

**НА ЗАРЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ
АФРИКА В ДРЕВНЕЙШЕМ МИРЕ**

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО "МЫСЛЬ" 1980**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Исторический пролог
От племени к классовому обществу
Древнейшие народы Африки
Путешествия слов
Первые царства на Земле

Глава первая

Древний Египет и Северо-Восточная Африка

Плавания древних египтян в Пунт и Финикию
Походы в Ливию и Нубию
Завоевание египтянами Нубии
Нубия - владение Среднего царства Кгипта
Керма
Плавания в Пунт в период Среднего царства
Мировая политическая система в XVIII -XVI вв. Кгипет, Нубия и Пунт в XVI-
XIII вв.
Нубия под властью XVIII, XIX и XX династий Египта

Глава вторая

Северная Африка в древнейшем Средиземноморье

События в Европе и на Ближнем Востоке в конце II тысячелетия
"Народы моря" в Ливии и Сахаре
Финикияне в Атлантике и на Красном море
Греки в Ливии

Глава третья

Африка и ранние империи

Начало эпохи великих империй
Древние арабы и африканцы втягиваются в мировую политику
Карфаген в мировой политической системе VII -IV вв.
Карфагеняне в Западной Африке
Сабее в Эфиопии
Культура нок
Гарама

Культурно-исторический эпилог

ПРЕДИСЛОВИЕ

Африка до сих пор самый неизученный регион Старого Света. Особенно слабо исследованы древнейшие периоды ее истории, несмотря на то что в последние два десятилетия здесь сделано больше археологических открытий, чем за все предшествующее время. Раскопки продолжались и в сравнительно давно изученных районах: в Египте (в частности, в районе пирамид), в Карфагене — на территории двух древних африканских цивилизаций, в какой-то мере известных любому образованному человеку. Мы кое-что знаем об историческом значении этих цивилизаций для культуры нашей части света и родной страны. Но мы знаем непропорционально мало о роли Египта и Карфагена в культурной истории того самого материка, на котором они расположены. Между тем древние африканские цивилизации Мероэ, Гарама, преакумской Эфиопии и другие, менее развитые, столь же интересны для исследователя, как и блестящая и неповторимо самобытная цивилизация Египта, просуществовавшая три тысячелетия, и цивилизация Карфагена, возникшая в результате переселения из-за моря финикийцев и погибшая через пять веков, в эпоху своего наивысшего расцвета.

Хотя и сегодня ранняя история и предыстория Африки изучены гораздо хуже, чем древнейшая история Европы и Передней Азии, некоторые закономерности их развития уже проясняются.

Африканские культуры, чем больше мы о них узнаем, тем больше поражают своей оригинальностью, самобытностью. В то же время заметны несомненные черты сходства этих культур с теми, которые были распространены в умеренном поясе Евразии и произведения которых хранятся в музеях.

Это сходство никак нельзя назвать только внешним, оно затрагивает самую сущность явлений. Оно не может быть объяснено прямым влиянием одной культуры на другие — ведь в те времена народы умеренного пояса не соприкасались непосредственно с народами внутренних областей Африки. Остаются два предположения: 1) все культуры, и северные и южные, испытали влияние древних цивилизаций субтропического пояса, прежде всего древнего Востока; 2) они формировались в сходных социальных условиях. На самом деле эти два процесса взаимосвязаны и взаимно обуславливают друг друга. Именно поэтому можно говорить о системно-исторических связях народов Северной Евразии и Африки уже в весьма отдаленные времена. Эти связи усиливаются с середины I-го тысячелетия до н. э., когда зона древних цивилизаций объединяется в составе мировой империи Ахеменидов, затем империи Александра Македонского, эллинистической системы государств и эллинистической цивилизации, римского и индоевропейского миров и т.д. В античности (с середины I-го тысячелетия до н.э.) и средневековье происходит постепенное формирование мировой культурно-исторической системы.

Период до середины I -го тысячелетия до н. э. может рассматриваться как необходимый подготовительный этап к формированию этой системы. Когда же она стала реальностью, то вместе с "мировой" торговлей на далекие расстояния и "мировой" (по тогдашним масштабам) политикой появилась географическая наука, начался систематический сбор сведений о самых далеких странах, в том числе о внутренних районах Африки. Античная география (древнегреческая и римская) — это бесценный источник по истории древней Африки, который стал изучаться раньше всех других групп источников и не утратил своего значения до сих пор. К сожалению, для интересующей нас эпохи античная литература дает сравнительно немного, за исключением "Истории" Геродота и отдельных сообщений более поздних авторов.

Наряду с этим у границ Тропической Африки и Сахары к тому времени уже давно существовали древневосточные литературы, частично до нас дошедшие. Это семитоязычные литературы Сирии, Палестины, Месопотамии, Аравии, особенно Южной, а также Североафриканской Финикии (Карфаген). Замечательный памятник карфагенской литературы "Перипл Ганнона", а также более поздний "Перипл Скиллака"- уникальные источники по ранней истории Западной Африки. Некоторые сведения о Северо-Восточной Африке содержат Библия и анналы ассирийских и вавилонских царей. Многочисленные надписи на сабейском языке из Южной Аравии и Северной Эфиопии рассказывают об истории этой последней страны в середине I-го тысячелетия до н.э. Но основная масса информации о странах Северо-Восточной Африки сохранилась в письменных источниках на древнеегипетском языке. По своему объему она во много раз превышает все, что мы знаем об Африке из других источников. Однако наибольший прирост информации о древнейшей истории Африки содержат результаты новых работ археологов, в том числе африканцев. Археологические раскопки открывают нам неизвестные прежде центры древних африканских цивилизаций, и сразу же встает вопрос об их связях с Древним Египтом.

Этот вопрос часто обсуждают африканские ученые — представители молодой национальной науки. Отвечая на него положительно, они при этом подчеркивают африканский характер египетской цивилизации, порой доходя до ненужных крайностей, например утверждают, что древние египтяне были неграми. Африканские историки склонны преувеличивать уровень развития, а также уникальную самобытность древних культур своего материка.

Их можно понять. Еще совсем недавно, в первой половине XX в., буржуазные историки безапелляционно заявляли, что Тропическая Африка не имела собственной истории до прихода туда светлокожих иноземцев - арабов и особенно европейских колонизаторов. Вслед за этим нередко делали вывод о неспособности темнокожих африканцев к историческому развитию и даже о культурно-исторической неполноценности негроидной расы. Борьба африканских народов за независимость разорвала хитроумную паутину расистских теорий, сделала актуальной задачей воссоздание подлинно научной истории древнейшей Африки, исследование истоков африканской культуры. Составная часть этой задачи — определение вклада африканцев в мировую цивилизацию, изучение глубокого прошлого внутренних районов Африки как части истории всего человечества, вскрытие общих закономерностей в развитии древних народов южного континента.

Ответить на эти вопросы пытается автор предлагаемой книги.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЛОГ

Древнейшая Африка... Древнейший мир... Как они выглядели? Как соотносились между собой 2,5 тысячи лет, 4—5 тысяч лет тому назад? Как наша родина соотносилась с

этой далекой, сверхдальней Тропической Африкой?

Пять тысяч лет тому назад — в конце 3-го тысячелетия до н. э. — степи Украины и степи Сахары были довольно схожи, так же как и покрытые камышовыми плавнями дельта Нила и дельты Сырдарьи и Амударьи. На просторах степей Сахары и евразийских степей бродили стада диких и домашних копытных животных, причем среди них имелось немало близких видов: газели, дикие быки-туры, дикие ослы. На них охотились львы, волки, шакалы. В горах Сахары, покрытых кипарисовыми лесами, климат был близок к средиземноморскому. Как животные умеренного климата, так и тропические звери встречались тогда в местах, где сейчас они считаются сугубо экзотическими: слоны — в Сахаре, средиземноморской Северной Африке, Сирии и Ливане, медведи — в Ливане, Месопотамии, дикие лошади и дикие верблюды — в странах атлантического побережья Европы и Африки и далее в Азии до р. Хуанхэ. Большая часть мира изобиловала дикой фауной, так же как в начале XX в. Тропическая Африка. Охота и рыболовство составляли везде или почти везде если не главный, то важный источник животной пищи. Но в степях и саваннах Африки и в степях Евразии и Аравии первостепенное значение для жизни человеческих обществ имел крупный рогатый скот, притом одного и того же вида, происходивший от прирученного тура. В долинах рек и на пологих склонах гор как в Африке, так и в Евразии кое-где были разбросаны миниатюрные огородики мотыжных земледельцев. И лишь не многие области, такие, как предгорья Копетдага в Южной Туркмении, долины Куры, Тигра, Евфрата, Иордана, Нила, представляли собой образцы культурного ландшафта с густым сельским населением и хорошо возделанными полями, покрывавшими большую часть земли. Здесь располагались постоянные поселения земледельцев, а кое-где и древние города, пролегали торные дороги, по которым двигались пешеходы и вьючные животные.

Здесь была цивилизация, вернее, ряд древних городских цивилизаций. Окружавшая их "глухомань" занимала большую часть Африки, Европы, да и Азии. Но и эта периферия имела свою структуру. Ближе к очагам цивилизации земледелие было сравнительно более интенсивным, в степях паслись стада коров и других домашних животных, люди объединялись в большие и воинственные племена. Дальше, в лесах тропического и умеренного поясов, преобладали присваивающие виды хозяйства: охота, собирательство, рыболовство; уровень культуры был ниже, общественные отношения примитивнее.

Но и сюда проникало влияние древних цивилизаций, которые в предыдущий период расцвели в поясе речных долин и нагорий от Нила и Дуная на западе до Меконга на востоке. Достаточно сказать, что уже в глубокой древности между различными регионами Старого Света начался интенсивный обмен видами культурных растений и домашних животных, а также методами их разведения. Бронзовое литье и драгоценные металлы стали известны на огромном пространстве — от Испании и Британии до Вьетнама. В эту зону входила и северная часть Африки.

Таким образом, цивилизации и окружавшая их периферия не были изолированными самодовлеющими единицами, но составляли динамичную систему.

Наблюдая сквозь тысячелетия истории постепенное развитие этой системы, мы видим, как отдельные очаги цивилизации интегрируются в сплошную цивилизованную зону, густо насыщенную культурной информацией, как на ее периферии возникают новые очаги, а признаки ближней, полукультурной, сельскохозяйственно-охотничьей периферии переносятся на среднюю, а затем и на дальнюю периферию, как последние представители первобытной "дикости" и архаичного присваивающего хозяйства все более вытесняются в труднодоступные горные и лесные районы или на окраины ойкумены.

Эти окраины и глубинные высокогорья и лесные чащобы постепенно заселяются, затем сюда проникают сельское хозяйство и цивилизация; в то же время в полосе древних цивилизаций образуются и все более увеличиваются безжизненные пустыни; величайшая

из них - Сахара - разделяет Африку на две неравные части. Большая часть, Тропическая и Южная, отгораживается безводными и недоступными просторами от зоны древних цивилизаций.

Пустыни образуются и внутри этой зоны, расчлняя ее на отдельные области, очаги, оазисы. Однако благодаря прогрессу в средствах коммуникации единство системы цивилизации в целом не нарушается. Колесница или арба, парусно-гребное судно, караванные пути с водоемами и стоянками, торговое право, письменность и вся инфраструктура древнего обмена товарами и идеями сокращают расстояния или время, необходимое для их преодоления, и спасают древние города и оазисы цивилизаций от грозящей им изоляции. Купцы, путешественники, а также искатели металлов и других редких природных материалов поддерживали связь как между отдельными цивилизованными странами, так и между ними и "варварской" периферией. На периферию с теми же целями направляются хорошо организованные экспедиции древних государств. Сюда, наконец, бегут преследуемые и свободолюбивые элементы древнего общества, противники существующего строя и в то же время невольные носители его главных черт, зараженные духом неравенства и эксплуатации. Эти центробежные потоки составляли один из главных моментов в пространственном движении культурной информации.

Но рядом с ними существовали не менее мощные противотечения. Вокруг отдельных очагов цивилизации и всей цивилизованной зоны приходят в движение скотоводческие и ското-водческо-земледельческие племена. Овладев искусством изготовления металлического оружия, правильным военным строем, ездой на лошадях, верхом или в повозках, многолюдные

и воинственные племена устремились к цивилизованным центрам, алчно желая завладеть их богатствами.

Эти богатства не были даны природой, подобно естественному плодородию почв в девственных лесах и степях или на заливных лугах равнин, рудным залежам, еще не истребленным стадам диких животных или зарослям ценных деревьев. Богатство цивилизованных стран составляло развитое по тем временам производство, которое давало сравнительно большой избыточный продукт в виде предельно разнообразных — для того времени - продуктов земледелия и ремесленных изделий. Этот избыточный продукт закономерно превращался в ренту, а частично в торговую прибыль.

Начинается эпоха войн за ренту и связанную с ней власть в государственном (или храмово-государственном) аппарате, а также за потенциальные источники ренты и торговой прибыли.

Становление цивилизованного мира отмечали три великих революционных переворота.

Первый из них — "неолитическая революция"- становление сельского хозяйства и мелконатурального производства¹. Второй — становление классового общества, в котором крестьяне производили прибавочный продукт, изымавшийся эксплуататорами в виде ренты при помощи внеэкономического принуждения, прежде всего государственной власти. Третья революция—становление философской мысли, науки, литературы, искусства и высокоразвитых религий. Третья революция завершила генезис древнего цивилизованного мира. Ее начало мы видим в отдельных странах (Египет амарнского периода) еще во 2-м тысячелетии до н.э., но во всем цивилизованном поясе Евразии эта революция началась около VII-V вв. до н. э. и достигла кульминации в начале римского

¹ Согласно известному британскому археологу В. Г. Чайлду, "неолитическая революция" начинается с появления земледелия и деревенских общин и завершается изобретением или заимствованием письма и замены бронзы железом в производственных целях. Мы несколько сужаем это понятие, считая началом "неолитической революции" появление земледелия и скотоводства, а также расцвет неолитической каменной индустрии, а ее завершающей фазой - окончательное формирование ячейки мелкого натурального производства и сельской общины.

времени.

Эти три великие вехи в развитии культуры последовательно прослеживаются и в истории Африки, раньше всего в Египте, затем в странах, лежащих к западу и к югу от него, еще позднее — во внутренних районах материка. То же самое происходило и в других регионах ойкумены, в том числе и в нашей части мира.

Исторически греко-римский мир составлял западную, а Ближний и Средний Восток - центральную часть цивилизованной зоны, Тропическая Африка, Декан и Аустронезия - южную ее периферию, большая часть Евразии - северную периферию.

Эта древняя цивилизованная зона образовалась в Старом Свете в результате развития двух древнейших очагов производящего хозяйства, и прежде всего земледелия: западного, возникшего на Ближнем Востоке, и восточного, возникшего на субтропических плато Индокитая (третий самостоятельный очаг земледелия и цивилизации образовался в Центральной Америке).

Для истории человечества ближневосточный очаг оказался наиболее важным из трех. Он располагался в пределах обширнейшей в мире зоны, наиболее благоприятной для заселения и производственной деятельности человека. Эта широкая полоса нагорий (Ливана, Курдистана, Копетдага, Афганистана, Северного Индокитая), речных долин (Дуная, Нила, Оронта, Тигра и Евфрата, Каруна, Инда и Ганга, Амударьи и Сыр-дарьи) и приморских равнин с замечательным разнообразием ландшафтов, с теплым и умеренным климатом, была ограничена экваториальными лесами на юге, лесами холодного пояса на севере и водами трех океанов.

Считается общепринятым, что появлению классового общества и государства, сменивших доклассовый первобытнообщинный строй, предшествовало прогрессивное развитие производящих форм хозяйства (земледелия, скотоводства, ремесла) и рост общественного разделения и кооперации труда, которые в свою очередь сделали возможным отделение функций управления обществом от производственной деятельности в узком смысле слова, а также эксплуатацию человека человеком. Эти условия раньше всего появились в субтропической зоне Евразии -Северной Африки.

Что касается тропических и экваториальных территорий, то они в течение длительного времени развивались замедленными темпами по сравнению со странами субтропического и умеренного тропического поясов, лежащими к северу от них. До сих пор Африка южнее Сахары и Аустронезия остаются наиболее отсталыми районами мира.

О причинах этой отсталости мы уже писали². Ее не следует отождествлять с застоєм; отсталость- это развитие относительно замедленными темпами, отнюдь не исключаяющими постепенного прогресса и единства всемирно-исторического прогресса. Не нужно преувеличивать эту отсталость. Однако преодоление отсталости происходило в Тропической Африке и Аустро-незии значительно более медленными темпами, чем в умеренно холодной зоне Старого Света, лежащей к северу от зоны древних цивилизаций и отграниченной от последней неширокой полосой степей, несравненно более легко преодолимых, чем пустыни Африки и Аравии, изолирующие зону древних цивилизаций от Африки южнее Сахары, и чем океаны, отделяющие Аустронезию от других регионов мира.

Вместе с тем по отношению к древним цивилизациям субтропической полосы Евразии — Северной Африки, а также сравнительно скоро вслед за ними развившимся древним и средневековым цивилизациям тропической Индии и умеренно теплой Западной Европы, которые в целом можно рассматривать как культурно-исторический "центр" Старого Света, Африка южнее Сахары, Аустронезия, Северная Евразия от Эльбы до Амура являлись периферийными зонами. Эти периферийные зоны имели связи друг с другом в основном через определенные территории центра; лишь Африка и Аустронезия

² См. Африка: возникновение отсталости и пути развития. М., 1974.

нашли общую точку соприкосновения на Мадагаскаре.

Особенно велика была историческая роль Ближнего Востока для народов древних Европы и Африки, так как на Ближнем Востоке находился ближайший к этим двум частям света древний центр земледелия, а затем и цивилизации.

В то же время исторически Ближний Восток играл роль моста между северной, евразийской, периферией цивилизованного мира и цивилизациями Тропической Африки, причем наибольшее значение имела восточная часть Ближнего Востока, связывавшая Кавказ, причерноморские и прикаспийские земли с Северо-Восточной Африкой. Здесь не только проходили караванные и морские пути - на этой территории совершались важнейшие события древней и средневековой истории, одинаково затрагивавшие наших предков и предков наших африканских друзей; наконец, именно здесь расцвели великие цивилизации, такие, как эллинистическая, раннехристианская и арабо-исламская, духовно объединившие почти половину цивилизованного человечества.

От племени к классовому обществу

Согласно новейшим исследованиям, человечество существует уже три-четыре миллиона лет, и большую часть этого времени оно развивалось очень медленно. Но в десяти тысячелетний период 12-3-го тысячелетий³ это развитие ускорилося. Начиная с 13—12-го тысячелетий в передовых странах того времени - в долине Нила, на нагорьях Курдистана и, может быть, Сахары — люди регулярно пожинали "жатвенные поля" дикорастущих злаков, зерна которых растирали в муку на каменных зернотерках. В 9—5-м тысячелетиях в Африке и Европе широко распространяются лук и стрелы, а также силки и западни. В 6-м тысячелетии усиливается роль рыболовства в жизни племен долины Нила, Сахары, Эфиопии, Кении.

Приблизительно в 8—6-м тысячелетиях на Ближнем Востоке, где с 10-го тысячелетия совершалась "неолитическая революция", уже господствовала развитая организация племен, переросшая затем в союзы племен — прообраз примитивных государств. Постепенно, с распространением "неолитической революции" на новые территории, в результате расселения неолитических племен или перехода мезолитических племен к производящим формам хозяйства организация племен и племенных союзов (племенной строй) распространилась на большую часть ойкумены.

В Африке территорией племенного строя, по-видимому, раньше всего стали области северной части материка, включая Египет и Нубию. Согласно открытиям последних десятилетий, уже в 13—7-м тысячелетиях в Египте и Нубии обитали племена, занимавшиеся наряду с охотой и рыболовством интенсивным сезонным собирательством, напомиавшим сбор урожая у земледельцев. В 10—7-м тысячелетиях этот способ ведения хозяйства являлся более прогрессивным, чем примитивное хозяйство бродячих охотников-собирателей в глубинных районах Африки, но все же отсталым по сравнению с производящим хозяйством некоторых племен Передней Азии, где в то время происходил бурный расцвет земледелия, ремесел и монументального строительства в виде больших укрепленных поселений, во многом похожих на ранние города. Древнейшим памятником монументального строительства был построенный еще в конце 10-го тысячелетия храм Иерихона (Палестина) — небольшое сооружение из дерева и глины на каменном фундаменте. В 8-м тысячелетии Иерихон стал городом-крепостью с 3 тыс. жителей, окруженным каменной стеной с мощными башнями и глубоким рвом. Другой город-крепость существовал с конца 8-го тысячелетия на месте позднейшего Угарита - морского порта на северо-западе Сирии. Оба этих города торговали с земледельческими поселениями Южной Анатолии, такими, как Азыклы-Гуюк и ранний Хасилар, где дома строились из необожженных кирпичей на каменном фундаменте. В

³ Здесь и далее все даты до н. э.

начале 7-го тысячелетия в Южной Анатолии возникает оригинальная и сравнительно высокая цивилизация Чатал-Гуюк, процветавшая вплоть до первых веков 6-го тысячелетия. Носители этой цивилизации открыли плавку меди и свинца, умели изготавливать медные орудия и украшения. В то время поселения оседлых земледельцев распространяются до Иордании, Северной Греции и Курдистана. В конце 7-го — начале 6-го тысячелетия жители Северной Греции (поселение Неа-Никомедия) уже выращивали ячмень, пшеницу и горох, делали дома, посуду и статуэтки из глины и камня. В 6-м тысячелетии земледелие распространяется на северо-запад до Герцеговины и долины Дуная и на юго-восток до Южного Ирана.

Главный культурный центр этого древнейшего мира переместился из Южной Анатолии в Северную Месопотамию, где процветала хассунская культура. Одновременно на обширных пространствах от Персидского залива до Дуная образовалось еще несколько оригинальных культур, самые развитые из которых (немногим уступавшие хассунской) находились в Малой Азии и Сирии. Б. Брентьес, известный ученый из ГДР, дает следующую характеристику этой эпохе: "6-е тысячелетие было в Передней Азии периодом постоянной борьбы и междоусобиц. В областях, ушедших вперед в своем развитии, первоначально единое общество распалось, и территория первых земледельческих общин непрерывно расширялась... Для Передней Азии 6-го тысячелетия характерно наличие многих культур, которые сосуществовали, вытесняли одна другую или сливались, распространялись или гибли"⁴. В конце 6-го-начале 5-го тысячелетия расцветают оригинальные культуры Ирана, однако ведущим культурным центром все более становится Месопотамия, где развивается цивилизация Убейда, предшественница шумеро-аккадской. Началом убейдского периода считают столетие между 4400 и 4300 гг.

Влияние культур Хассуны и Убейда, а также Хаджи-Мухаммед (существовала в Южной Месопотамии около 5000 г.) простиралось далеко на север, северо-восток и юг. Хассунские изделия найдены при раскопках близ Адлера на Черноморском побережье Кавказа, а влияние культур Убейда и Хаджи-Мухаммеда достигло Южной Туркмении.

Примерно одновременно с переднеазиатским (или передне-азиатско-балканским) в 9—7-м тысячелетиях образовался еще один центр земледелия, а позднее металлургии и цивилизации -индокитайский, на юго-востоке Азии. В 6 —5-м тысячелетиях на равнинах Индокитая развивается рисосеяние.

Египет 6-5-го тысячелетий также предстает перед нами как область расселения земледельческо-скотоводческих племен, создавших оригинальные и сравнительно высокоразвитые неолитические культуры на окраине древнейшего ближневосточного мира. Из них наиболее развитой была бадарий-ская, а наиболее архаичный облик имели ранние культуры Фаюма и Меримде (соответственно на западной и северозападной окраинах Египта).

Фаюмцы возделывали небольшие участки земли на затопляемых в периоды разливов берегах Меридова озера, выращивая здесь полбу, ячмень и лен. Урожай хранили в специальных ямах (открыто 165 таких ям). Возможно, им было известно и скотоводство. В поселении фаюмцев найдены кости быка, свиньи и овцы или козы, но они не были своевременно изучены, а затем исчезли из музея. Поэтому осталось неизвестным, принадлежат эти кости домашним или диким животным. Кроме того, найдены кости слона, гиппопотама, крупной антилопы, газели, крокодила и мелких животных, составлявших охотничью добычу. В Меридовом озере фаюмцы ловили рыбу, вероятно, корзинами; крупных рыб добывали гарпунами. Большую роль играла охота на водоплавающих птиц при помощи лука и стрел. Фаюмцы были искусными плетельщиками корзин и циновок, которыми устилали свои жилища и ямы для зерна. Сохранились обрывки льняной ткани и пряслица, что свидетельствует о появлении

⁴ Брентьес Б. От Шанидара до Аккада. М., 1976, с. 100-101.

ткачества. Было известно и гончарство, но фаюмская керамика (горшки, миски, чаши на базах разнообразных форм) была еще довольно грубой и не всегда хорошо обожженной, а на поздней стадии фаюмской культуры она вообще исчезла. Каменные орудия фаюмцев состояли из топоров-цельтов, тесел-долот, микролитических вкладышей серпов (вставлявшихся в деревянную рамку) и наконечников стрел. Тесла-долота были той же формы, что и в тогдашней Центральной и Западной Африке (культура лупембе), форма стрел неолитического Фаюма характерна для древней Сахары, но не для долины Нила. Если при этом еще учесть азиатское происхождение культурных злаков, возделывавшихся фаюмцами, то можно составить общее представление о генетической связи неолитической культуры Фаюма с культурами окружающего мира. Дополнительные штрихи в эту картину вносят исследования фаюмских украшений, а именно бус из раковин и амазонита. Раковины доставлялись с берегов Красного и Средиземного морей, а амазонит, по-видимому, из месторождения Эгей-Зумма на севере Тибести (Ливийская Сахара.). Это говорит о масштабах межплеменного обмена в те далекие времена, в середине или второй половине 5-го тысячелетия (основная стадия фаюмской культуры датируется по радиоуглероду 4440 ± 180 и 4145 ± 250 гг.).

Возможно, современниками и северными соседями фаюмцев были ранние обитатели обширного неолитического поселения Меримде, которое, судя по самой ранней из радиоуглеродных дат, появилось около 4200 г. Жители Меримде населяли поселок, похожий на африканскую деревню нашего времени где-нибудь в районе оз. Чад, где группы глинобитных и обмазанных глиной тростниковых домов овальной формы составляли кварталы, объединявшиеся в две "улицы". Очевидно, в каждом из кварталов обитала большесемейная община, на каждой "улице" — фратрия, или "половина", а во всем поселении — родовая или соседско-родовая община. Ее члены занимались земледелием, сеяли ячмень, полбу и пшеницу и жали деревянными серпами с кремневыми вкладышами. Зерно держали в обмазанных глиной плетеных зернохранилищах. В деревне было много скота: коров, овец, свиней. Кроме того, ее жители занимались охотой. Керамика Меримде намного уступает бадарийской: преобладают грубые черные горшки, хотя встречаются и более тонкие, лощеные сосуды довольно разнообразных форм. Несомненна связь этой культуры с культурами Ливии и лежащих далее на запад районов Сахары и Магриба.

Бадарийская культура (названная так по имени района Бадари в Среднем Египте, где впервые были открыты некрополи и поселения этой культуры) была распространена значительно шире и достигла более высокого развития, чем неолитические культуры Фаюма и Меримде.

Вплоть до недавних лет ее действительный возраст не был известен. Лишь в последние годы благодаря применению термолюминисцентного метода датировки глиняных черепков, добытых при раскопках поселений бадарийской культуры, стало возможным датировать ее серединой 6-го - серединой 5-го тысячелетия. Впрочем, некоторые ученые оспаривают эту датировку, указывая на новизну и спорность термолюминисцентного метода. Однако если новая датировка правильна и фаюмцы и жители Меримде являлись не предшественниками, а младшими современниками бадарийцев, то их можно считать представителями двух племен, обитавших на периферии древнейшего Египта, менее богатых и развитых, чем бадарийцы.

В Верхнем Египте открыта южная разновидность бадарийской культуры - тасийская. По-видимому, бадарийские традиции сохранялись в различных частях Египта и в 4-м тысячелетии.

Жители бадарийского поселения Хамамия и расположенных неподалеку от него поселений той же культуры Мостагедда и Матмара занимались мотыжным земледелием, выращивая полбу и ячмень, разводили крупный и мелкий рогатый скот, ловили рыбу и охотились на берегах Нила. Это были искусные ремесленники, изготавлившие

разнообразные орудия труда, предметы быта, украшения, амулеты. Материалами для них служили камень, раковины, кость, в том числе слоновая, дерево, кожи, глина. На одном бадарийском блюде изображен горизонтальный ткацкий станок. Особенно хороша бадарийская керамика, удивительно тонкая, лощеная, изготовленная вручную, но весьма разнообразная по форме и орнаменту, в основном геометрическому, а также стеатитовые бусы с прекрасной стекловидной глазурью. Бадарийцы изготовляли и подлинные произведения искусства (неизвестные фаюмцам и жителям Меримде) ; они вырезали небольшие амулеты, а также фигурки животных на ручках ложек. Орудиями охоты служили стрелы с кремневыми наконечниками, деревянные бумеранги, орудиями рыболовства-крючки из раковин, а также из слоновой кости. Бадарийцы уже были знакомы с металлургией меди, из которой изготовляли ножи, булавки, кольца, бусы. Жили они в прочных домах из сырцового кирпича, но без дверных проемов; вероятно, их обитатели, как некоторые жители деревень Центрального Судана, влезали в свои дома через специальное "окно".

О религии бадарийцев можно судить по обычаям устраивать некрополи к востоку от поселений и класть в могилы трупы не только людей, но и животных, обернутых в циновки. Покойника сопровождали в могилу предметы быта, украшения; в одном захоронении обнаружено несколько сот стеатитовых бус и особенно ценные в то время медные бусы. Покойник был прямо-таки богачом! Это говорит о начале социального неравенства.

К 4-му тысячелетию кроме бадарийской и тасийской относятся также амратская, герзейская и другие культуры Египта, которые были в числе относительно передовых. Тогдашние египтяне возделывали ячмень, пшеницу, гречиху, лен, разводили домашних животных: коров, овец, коз, свиней, а также собак и, возможно, кошек. Кремневые орудия, ножи и керамика египтян 4-го — первой половины 3-го тысячелетия отличались замечательным разнообразием и тщательностью отделки.

Тогдашние египтяне искусно обрабатывали самородную медь. Они строили прямоугольные дома и даже крепости из необожженного кирпича.

О том, какого уровня достигла культура Египта в протодинастическое время, говорят находки высокохудожественных произведений неолитического ремесла: тончайшей, расписанной черной и красной краской ткани из Гебелейна, кремневых кинжалов с рукоятками из золота и слоновой кости, гробницы вождя из Иераконполя, выложенной изнутри сырцовым кирпичом и покрытой многокрасочными фресками и др. Изображения на ткани и стенах гробницы дают два социальных типа: знатных, для которых совершаются работы, и тружеников (гребцов и др.). В то время в Египте уже, вероятно, существовали примитивные и небольшие по площади государства — будущие номы.

В 4-м — начале 3-го тысячелетия укрепляются связи Египта с ранними цивилизациями Передней Азии. Одни ученые объясняют это вторжением азиатских завоевателей в долину Нила, другие (что более правдоподобно) - "увеличением числа странствующих торговцев из Азии, посещавших Египет" (так пишет известный английский археолог Э.Дж. Аркелл). Ряд фактов свидетельствует и о связях тогдашнего Египта с населением постепенно усыхавшей Сахары и верховий Нила в Судане. В то время некоторые культуры Средней Азии, Закавказья, Кавказа и Юго-Восточной Европы занимали примерно такое же место на ближней периферии древнейшего цивилизованного мира, а то и культуры Египта 6-4-го тысячелетий. В Средней Азии в 6 - 5-м тысячелетиях процветала земледельческая джейтунская культура Южной Туркмении, в 4-м тысячелетии - геок-сюрская культура в долине р. Теджен, далее на восток в 6-4-м тысячелетиях до н. э. - гиссарская культура южного Таджикистана и т.д. В Армении, Грузии и Азербайджане в 5-4-м тысячелетиях был распространен ряд земледельческо-скотоводческих культур, наиболее интересными из которых являлась куро-аракская и

недавно открытая предшествовавшая ей культура Шаму-тепе. В Дагестане в 4-м тысячелетии существовала неолитическая культура Гинчи скотоводческо-земледельческого типа.

В 6—4-м тысячелетиях происходит становление земледельческо-скотоводческого хозяйства в Европе. К концу 4-го тысячелетия на территории всей Европы существовали разнообразные и сложные культуры отчетливо производящего облика. На рубеже 4-го и 3-го тысячелетий на Украине процветала трипольская культура, для которой были характерны выращивание пшеницы, скотоводство, прекрасная расписная керамика, цветная роспись стен глинобитных жилищ. В 4-м тысячелетии на Украине существовали самые древние на Земле поселения коневодов (Деревка и др.). К 4-му тысячелетию относится и весьма изящное изображение лошади на черепке из Кара-тепе в Туркмении.

Сенсационные открытия последних лет в Болгарии, Югославии, Румынии, Молдавии и на юге Украины, а также обобщающие исследования советского археолога Е.Н.Черных и других ученых выявили древнейший центр высокой культуры на юго-востоке Европы. В 4-м тысячелетии в балкано-карпатском субрегионе Европы, в речной системе Нижнего Дуная, расцвела блестящая, передовая по тем временам культура ("почти цивилизация"), для которой были характерны земледелие, металлургия меди и золота, разнообразная расписная керамика (в том числе расписанная золотом), примитивная письменность. Несомненно влияние этого древнейшего центра "предцивилизации" на соседние общества Молдавии и Украины. Имел ли он связи также с обществами Эгеиды, Сирии, Месопотамии, Египта? Этот вопрос только ставится, ответа на него еще нет.

В Магрибе и Сахаре переход к производящим формам хозяйства происходил медленнее, чем в Египте, его начало относится к 7 — 5-му тысячелетиям. В то время (вплоть до конца 3-го тысячелетия) климат в этой части Африки был теплым и влажным. Травянистые степи и субтропические горные леса покрывали ныне пустынные пространства, представлявшие собой бескрайние пастбища. Главным домашним животным была корова, кости которой обнаружены в стоянках Феццана на востоке Сахары и в Тадарт-Акакус в Центральной Сахаре.

В Марокко, Алжире и Тунисе в 7 — 3-м тысячелетиях существовали неолитические культуры, продолжавшие традиции более древних иберо-мавританской и капсийской палеолитической культур. Первая из них, называемая также средиземноморской неолитической, занимала в основном прибрежные и горные леса Марокко и Алжира, вторая — степи Алжира и Туниса. В лесном поясе поселения были богаче и встречались чаще, чем в степном. В частности, прибрежные племена изготавливали прекрасную глиняную посуду. Заметны некоторые местные различия внутри средиземноморской неолитической культуры, а также ее связи с капсийской культурой степей.

Характерные черты последней — костяные и каменные орудия для просверливания и прокалывания, шлифованные каменные топоры, довольно примитивная глиняная посуда с коническим дном, встречающаяся к тому же не часто. Кое-где в степях Алжира керамика вообще отсутствовала, зато наиболее обычными каменными орудиями были наконечники стрел. Неолитические капсийцы, как и их палеолитические предки, жили в пещерах и гротах и занимались в основном охотой и собирательством.

Расцвет этой культуры относится к 4-му — началу 3-го тысячелетий. Так, ее стоянки датируются по радиоуглероду: Де-Мамель, или "Сосцы" (Алжир), — 3600 ± 225 г., Дез-Еф, или "Яйца" (оазис Уаргла на севере Алжирской Сахары), — также 3600 ± 225 г., Хасси-Генфида (Уаргла) — 3480 ± 150 и 2830 ± 90 гг., Джааха (Тунис) — 3050 ± 150 г. В то время среди капсийцев пастухи уже преобладали над охотниками.

В Сахаре "неолитическая революция", может быть, несколько запоздала по

сравнению с Магрибом. Здесь в 7-м тысячелетии сложилась так называемая сахарско-суданская "неолитическая культура", связанная по своему происхождению с капсийской. Она существовала до 2-го тысячелетия. Характерная ее черта — древнейшая в Африке керамика.

В Сахаре неолит отличался от более северных районов обилием наконечников стрел, что говорит о сравнительно большем значении охоты. Глиняная посуда обитателей неолитической Сахары 4- 2-го тысячелетий более грубая и примитивная, чем у современных им жителей Магриба и Египта. На востоке Сахары очень заметна связь с Египтом, на западе — с Магрибом. Неолит Восточной Сахары характеризуется обилием шлифованных топоров - свидетельство подсечно-огневого земледелия на местных нагорьях, покрытых тогда лесами. В высохших позднее руслах рек жители занимались рыболовством и плавали на тростниковых лодках типа тех, которые в то время и позднее были распространены в долине Нила и его притоков, на оз. Чад и озерах Эфиопии. Рыбу били костяными гарпунами, напоминающими те, которые открыты в долинах Нила и Нигера. Зернотерки и песты Восточной Сахары были даже крупнее, и изготовлены тщательнее, чем в Магрибе. В речных долинах этого района сеяли просо, но основные средства существования давало скотоводство в сочетании с охотой и, вероятно, собирательством. Огромные стада крупного рогатого скота паслись на просторах Сахары, способствуя превращению ее в пустыню. Эти стада изображены на знаменитых наскальных - фресках Тассили-н'Аджер и других нагорий. У коров обозначено вымя-следовательно, их доили. Грубо обработанные каменные столбы-стелы, возможно, отмечали места летовок этих пастухов в 4 - 2-м тысячелетиях, перегонявших стада из долин на горные пастбища и обратно. По своему антропологическому типу они были негроидами.

Замечательные памятники культуры этих земледельцев-скотоводов — знаменитые фрески Тассили и других районов Сахары, расцвет которых приходится на 4-е тысячелетие. Фрески создавались в уединенных горных убежищах, вероятно игравших роль святилищ. Кроме фресок здесь находятся древнейшие 'в' Африке барельефы-петроглифы и небольшие каменные статуэтки животных (быков, кроликов и др.).

В 4 — 2-м тысячелетиях в центре и на востоке Сахары существовало не менее трех очагов сравнительно высокой земледельческо-скотоводческой культуры: на обильно орошаемом дождями лесистом в те времена нагорье Хоггар и его отроге Тас-сили-н'Аджер, на не менее плодородных нагорьях Феццана и Тибести, а также в долине Нила. Материалы археологических раскопок и особенно наскальные изображения Сахары и Египта свидетельствуют о том, что все три очага культуры имели много общих черт: в стиле изображений, формах керамики и пр. Повсюду — от Нила до Хоггара-скотоводы-земледельцы почитали небесные светила в образах солнечного барана, быка и небесной коровы. По Нилу и по ныне высохшим руслам рек, протекавшим тогда по Сахаре, местные рыболовы плавали на тростниковых лодках сходных форм. Можно предполагать весьма сходные формы производства, быта и общественной организации. Но все-таки с середины 4-го тысячелетия Египет начал обгонять в своем развитии и Восточную и Центральную Сахару.

В первой половине 3-го тысячелетия усилилось высыхание древней Сахары, которая к тому времени уже не была влажной лесистой страной. На низменных землях сухие степи начали вытеснять высокотравные парковые саванны. Однако и в 3 -2-м тысячелетиях неолитические культуры Сахары продолжали успешно развиваться, в частности совершенствовалось изобразительное искусство.

В Судане переход к производящим формам хозяйства совершился на тысячелетие позднее, чем в Египте и на востоке Магриба, но примерно одновременно с Марокко и южными районами Сахары и ранее, чем в областях, лежащих далее на юг.

В Среднем Судане, на северной окраине болот, в 7 - 6-м тысячелетиях сложилась

хартумская мезолитическая культура бродячих охотников, рыболовов и собирателей, знакомых уже с примитивным гончарством. Они охотились на самых различных животных, крупных и мелких, от слона и бегемота до водяной мангусты и красной тростниковой крысы, водившихся в лесистом и болотистом крае, которым была в то время средняя долина Нила. Гораздо реже, чем на млекопитающих, обитатели мезолитического Хартума охотились на пресмыкающихся (крокодил, питон и др.) и совсем редко - на птиц. Охотничьим оружием служили копья, гарпуны и луки со стрелами, причем форма некоторых каменных наконечников стрел (геометрические микролиты) указывает на связь хартумской мезолитической культуры с капсийской культурой Северной Африки. Рыболовство играло сравнительно важную роль в жизни ранних обитателей Хартума, но рыболовных крючков они еще не имели, ловили рыбу, по-видимому, корзинами, били копьями и лучили стрелами. В конце мезолита появляются первые костяные гарпуны, а также каменные сверла. Немалое значение имело собирательство речных и сухопутных моллюсков, семян цельтиса и других растений. Из глины лепили грубую посуду в форме круглодонных лоханок и чаш, которую украшали простым орнаментом в виде полос, придававших этим сосудам сходство с корзинами. По-видимому, обитатели мезолитического Хартума занимались также плетением корзин. Личные украшения у них были редки, однако свои сосуды и, вероятно, собственные тела они красили охрой, добываемой из расположенных неподалеку месторождений, куски которой растирали на песчаниковых терках, очень разнообразных по форме и размеру. Покойников хоронили прямо в поселении, которое, возможно, было просто сезонным лагерем.

О том, как далеко на запад проникали носители хартумской мезолитической культуры, говорит находка в Меньет, на северо-западе Хоггара, в 2 тыс. км от Хартума, типичных черепков позднего хартумского мезолита. Эта находка датируется по радиоуглероду 3430 г.

С течением времени, около середины 4-го тысячелетия, хартумская мезолитическая культура сменяется хартумской неолитической культурой, следы которой находят в окрестностях Хартума, на берегах Голубого Нила, на севере Судана — до IV порога, на юге—до VI порога, на востоке — до Касалы, и на западе — до гор Эннеди и местности Ваньянга в Борку (Восточная Сахара). Основными занятиями обитателей неолитического Хартума - прямых потомков мезолитического населения этих мест - оставались охота, рыболовство и собирательство. Предметом охоты служили 22 вида млекопитающих, но главным образом крупные животные: буйволы, жирафы, гиппопотамы, в меньшей степени слоны, носороги, кабаны-бородавочники, семь видов антилоп, крупные и мелкие хищники, некоторые грызуны. В значительно меньших размерах, но больше, чем в мезолите, суданцы охотились на крупных рептилий и птиц. Диких ослов и зебр не убивали, вероятно, по религиозным мотивам (тотемизм). Орудиями охоты служили копья с наконечниками из камня и кости, гарпуны, лук и стрелы, а также топоры, но теперь они были мельче и хуже обработаны. Микролиты, имеющие форму полумесяца, изготовлялись чаще, чем в мезолите. Каменные орудия, например топоры-цельты, частично уже шлифовались. Рыболовством занимались меньше, чем в мезолите, причем и здесь, как на охоте, присвоение принимало более избирательный характер; ловили на крючок несколько видов рыб. Крючки неолитического Хартума, очень примитивные, изготовленные из раковин,—первые по времени в Тропической Африке. Важное значение имело собирательство речных и сухопутных моллюсков, страусовых яиц, дикорастущих плодов и семян цельтиса.

В то время ландшафт средней долины Нила представлял собой лесосаванну с галерейными лесами вдоль берегов. В этих лесах обитатели находили себе материал для постройки каноэ, которые выдалбливали каменными и костяными цельтами и полукруглыми топорами-стругами, возможно, из стволов пальмы дулеб. По сравнению с

мезолитом производство орудий труда, глиняной посуды и украшений значительно прогрессировало. Посуду, украшенную штампованным орнаментом, обитатели неолитического Судана затем шлифовали с- помощью галек и обжигали на кострах. Изготовление многочисленных личных украшений занимало значительную часть рабочего времени; они производились из полудрагоценных и других камней, раковин, страусовых яиц, зубов животных и пр. В отличие от временного лагеря мезолитических обитателей Хартума поселения неолитических жителей Судана были уже постоянными. Одно из них — аш-Шахейнаб — изучено особенно тщательно. Однако никаких следов жилищ, даже ямок для опорных столбов, здесь не обнаружено, не найдено и погребений (возможно, обитатели неолитического Шахейнаба жили в шалашах из тростника и травы, а покойников бросали в Нил). Важным новшеством по сравнению с предшествующим периодом было появление скотоводства: жители Шахейнаба разводили мелких коз или овец. Однако кости этих животных составляют лишь 2% всех костей, найденных в поселении; это дает представление об удельном весе скотоводства в хозяйстве жителей. Никаких следов земледелия не обнаружено; оно появляется лишь в следующий период. Это тем более знаменательно, что аш-Шахейнаб, судя по радиоуглеродному анализу (3490 ± 880 и 3110 ± 450 г.), современен развитой неолитической культуре эль-Омари в Египте (дата по радиоуглероду 3300 ± 230 г.).

В последней четверти 4-го тысячелетия в средней долине Нила на севере Судана существовали те же энеолитические культуры (амратская и герзейская), что и в соседнем долина-стическом Верхнем Египте. Их носители занимались примитивным земледелием, скотоводством, охотой и рыболовством на берегах Нила и на соседних плато, покрытых в то время саванной растительностью. На плоскогорьях и в горах к западу от средней долины Нила обитало в то время сравнительно многочисленное скотоводческо-земледельческое население. Южная периферия всей этой культурной зоны находилась где-то в долинах Белого и Голубого Нила (погребения "группы А" открыты в районе Хартума, в частности у Омдурманского моста) и у аш-Шахейнаба. Языковая принадлежность их носителей неизвестна. Чем дальше на юг, тем негроиднее были носители этой культуры. В аш-Шахейнабе они явно принадлежат к негроидной расе.

Южные погребения в целом беднее северных, шахейнабские изделия выглядят более примитивными, чем фарасские и тем более египетские. Погребальный инвентарь "протодинастического" аш-Шахейнаба заметно отличается от инвентаря погребений у Омдурманского моста, хотя расстояние между ними не больше 50 км; это дает некоторое представление о размерах этнокультурных общностей. Характерный материал изделий — глина. Из нее изготавливались культовые статуэтки (например, глиняная женская фигурка) и уже довольно разнообразная и хорошо обожженная посуда, украшенная тисненым орнаментом (нанесенным с помощью гребешка): чаши различных размеров, ладьевидные горшки, шаровидные сосуды. Характерные для этой культуры черные сосуды с насечкой встречаются и в протодинастическом Египте, где они явно являются предметами вывоза из Нубии. К сожалению, содержимое этих сосудов неизвестно. Со своей стороны обитатели протодинастического Судана, как и современные им египтяне, получали с берегов Красного моря раковины Мепга, из которых изготавливали пояса, ожерелья и другие украшения. Других сведений о торговле не сохранилось.

По ряду признаков культуры мезо- и неолитического Судана занимают среднее место между культурами Египта, Сахары и Восточной Африки. Так, каменная индустрия Гебель-Аулийи (близ Хартума) напоминает культуру ньюро в Межозерье, а керамика-нубийскую и сахарскую; каменные цельты, сходные с хартумскими, встречаются на западе вплоть до Тенера, севернее оз. Чад, и Туммо, севернее гор Тибести. Вместе с тем главным культурно-историческим центром, к которому тяготели культуры Северо-Восточной Африки, был Египет.

По мнению Э.Дж. Аркелла, хартумская неолитическая культура была связана с

египетским Фаюмом через горные районы Эннеди и Тибести, откуда и хартумцы и фаюмцы получали серовато-голубой амазонит для изготовления бус.

Когда на рубеже 4-го и 3-го тысячелетий в Египте начало развиваться классовое общество и возникло государство, Нижняя Нубия оказалась южной окраиной этой цивилизации. Типичные поселения того времени раскопаны у с. Дакки С. Ферсом в 1909 - 1910 гг. и у Хор-Дауда советской экспедицией в 1961-1962 гг. Обитавшая здесь община занималась молочным скотоводством и примитивным земледелием; сеяли вперемешку пшеницу и ячмень, собирали плоды пальмы дум и сиддера. Значительного развития достигло гончарство, Обрабатывались слоновая кость, кремьень, из которого изготавливались основные орудия; из металлов использовались медь и золото. Культуру населения Нубии и Египта этой эпохи археологии условно обозначают как культуру племен "группы А". Носители ее в антропологическом отношении принадлежали в основном к европеоидной расе. В то же время (около середины 3-го тысячелетия, по данным радиоуглеродного анализа) негроидные обитатели поселения Джебель-эт-Томат в Центральном Судане сеяли сорго вида *Sorghum bicolor*.

В период III династии Египта (около середины 3-го тысячелетия) в Нубии наступает общий упадок хозяйства и культуры⁵, связанный, по мнению ряда ученых, с вторжением кочевых племен и ослаблением связей с Египтом; в это время резко усилился процесс высыхания Сахары.

В Восточной Африке, включая Эфиопию и Сомали, "неолитическая революция" произошла, по-видимому, только в 3-м тысячелетии, значительно позднее, чем в Судане. Здесь в это время, как и в предшествующий период, обитали европеоиды или эфиопеиды, похожие по своему физическому типу на древнейших нубийцев. Южная ветвь этой же группы племен обитала в Кении и Северной Танзании. Южнее их жили боскодо-идные (койсанские) охотники-собиратели, родственные санда-ве и хадза Танзании и бушменам Южной Африки.

Неолитические культуры Восточной Африки и Западного Судана, по-видимому, развились полностью лишь в период расцвета древнеегипетской цивилизации и сравнительно высоких неолитических культур Магриба и Сахары, причем они длительное время сосуществовали с остатками мезолитических культур.

Подобно стиллбейской и другим палеолитическим культурам, мезолитические культуры Африки занимали огромные пространства. Так, капсийские традиции прослеживаются от Марокко и Туниса до Кении и Западного Судана. Более поздняя культура магози, впервые открытая в восточной Уганде, была распространена в Эфиопии, Сомали, Кении, почти по всей Восточной и Юго-Восточной Африке до р. Оранжевой. Для нее характерны микролитические лезвия и резцы и грубая глиняная посуда, появляющаяся уже на поздних этапах капсия.

Магози представлена рядом местных вариантов; некоторые из них развились в особые культуры. Такова дойская культура Сомали. Ее носители охотились с помощью луков и стрел, держали собак. Сравнительно высокий уровень дои-ского мезолита подчеркивается наличием пестов и, по-видимому, примитивной керамики. (Известный английский археолог Д. Кларк считает прямыми потомками дойцев нынешних охотников-собирателей Сомали).

Другая местная культура — эльментейт Кении, основной центр которой находился в районе оз. Накуру. Для эльментейта характерна обильная керамика - кубки и большие глиняные кувшины. Такова же культура смитфильд в Южной Африке, для которой

⁵ С начала XX в. ученые считали, что около середины 3-го тысячелетия Нубию завоевали негроидные племена так называемой "группы В".. В последнее время американский археолог У. Адаме высказал веские аргументы против выделения культуры "группы В", которая, по мнению прежних исследователей, пришла в Нубию на смену культуре "группы А "; памятники ее слишком малочисленны, поселений не обнаружено.

типичны микролиты, шлифованные каменные орудия, изделия из кости и грубая глиняная посуда.

Пришедшая на смену всем этим культурам уилтонская культура получила свое название от фермы Уилтон в Натале. Ее стоянки находят вплоть до Эфиопии и Сомали на северо-востоке и вплоть до южной оконечности материка. Уилтон в разных местах имеет то мезолитический, то отчетливо неолитический облик. На севере это в основном культура скотоводов, разводивших длиннорогих безгорбых быков типа *Bos Africanus*, на юге — культура охотников-собирателей, а кое-где — примитивных земледельцев, как, например, в Замбии и Родезии, где среди характерного позднеуилтонского каменного инвентаря найдено несколько шлифованных каменных топоров. По-видимому, правильнее говорить об уилтонском комплексе культур, в который входят и неолитические культуры Эфиопии, Сомали и Кении 3-го — середины 1-го тысячелетия.

Неолитическую культуру Эфиопии 2-го — середины 1-го тысячелетия характеризуют следующие черты: мотыжное земледелие, скотоводство (разведение крупного и мелкого рогатого скота и ослов), наскальное изобразительное искусство, шлифование каменных орудий, гончарство, ткачество с применением растительного волокна, относительная оседлость, быстрый рост населения. По крайней мере первая половина периода неолита в Эфиопии и Сомали — это эпоха сосуществования присваивающего и примитивного производящего хозяйства при доминирующей роли скотоводства, а именно разведения *Bos africanus*.

Наиболее известные памятники этой эпохи — большие группы (многие сотни фигур) наскальных изображений в Восточной Эфиопии и Сомали и в пещере Корора в Эритрее.

К числу самых ранних по времени относятся некоторые изображения в пещере Дикобраза близ Дире-Дауа, где красной охрой нарисованы различные дикие животные и охотники. Стиль рисунков (известный французский археолог А. Брейль выделил здесь свыше семи разновременных стилей) натуралистический. В пещере найдены каменные орудия магозийского и уилтонского типов.

Весьма древние изображения диких и домашних животных натуралистического или полунатуралистического стиля открыты в местностях Генда-Бифту, Лаго-Ода, Эррер-Кимьет и др., к северу от Харэра и близ Дире-Дауа. Здесь встречаются пастушеские сцены. Скот длиннорогий, безгорбый, вида *Bos africanus*. У коров обозначено вымя, следовательно, их доили. Среди домашних коров и быков встречаются изображения африканских буйволов, очевидно одомашненных. Других домашних животных не видно. Одно из изображений позволяет предполагать, что, как и в IX—XIX вв., африканские пастухи-уилтонцы ездили верхом на быках. Пастухи одеты в набедренники и в короткие юбки (из кож?). В волосах одного из них гребень. Вооружение составляли копья и щиты. Луки и стрелы, также нарисованные на некоторых фресках в Генда-Бифту, Лаго-Ода и Сака-Шерифа (близ Эррер-Кимьет), очевидно, применялись охотниками, современными пастухам-уилтонцам

В Эррер-Кимьет есть изображения людей с кругом на голове, очень сходные с наскальными изображениями Сахары, в частности района Хоггар. Но в целом стиль и объекты изображений наскальных фресок Эфиопии и Сомали обнаруживают несомненное сходство с фресками Сахары и Верхнего Египта додинастического времени.

К более позднему периоду относятся схематические изображения людей и животных в различных местах Сомали и области Харэр. В то время преобладающей породой домашнего скота стал зебу — несомненное свидетельство связей Северо-Восточной Африки с Индией. Наиболее схематичные изображения скота в районе

Бур-Эйбе (Южное Сомали), по-видимому, говорят об известном своеобразии местной уилтонской культуры.

Если наскальные фрески встречаются как на эфиопской, так и на сомалийской

территории, то гравировка на скалах характерна именно для Сомали. Она примерно современна фрескам. В районе Бур-Дахир, Эль-Горан и др., в долине Шебели открыты гравированные изображения людей, вооруженных копьями и щитами, безгорбых и горбатых коров, а также верблюдов и каких-то других животных. В общем они напоминают аналогичные изображения из Ониба в Нубийской пустыне. Кроме крупного рогатого скота и верблюдов, возможно, имеются изображения овец или коз, но они слишком схематичны, чтобы их можно было с уверенностью идентифицировать. Во всяком случае древние сомалийские бушменноиды уилтонского периода разводили овец.

В 60-х годах было открыто еще несколько групп наскальных изображений и уилтонских стоянок в районе г. Харэр и в провинции Сидамо, северо-восточнее оз. Абая. Здесь также ведущей отраслью хозяйства было разведение крупного рогатого скота.

На западе Африки "неолитическая революция" происходила в очень сложной обстановке. Здесь в древнейшие времена чередовались влажные (плювиальные) и сухие периоды. В течение влажных периодов на месте саванн, изобиловавших копытными животными и благоприятных для деятельности людей, распространялись густые дождевые леса (гилеи), почти непроходимые для людей каменного века. Они более надежно, чем пустынные пространства Сахары, преграждали доступ древним обитателям Северной и Восточной Африки в западную часть континента.

Одним из наиболее известных памятников неолита Гвинеи является грот Какимбон близ Конакри, открытый еще в колониальное время. Здесь были найдены кирпичи, мотыги, тесла, зубчатые орудия и несколько топоров, отшлифованных целиком или только по режущему краю, а также орнаментированная керамика. Совсем отсутствуют наконечники стрел, но есть листовидные наконечники метательных копий. Сходный инвентарь (в частности, шлифованные по лезвию топоры) обнаружен еще в трех местах близ Конакри. Другая группа неолитических стоянок открыта в окрестностях г. Киндиа, примерно в 80 км северо-восточнее гвинейской столицы. Характерная особенность здешнего неолита - шлифованные топоры, кирпичи и долота, круглые трапециевидные наконечники дротиков и стрел, каменные диски для утяжеления палок-копалок, шлифованные каменные браслеты, а также орнаментированная керамика.

Примерно в 300 км севернее г. Киндиа, близ г. Телимеле, на нагорье Фута-Джаллон, открыта стоянка Уалиа, инвентарь которой очень сходен с орудиями из Какимбона. Но в отличие от последнего здесь найдены листовидные и треугольные наконечники стрел.

Примерно в 65 км еще далее на север, близ г. Пита, открыта третья группа стоянок, инвентарь которых напоминает Уалиа. Сходные памятники обнаружены и еще далее, в северном направлении, почти до границ Мали.

В 1969-1970 гг. советский ученый В.В.Соловьев открыл на Фута-Джаллоне (в средней Гвинеи) ряд новых стоянок с типичными отшлифованными и оббитыми топорами, а также оббитыми с обеих поверхностей кирпичами и дисковидными нуклеусами. Вместе с тем на новооткрытых стоянках отсутствует керамика. Датировка их весьма затруднена. Как отмечает советский археолог П. И. Борисковский, в Западной Африке "одни и те же типы каменных изделий продолжают встречаться, не претерпевая особенно существенных изменений, на протяжении ряда эпох - от санго (45-35 тыс. лет назад.-Ю. К.) до позднего палеолита"⁶. То же самое можно сказать и о памятниках западноафриканского неолита. Археологические исследования, произведенные в Мавритании, Сенегале, Гане, Либерии, Нигерии, Верхней Вольте и других западноафриканских странах, показывают преемственность форм микролитических и шлифовальных каменных орудий, а также керамики начиная с конца 4 - 2-го тысячелетий до н. э. и вплоть до первых веков новой эры. Часто отдельные предметы, изготовленные в

⁶ Борисковский П. И., Соловьев В. В. Новые материалы по каменному веку Гвинеи.-Сборник Музея антропологии и этнографии № XXXIII. Из культурного наследия народов Америки и Африки. Л., 1975, с. 162

древнейшее время, почти неотличимы от изделий 1-го тысячелетия н. э.

Несомненно, это свидетельствует о поразительной устойчивости этнических общностей и созданных ими культур на территории Тропической Африки древнейшего и античного времени.

Древнейшие народы Африки

Какие же народы населяли древнейшую Африку? На этот вопрос при современном состоянии знаний ответить непросто.

В антропологическом отношении нынешние африканцы (за исключением южноафриканцев европейского и азиатского происхождения и островитян, включая мальгашей Мадагаскара) подразделяются на пять основных расовых типов. Север материка населяют европеоиды, Тропическую и отчасти Южную Африку — негроиды, в лесах южнее экватора среди негроидов живут негрилли (пигмеи), в Южной и Восточной Африке кое-где сохранились остатки боскопской (бушменской) расы. Имеется много смешанных и переходных типов. К числу последних относятся эфиопеиды, населяющие в основном северо-восток материка (Восточный Судан, Эфиопия, Сомали, часть Кении) и готтентоты Южной Африки и Намибии; по многим признакам эфиопеиды ближе к европеоидам, чем к негроидам, а готтентоты, как доказал известный советский антрополог В.П.Алексеев, ближе к негроидам, чем к бушменам.

Все эти расовые группы сосуществовали и на территории неолитической Африки, нередко смешиваясь друг с другом и образуя новые этносы, как это происходило начиная с 4-го тысячелетия в долине Нила и на территории нынешней Сахары, которая тогда еще не была пустыней.

Отдельным климатическим зонам грубо соответствовали определенные типы систем "этнос-ландшафт" и связанные с ними хозяйственно-культурные типы. Так, боскопцы населяли саванны и степи Южной и Восточной Африки, негрилли — леса к западу и северу от них, негроиды -лесные и лесосаванные земли к югу от Центральной Сахары, европеоиды - субтропики и переходные от тропиков к субтропикам зоны к северу от негроидов и боскопцев. Последние, как и негрилли, вели присваивающее хозяйство (боскопцы - степного, а негрилли -лесного типа), тогда как европеоиды уже в основном перешли к земледелию и скотоводству и передавали навыки ведения этих форм хозяйства негроидам, обычно при этом смешиваясь с ними. Огромное значение в древней "европеоидной" Африке и на ее ближней "негроидной" периферии имело скотоводство — разведение крупного и мелкого рогатого скота.

Европеоиды (вместе с эфиопеоидами) жили севернее и северо-восточнее негроидов, негриллий и боскопцев, негроиды - севернее двух последних рас, а негрилли - западнее и севернее боскопцев.

Недостаточная археологическая изученность мезо- и неолитической Африки пока еще не позволяет связать ту или иную археологическую культуру с этнолингвистической общностью (мы можем с уверенностью судить лишь об антропологическом типе носителей данной культуры, если найдены их некрополи). Некоторое представление о лингвистической карте древнейшей Африки дает современное распространение языковых семей и групп.

Согласно классификации американского лингвиста Дж. Гринберга, в Африке (помимо индоевропейской и малайско-полинезийской, явно неафриканских по своему происхождению) существует пять языковых семей: афразийская (семито-хамитская) , нило-сахарская, нигер-конго, кордофанская, койсанская. Эти языковые семьи (кроме реликтовой кордофанской) располагаются на карте Африки поясами, причем каждая последующая занимает более южное или юго-западное положение, чем предыдущая. Существует ограниченное соответствие между языковыми семьями (и даже отдельными

группами языков), расами и естественными областями, хотя имеется и большое число отклонений, некоторые из которых, впрочем, относятся лишь к сравнительно позднему времени (так, распространение туарегского и арабского языков в Судане и языков банту в Центральной, Восточной и Южной Африке датируется средними веками и новым временем). Учитывая это, "снимем" их ареалы с этнолингвистической карты современной Африки. Кроме того, передвинем к северу на 2 тыс. км северную границу распространения языков семьи нигер-конго, поскольку границы лесов и саванн в северном полушарии в глубокой древности проходили на 2 — 2,5 тысячи километров дальше к северу, чем теперь, так как тогда не было пустынь. В итоге мы получим следующую картину распространения африканских языков в древнейшие времена.

Субтропический север материка и северо-восток, возможно, до Северной Танзании включительно занимали афразийские языки: древнеегипетский — в долине Нила, кушитские — к юго-востоку от него, берберский—к западу, древнейший чадский (прахауса) — в Центральной Сахаре. К югу от кушитских языков в Восточной и всей Юго-Восточной и Южной Африке были распространены койсанские языки; к западу от кушитских, к юго-западу от египетского и югу от чадского — нило-сахарские языки; к западу от последних и к югу от берберского — языки семьи нигер-конго. В бассейне р. Конго, несмотря на название, этих языков могло еще и не быть, так как мы не знаем речь древних пигмеев (в историческое время они говорили на языках своих высокорослых соседей).

Лингвисты пытались проследить родственные связи отдельных языковых семей, группы которых образуют более или менее обширные "сверхсемьи". К "ностратической" сверхсемье в Африке относятся лишь афразийские (семито-хамитские) языки. Их выделение из общей группы с древнейшими индоевропейскими, кавказскими, финно-угорскими, хуррито-урартскими, дравидийскими и другими "ностратическими" языками датируется верхним палеолитом. Таким образом, историческое языкознание наряду с антропологией и археологией предлагает нам данные, объединяющие древнейшую Северную Африку с Евразией и отделяющие ее от Тропической и Южной Африки.

Древнейший афразийский язык, от которого происходят семитские, кушитские, берберские, чадские и египетские, существовал, возможно, в 9-м — середине 8-го тысячелетия. Уже около середины 8-го тысячелетия из него выделился древнейший кушитский язык, от которого вскоре отпочковалась юго-западная ветвь. В первой половине 4-го тысячелетия древнейшие семиты, возможно пришедшие в Азию из Нижнего Египта, начали широко расселяться в Сирии и Аравии, дробиться на племена и "языщи", в результате чего прасемитский язык распался на отдельные ветви (аккадскую, древнеарабскую и др.). Судя по данным лингвистики, уже в середине 4-го тысячелетия семиты занимались земледелием и скотоводством. Вероятно, к этому времени древнейший чадский язык уже отделился от праберберского. Это произошло еще до распространения скотоводства в степях, саваннах и горных лесах древней Сахары.

В Тропической Африке взаимное родство обнаруживают языковые семьи нигер-конго и кордофанская (последняя сохранилась между афразийскими и нило-сахарскими языками в суданской провинции Кордофан). Паранилотские языки, входящие в нило-сахарскую семью, немало заимствовали у соседних с ними кушитских; антропологический тип и культура паранилотских народов также в общем напоминают кушитов. Другие нило-сахарские языки имеют связи с языками группы нигер-конго.

Наиболее изолированной выглядит койсанская языковая семья, последние реликты которой сохранились в Южной Африке, Намибии, Анголе и Центральной Танзании. Возможно, в древности койсанские языки встречались на территориях, где сейчас не осталось и таких реликтов койсанского этноса, как бушмены Анголы и Родезии или хадза, вахи и сандаве Танзании. Для койсанских языков характерны шелкающие и цокающие звуки, образуемые при вдохе, что не встречается ни в каких других языках, за

исключением южнобантуских, где они объясняются заимствованием из койсанских. Поэтому трудно отделаться от впечатления, что речь идет о койсанском языке, когда мы читаем у Геродота следующую характеристику языка "эфиопов-троглодитов", живших где-то южнее гарамантов и занимавшихся охотой на мелкую дичь: "Их язык не похож ни на какой другой: они щелкают (или свистят), как птицы, и шипят, как летучие мыши". Эти сведения были почерпнуты "отцом истории" из книги Гекатея Милетского, а последним получены через гарамантов и киренских греков, но не исключено, что сам Гекатей встречал в Кирене рабов из "троглодитов", проданных сюда гарамантами, и слышал их речь. Информацию Гекатея — Геродота трудно отнести к какому-либо из нило-сахарских языков, распространенных в этой части Африки, тем более к берберскому языку древних ливийцев. С некоторой натяжкой это сообщение можно сопоставить с очень своеобразным "языком свистов", распространенным на Канарских островах. Известно, что он существовал еще у гуанчей, древних и средневековых обитателей Канарских островов, родственных по языку и культуре берберам Атласа и Сахары. Но разумеется, беглого и малонадежного замечания Геродота недостаточно для того, чтобы судить о связях языка "эфиопов-троглодитов" с одной из современных языковых групп.

Как ни мало мы знаем о языках древнейшей Африки, мы все-таки можем говорить о том, что лингвистическая карта этого материка в ранние эпохи выглядела менее запутанной и пестрой, чем в древнейшей Евразии. Очевидно, причина этого различия лежит, во-первых, в более низком уровне социального развития африканских обществ, во-вторых, в непроходимости африканских лесов, в которых тогда еще не было или почти не было нынешних "саванных коридоров", вдоль которых в средние века и в новое время осуществлялись миграции. Должно быть, миграции племен в древнейшей Африке не были столь грандиозны, как в Евразии. Поэтому в Африке (вплоть до эпохи быстрой экспансии арабского языка и языков банту) мы не найдем ничего подобного распространению индоевропейских языков, которые еще до начала античного времени продвинулись до Скандинавии и Британских островов на северо-западе, Западного Китая на востоке и Цейлона на юго-востоке.

Тем не менее, как и повсюду на Земле, в древнейшей и древней Африке происходило движение языковой информации от центров цивилизации к их ближней, а затем и дальней периферии. Поэтому отдельные кушитские языковые формы переходили к нило-хамитам, берберские — к западносуданцам и т.д. Структура языка обычно ставит жесткий барьер проникновению лингвистической информации. Так, берберские языки не заимствовали от индоевропейских (греческого, латинского, вандальского) ни одного глагола, хотя из отдаленно родственных семитских языков — финикийского и арабского — глаголы заимствовались. В то же время имена существительные сравнительно легко проникали в берберский язык не только из финикийского и арабского, но и из греческого, латинского, французского и др. Основную группу среди них составляют термины, связанные с важнейшими явлениями культуры.

Путешествия слов

Отдельные слова, связанные с такими элементами культуры, как виды культурных растений и домашних животных, религиозные термины и пр., распространялись на огромные расстояния.

Этим объясняется тот поистине поразительный факт, что в различных языках мира, территориально весьма отдаленных и не родственных между собой, мы находим сходные слова, обозначающие одни и те же или же сходные понятия. Например, в различных африканских языках встречается сходное название быка, коровы или буйвола: древнеегипетское "ка" (бык) и kaut (корова), коптское "ко" (бык), амхарское gos (буйвол),

арабское *gamus* или *jamis* (буйвол) и *gamal* или *jamal* (верблюд), готтентотское *goma-s* (корова) и *goma-b* (бык). Согласно исследованиям британских лингвистов М. Гатри и Д. Долби, на древнейших диалектах банту и протобанту названия быков и диких буйволов были *gombo*, *gombe*, *ngombe*. К этим словам восходят суахилийское и вообще восточнобантуское *ngombe* (бык), которое имеется также в языках гереро (Намибия), банту Южной Анголы, тонга в долине Замбези; бечуанское *ngomo*; на языке буби о-ва Фернандо-По *nkogo* (бык); зулусское *i-nkomo*, *i-nkabi* (бык) и *i-nkomazi* (корова). По-видимому, слова того же корня встречаются и на западе Африки - на языках банту Камеруна: яунде *paqa* (бык), дуала *paqa* (бык), древнеегипетское *neg*, *pega* и с тем же значением кушитское "nagu" (на языке оромо в Эфиопии в значении "бык"), *pagge* (корова) на языке фульбе; сонгайское *hau* (корова), а также *ligime*, *goni* (верблюд) на языках Центрального Судана и т. д.

Ранее всего это слово засвидетельствовано в памятниках шумерского языка 3-го тысячелетия - *ngud*, *gu*. Тот же термин встречается в древних индоевропейских языках: санскритское *hauh*, древнеиранское *haus*, латышское *govs* (корова), славянское "говядо" (отсюда — говядина). На востоке он проник до Тибета, Бирмы и Южного Китая (*ngejeu*, *ngu*, *ngo*, *gu*, *go* и т.п. в тибето-бирманских языках), на северо-западе - до германских стран (немецкое *Kuh*, английское *cow*, голландское "кoe", датское и шведское "Ко", норвежское *ku* (корова) и т. д.).

При современном уровне наших знаний мы можем проследить постепенную трансформацию древнейшего индоевропейского *gau*, скажем, в "кoe" языка африкаанс или в соответствующий термин на одном из тибето-бирманских языков, но еще не в состоянии проделать то же с готтентотскими или бантускими словами, внешне созвучными с шумерийским *ngud*, *gu* и с индоевропейским *gau*, и тем самым доказать их родство.

В значительной степени так же обстоит дело с миграционными терминами для обозначения металлов. В африканских языках встречается множество слов, обозначающих металлы, явно заимствованных в средние века и в Новое время из таких языков, как арабский, португальский, английский и французский. Но в этой группе терминов имеются и более древние пришельцы. Среди древнейших названий металлов на Ближнем Востоке и в Средиземноморье мы находим корни *wrd*, *brz1*, *hm* и др.

Ugudu — шумерийское слово, обозначающее медь, происходит от первого из них. Этот же Корень встречается в латыни в формах *gaudus*, *rudus* (кусочек меди), в славянском "руда", в немецком *Erz* (руда, медь, бронза). Финикийское *haras* (золото, медь) так же родственно этому термину, как и арабское *waḡ* или *wuḡ* (серебряные монеты), древнеэфиопское *wogḡ* (золото) и происходящие от последнего слова с тем же значением в современных языках Эфиопии. Впрочем, немецкий востоковед М. Райниш считал слово *wogḡ* языка геэз (древне-эфиопского) заимствованным от древнего кушитского *wanḡ* с тем же значением. Отсюда происходит *apso* (золото) в ряде кушитских языков Эфиопии, *aso* в языке кафа и др.

К финикийскому близки латинские слова *aes* (медь, бронза, медная руда, медная монета), *aereum* (медная монетка) и *aurum* (золото), *argenteus* (золотой и червонец), откуда происходят французское *or* (золото), итальянское *oro* (золотых дел мастер), скандинавское *oge*, *óge* (эре, монета).

Финикийское слово *Bagas* было заимствовано берберами и, возможно, народами древнего Сенегала, говорившими на языках "атлантической бантоидной" группы. Оно встречается в форме *igus* в языках джолоф, серер, диола и значит "золото". У берберов же слово, обозначающее золото, звучит как *igerh* или *igeg* в сусеком, *uḡa* в мзабском, 'uḡa, 'uḡi в диалектах зенага, *iger*, *uḡoḡ*, *uḡa* в диалектах языка томашек (туарегский язык). От берберов этот термин перекочевал к народам Западного Судана: *uḡa* в сонгайском языке, *wag* в языке сенуфо, *wulo* у гурма, *wore*, *wori*, *woli*, *wodi*, *waru*, *wale*, *wali1* в языках

денди, бариба, бозо, мандинго, в том числе в диалекте бамбара или бамана, дьялонке, гурунси, дагари, куланго, киси, герзе, котакколи, а также в языке йоруба. В форме wale это слово засвидетельствовано в языке сараколе, одном из старейших языков этой части Африки, однако в значении "медь", а не "золото", как в остальных языках Западного Судана и Западной Нигерии.

Древний семитский корень слов, обозначающих металл,— brzl, возможно, содержит в себе в качестве трех первых согласных основы шумерийское слово ugudu. От этого корня образовано аккадское, финикийское и древнееврейское brzl и древне-арабское frzl с тем же значением. По-видимому, к финикийскому brzl восходит и архаичное латинское ferzo [d], от которого произошли классическое латинское ferrum и соответствующие слова в романских языках.

Корень brzl, слегка видоизмененный, звучит в следующих словах с одинаковым значением: арабское birunz, славянское "бронза", итальянское bronzo, английское, французское, немецкое, голландское, фламандское bronze, английское brass (латунь) и др. Того же корня древнеармянское birinz, современное psindz и заимствованное из армянского, удинское pilinz (медь), грузинское pilindzi (медь) и prindjao (бронза).

Проникло это слово и в Африку. В берберско-пунической билингве из Дугги (около 150 г.) в пуническом тексте железо обозначено термином brzl, а в берберском - происходящим от него zl. К последнему восходят слова со значением "железо" в современных берберских языках: uzzal в сусеком, мзабском, иудео-берберском, нефусском, сенедском; uzzej в диалекте зенага Южной Мавритании; tazuli, zoali в диалектах языка томашек. По мнению известного французского африканиста Р. Мони, к берберскому названию железа восходят и слова с тем же значением в ряде языков Центральной Сахары и Центрального Судана: asobo (железо) и gezzet (олово) в языке теда (у тибу), assu у даза, siu у канури, su у котоко, sissu у бариба, aso у джакун и т.д. Не ясно происхождение названия меди у герзе Верхней Гвинеи (Бага), но скорее оно восходит к английскому brass, чем к пуническому barzel.

Другой вариант того же корня мы находим в древнеегипетском brj и, коптском barot (бронза), древнеэфиопском byrt и byrug (железо, серебро и бронза), амхарском byret (железо), а также bartat (сила, твердость, мужество), на диалекте хамир языка агау birit, на языке афар birta, на кунама bida, на диалекте кулло языка омето bereta, на языке гонга birto, на кафа birato, на сомалийском — birr (все в значении "железо", как и ряд сходных слов на других кушитских языках), а также амхарское byrr (серебро, талер).

Древнеегипетское слово hm-t; (железо), по-видимому, одного происхождения с корнями uuma (варианты: пита, Битба) и jembe (варианты: huma, humba и др.), которые обнаружены во многих языках Тропической Африки и от которых образованы слова со значением "железо", "металл", "мотыга", "деньги" и пр. Например, у галла Эфиопии железо - sibila, у суахили и других банту Восточной Африки — jembe, у банту Южной Африки — simbi и т.д. В языке протобанту uuma обозначало "железо", "вещь", "личная принадлежность", а jembe или gembe — "железо" или "мотыга". Корень jembe (варианты: gembe, sumbe и др.) встречается и в языках Центральной Африки; некоторые его варианты имеют сходство с приведенным выше словом sobo (железо) в языке теда и sui в языке канури. Или это только "внешнее сходство"?

Поразительно, что в языке кикуба (бывшее царство Бушонго в Заире) железо в обычной речи называется jimbi (от египетского hm), а на тайном жаргоне кузнецов - боло (от египетского brj).

В языках Эфиопии мы находим и другое слово для обозначения железа, железного оружия: в кафском — turo, в древне-эфиопском — sor, в амхарском — tsog (копье, вооружение). Это слово (tare, tale) в значении "железо" встречается в ряде языков банту. Английские лингвисты М.Гатри и Д. Долби установили звучание древнего корня в языке протобанту — tabe, близкого к tage и имевшего значения "камень", "железная руда",

"железо", "кричное железо" и т. п.

Серебро появилось, в Сахаре и Тропической Африке сравнительно поздно. Известно, что впервые лишь римляне начали разрабатывать серебряные руды Магриба, а в Нубийской пустыне серебро, встречавшееся в примеси к золоту, либо не учитывалось древнеегипетскими ювелирами, либо удалялось в отход при очищении золота от примесей (в поздний период) . Поэтому в африканских языках мало оригинальных терминов для обозначения серебра. Иногда его называют "белым золотом", иногда словами, образованными от названия денежных единиц, либо терминами, первоначально применявшимися к другим металлам, как амхарское Бугг.

В Сахаре и Центральном Судане название серебра явно финикийского происхождения, происходящее от пунического *kasaph* (серебро) : берберское (мзабское, туарегское, зенага и пр.) *azerfa*, сонгайское *azurfu*, хаусанское *azurfa*, заимствованное также их южными соседями -нупе, курфей, денди и пр., на языках группы гур: моро *wazurfu*, гурма *adyulfa*, хвари *azumra*.

Сходные слова встречаются и в других частях Африки, а также за ее пределами, но, не зная их действительного происхождения, мы не должны вступать на весьма неверный путь сближения слов разных языков лишь по их внешнему сходству. Так, русское слово "медь" сходно с амхарским *medab*, имеющим то же самое значение, но совсем иное происхождение. Слово *aso* на языке кафа (западнокушитской группы) звучит очень сходно с *азо* у джакун Нигерии; сходны и их значения, первое значит "золото", второе — "железо"; кафское слово *aso* напоминает *asin* (железо) на языке хамир (оба в Эфиопии). Но *aso* происходит, по-видимому, от древнего кушитского *wanq*, *asin* -от древнего семитского *hasin*, а *aso* -от древнего ливийского *zl*, восходящего к пуническому *barzel*.

Известный советский лингвист В. В. Иванов проследил распространение в Африке и Евразии древнего корня *рег* в значениях "дом", "дворец", "город". Древнейшими представляются первые два значения, известные, с одной стороны, в хеттском и родственных ему анатолийских языках, а также в хурритском и касситском, а с другой стороны, в древнеегипетском. В других индоевропейских языках это слово приняло значения "крепость", "город". Так, известное греческое слово *πολις*, авестийское *pur* (сравните г. Нишапур в Иране), санскритское *pura*, литовское *pilis* (крепость), латгальское *pils* (крепость, город, сравните Даугавпилс, или Двинск) и т. д. В древнеегипетском языке близкое значение термина *рг* появилось в период Нового царства, когда была построена резиденция фараонов Пер-Рамсес. В языке хауса имеется слово того же корня *birni*, близкое по звучанию серии анатолийских слов со значением "дом", "дворец" (лидийское *bira*, лувийское и хеттское *rapn-*, а также хурритское *ripni*, *ripili* и касситское *ripna*), но со значениями "стена", "городская стена", "город, окруженный стеной", "столица государства". В. В. Иванов, анализируя происхождение этого хаусанского слова, относит его к "наиболее архаичному типу миграционных терминов"⁷, как понимал данное явление русский лингвист Е.Д.Поливанов. Последний выделил класс древних терминов типа "лошадь" и определил его так: "Миграционный термин, распространившийся, однако, в столь отдаленное время, что в пределах одной языковой семьи ему допустимо приписывать (с известными оговорками) и праязыковой характер"⁸.

"Миграционные термины", как и другие элементы информации, распространялись из очагов цивилизации на их периферию. В древности главным очагом цивилизации на Африканском материке был Египет, где уже в 3-м тысячелетии существовало первое в Африке классовое общество и государство.

⁷ См. Иванов Вяч. В. О возможном отражении одного миграционного термина в хауса (хауса *birni* — "город").- В. кн.: Языки Африки. Вопросы структуры, истории и типологии. М., 1966, с. 110.

⁸ Поливанов Е.Д. К вопросу о родственных отношениях корейского и алтайского языков.-"Известия АН СССР", VI сер., т. XXI. Л., 1927, с. 1202-1203, примеч. 3.

Первые царства на Земле

В 3-м тысячелетии в наиболее развитых странах Ближнего Востока образовались первые примитивные государства. Советские ученые И. М. Дьяконов и М. А. Коростовцев удачно называют их «номовыми» государствами (от номов - княжеств, позднее провинций) Древнего Египта. Они возникли на базе добровольного союза или насильственного объединения племен. Для "номовых" государств (и их разновидностей — городов-государств, сегментных государств, племенных княжеств и т.п.) характерны крайняя неразвитость аппарата принуждения и преобладание еще догосударственных, общинных средств управления. Однако отдельные элементы власти уже приобретают публичность, противопоставляются обществу, трансформируется и вся система общественной регуляции. Поэтому "номовые" государства являются ближайшими предшественниками царств - более обширных по занимаемой территории и более сложно организованных государств. Первоначально последние строились как объединение "номовых" государств и лишь с течением времени утрачивали традиционную номовую структуру.

Первые в истории царства возникли там же, где и первые номы: в Двуречье, Эламе, Египте, Сиро-Палестинском районе и Малой Азии. В каждом случае они консолидировали группы номов. В появлении царств основную роль играло именно наличие, чье номов с их примитивной государственностью, а не их этнический облик к пр. Этническая, равно как и политическая, интеграция номов происходила уже в рамках соответствующих царств.

В Шумере номы начали объединяться в конфедерацию под гегемонией Ниппура около 3000 г. Позднее центрами объединения стали Киш на севере и Урук на юге; Лагаш, Ур, Мари и Адаб также временами претендовали на гегемонию. В результате взаимной борьбы номов и суперномов за гегемонию в Двуречье они все были покорены сначала правителем Уммы Лугальзагеси, а затем соперником последнего Саргоном Древним, царем Аккада (2316-2261), подчинившим не менее 70 номов Верхней, Средней и Нижней Месопотамии и Элама. Саргон сообщает в своей надписи также о завоевании областей Яримута (позднее - Римита, в эллинистическое время - Лаодикея, теперь - Латакия) и Эбла, или Урсу (современный Арсун), в Сирии на побережье Средиземного моря.

Верховенство Саргона простиралось от Сирии до Персидского залива; это было самое большое из когда-либо существовавших до тех пор государств. Аккадское царство в XXIII в. было разрушено нашествием гуттиев, которые установили свою гегемонию по всему Двуречью.

При Саргоне впервые упоминаются южные страны Маган, Дильмун и Мелухха. Ниппурские двуязычные надписи Саргона Древнего (С-Д) сообщают: "Насколько граница Моря, корабли Мелуххи, корабли Магана, корабли Дильмуна он заставил пришвартовать". При Нарамсине (или Нарамсуэне, 2236 - 2200) в Аккад с юга пришли мелуххиты, "народ черной страны", и принесли порфир, золотой песок и ценные породы дерева. Во 2 — 1 -м тысячелетиях вавилоняне и ассирийцы Маганом называли Египет, а Мелуххой - Нубию. Но в 3-м тысячелетии, по-видимому, эти названия применялись совсем к другим странам, расположенным где-то в бассейне Индийского океана, так как они лежали у крайних пределов известного аккадцам Моря. Маган и Дильмун обычно локализируют в Омане и Фарсе. Советский ученый А. Кифишин предположил, что Мелухха — это та же восточноафриканская страна, что и Пунт египтян и библейский Офир. Однако более правдоподобно, что Маган находился в западном Мекране, на иранском берегу Аравийского моря, а Мелухха - в восточном Мекране (Белуджистан) или в долине и устье Инда.

Почти одновременно с Двуречьем, но более быстрыми темпами образуется

древнейшее царство на Африканском материке-Египетское. С 4-го тысячелетия и вплоть до нового времени Египет был важнейшим очагом цивилизации в Африке. Здесь в начале 3-го тысячелетия "номовые" государства впервые объединяются в два царства— Верхнеегипетское и Нижне-египетское, которые в результате борьбы за гегемонию (подробности которой нам не известны) слились в одно.

Каждое из древних царств, таких, как Шумер, Аккад, Элам, древнейшие царства Среднего и Дальнего Востока, являлось центром особой политической и культурно-исторической системы, периферию которой составляли небольшие "номовые" государства, союзы племен и отдельные племена. Египет был центром одной из таких систем, включавшей окружающие его пустыни и оазисы, северо-западное, а порой и юго-западное побережье Красного моря, восточную часть Ливии, северную половину Судана, далекую страну Пунт в области Африканского Рога, а также ближайшие к своим границам районы Сирии, Палестины и Ливана. Эта система, то расширяясь, то сокращаясь, была весьма устойчива: она просуществовала свыше двух тысяч лет!

Глава первая.

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ АФРИКА

Основное богатство Древнего Египта составляли миллионы искусных земледельцев-феллахов, которые уже на заре истории превратили всю долину Нила от I порога до болот Дельты в культурный ландшафт — сад пальм и фруктовых деревьев, разделенный на участки дамбами и каналами, перемежавшимися полями пшеницы, ячменя, полбы, бобовых и пр., огородными и бахчевыми культурами, посаженными между деревьями. Уже в глубокой древности каждый клочок долины Нила был тщательно возделан. Египет в течение тысячелетий оставался самой богатой, плодородной, густонаселенной и цивилизованной страной Африки. Тем не менее он был очень беден металлами, лесом, продуктами животноводства и охоты. Недостающие продукты египтяне стремились получить на периферии своей цивилизации, прежде всего в Северо-Восточной Африке: Судане, Эфиопии, Сомали, а также на Синае и в Сиро-Палестинском районе.

Около 2700 - 2500 гг. до н. э. Египет был объединен под властью первых династий, о которых мы мало что знаем. Возможно, первым правителем объединенного Египта был фараон Скорпион, о деяниях которого рассказывают рельефные изображения на каменных навершиях двух жезлов, или булав. На одном из них Скорпион шествует в короне Нижнего Египта, на другом он изображен в короне Верхнего Египта, с мотыгой в руках, работающим на берегу канала. Над головой фараона - чибисы и лук, вероятно символические обозначения номов. Предполагаемый преемник Скорпиона — фараон Нармер, о деяниях которого, между прочим, сообщает шиферная табличка, найденная в Иераконполе. На одной ее стороне Нармер изображен в короне Верхнего Египта, на другой - в короне Нижнего Египта. Перед ним знаменосцы несут штандарты четырех номов, лежат обезглавленные враги, сдаются в плен или спасаются бегством вожди Нижнего Египта. В образе могучего буйвола фараон сокрушает крепость, в образе сокола Гора властвует над землей и жителями Дельты.

На одной шиферной палетке фараона Скорпиона впервые встречается сочетание двух иероглифических значков: ") (метательная палица) и СЭ (земля), которое известный немецкий египтолог Карл Зете интерпретировал как "Техену, или Ливия". Ниже этого сочетания знаков изображен ряд быков, под ним — ряд ослов, еще ниже — ряд баранов и, наконец, ряд деревьев, что, по-видимому, должно обозначать добычу животных, захваченных в Ливии, и саму эту страну. Иероглиф сЪ служит для обозначения Ливии и в надписи на стене древнейшего храма Солнца в Неусарре, где богиня Нейт \$ названа ЭД сЪ — "Нейт Ливийская". При Нармере в написании Техену (Ливия) был добавлен знак \$ - "молочный кувшин". Так, на пластинке из слоновой кости с именем Нар-мера Ливия

обозначена как) & . Точно таким же или очень сходным образом название этой страны передано на некоторых шиферных палетках или пластинках из слоновой кости времени I и даже IV династии Египта.

Знак молочного кувшина говорит о роли молочного животноводства в хозяйстве ливийцев 3-го тысячелетия, а знак метательной палицы - об их характерном охотничьем и боевом оружии.

В Древнем Египте также были широко распространены метательные палицы, но в период Древнего и Среднего царств они сохранились только как спортивное оружие вельмож — любителей охоты на перелетных птиц в болотах Дельты. Однако ливийцы и пунтяне еще долго продолжали пользоваться метательными палицами на войне и на охоте, а у различных народов Судана это оружие сохранялось вплоть до недавних лет.

В свое время К. Зете считал, что еще до объединения Египта фараоном Скорпионом, когда в Дельте существовало особое царство со столицей в г. Буто, его жители называли Ливию "землей Техену", а ливийцев — хегиу, нубийцев же-иуну, а ближайшие к Египту азиатские племена - менту. Название "хетиу" в сущности то же самое слово, что и "хетий"-вождь. Оно сохранилось в наименовании одного из кушитских племен Судана - хадендауа, которое расшифровывается как хада+эндауа (вождь+кочевники), "вожди кочевников". Действительно, хадендауа были господствующим племенем среди беджа. Известный советский египтолог и африканист Д. А. Оль-дерогге высказал весьма правдоподобное предположение, что уже в 3-м тысячелетии хешу являлись господствующим родом или племенем Ливии, возглавлявшим более широкое объединение племен.

Заманчиво предположить, что цари Верхнего Египта Скорпион и Нармер, покорив Нижнеегипетское царство, обратили затем оружие против предгосударственного объединения Техену, надеясь подчинить его своей власти. С другой стороны, сами ливийские племена, побуждаемые к переселению периодическими засухами, связанными с постепенным высыханием древней степной и лесной Ливийской пустыни, стремились осесть на благословенных берегах Нила, но встречали здесь сопротивление египтян. Мы не знаем, каковы были связи двух древнейших египетских царей с теми, которые были включены официальной исторической традицией в I династию фараонов — династию Менеса. Фараона Менеса традиция считает первым правителем объединенного Египта и основателем Мемфиса - столицы Древнего царства. Рядом с Мемфисом и почти одновременно с ним появился знаменитый некрополь фараонов в Саккара. Вероятно, древнейшие резиденции верхнеегипетских и обще-египетских царей находились в Иераконполе (городе Сокола) и в Абидосе, рядом с гробницами Нармера и Гор-Аха. Последнего, по-видимому, и следует отождествить с Менесом. Таким образом, фараон Гор-Аха, он же Менес, имел не менее двух ведиких предшественников, которые, как и он, поклонялись богу-соколу Гору и, по-видимому, принадлежали к той же династии. Преемником Аха был фараон Джер, при погребении которого в Абидосе было принесено в жертву -338 человек, в основном наложниц и слуг фараона. Другие гробницы фараонов I и последовавшей за ней II династии также сопровождалась захоронениями жертв, но в меньшем числе. Размеры этих гробниц-кенотафов довольно скромные и не идут ни в какое сравнение с позднейшими пирамидами.

Уже при первых династиях соответственно трем границам Египетского царства: южной, в долине Нила, южнее I порога, северо-западной, на западе Дельты и в Ливийской пустыне, и северо-восточной, у Суэцкого перешейка,-обозначилось три направления его экспансии: в Нубию, Ливию и на Синай. В частности, Менес воевал с сетуу, жителями Нубии, и ливийцами. Целью завоевательных войн фараонов первых династий были золотые рудники Нубии и медные - Синай.

В конце II династии фараон Хасехемуи сражался в Дельте с "северными врагами", уничтожив тысячи из них. Скорее всего речь идет об иноземном нашествии,

поддержанном восстанием местных жителей. Вскоре к власти пришла III династия, с правления основателя которой, Джосера, начинается собственно Древнее царство Египта.

Джосер непрерывно воевал то с кочевниками Синая, то с племенами Нубии. Для защиты от последних границы 1-го нома и подаренной Джосером храму бога Хнума двенадцатимильной полосы южнее I порога (известной в эллинистический период под греческим названием "Додекасхойн") Джосер велел построить оборонительную стену от Асуана до Элефантины. В Саккара гениальный Имхотеп, визирь Джосера, построил для своего фараона первую в истории Египта ступенчатую пирамиду высотой 63 м. Начинается расцвет экономики, культуры и военного могущества Древнего царства Египта, особенно заметный при IV-V династиях. В это время египетские войска покоряют нынешнюю Восточную (Аравийскую) пустыню, тогда еще покрытую лесами и кустарниковыми зарослями, и выходят на берега Красного моря. Здесь, как и на берегах Средиземного моря, появляются папирусные и выдолбленные из древесных стволов суда египтян, на которых отважные путешественники рискуют совершать плавания в Финикию и Пунт.

Плавания древних египтян в Пунт и Финикию

Пунтом древние египтяне называли страну, лежавшую по африканскому берегу Аденского залива и, возможно, Красного моря, т.е. нынешние Сомали и Эритрею. Историки XIX-начала XX в. искали Пунт также в Сеннаре и на берегах Юго-Восточной Африки. Как доказали известный американский египтолог Дж. Брестед и французский ученый А. Аллио, основная часть страны Пунт находилась на севере Сомали, недалеко от мыса Гуардафуй. Египтолог из ФРГ И. Хофман помещает Пунт в южной части Красного моря, английский ученый Дж. С. Фримен-Гренвил - в Бенадире (Сомали).

Корень слова "Пунт"-*rwꜥt*; некоторые ученые предлагают читать египетское название этих стран как "Пьенэ". Это слово сравнивали с суахилийским *rwani* (берег), с названиями населенных пунктов сомалийского побережья у Клавдия Птолемея: Пано, Опонэ, с древнеэфиопским обозначением того же района как страны Афан, с арабским названием полуострова Хафун и мыса Рас-Хафун. Самые ранние сведения о Пунте египтяне получили вместе с его продуктами (миррой и др.) первоначально через посредство других народов. Это произошло в первой половине 3-го тысячелетия. Египтяне Древнего царства считали Пунт крайней землей на востоке. Там начинали свое движение небесные светила, они же —небесные боги. Амона величали "князем Пунта", Хатор (Хатхор) - "госпожой и владычицей Пунта", а Гора —"львом Пунта" и "священной утренней звездой, восходящей на запад от страны Пунт", от острова Утен в (Красном?) море. Священным животным Амона был баран, а Хатор изображалась в виде небесной коровы. В представлении египтян середины 2-го тысячелетия Хатор была главным божеством Пунта. Не содержится ли в египетском титуловании этих богов представление о почитании в Пунте тамошних Амона — каменного барана, коровы Хатор и Гора-Астара, "священной утренней звезды" древнесемитской религии? Возможно, некоторый намек на религиозные представления пунтян середины 2-го тысячелетия до н.э. содержится в надписи царицы Хатшепсут из Дейр-эль-Бахри. Барельеф изображает коленопреклоненных вождей Пунта, которые возносят хвалу египетской царице. Надпись поясняет:

Великие вожди Пунта,
Говорят они и просят мира у ее величества:
"Привет тебе, о царь Египта, богиня Ра,
Сияющая подобно Атону!
Царица ты наша,
Владычица Пунта,

Дочь Амона, царя богов;
Имя твое достигает небесного круга,
Достигло могущество Маат-ка-Ра
Окружности моря Шен-ур!

Интересен язык этого гимна. Царица названа в мужском роде "царем Египта", но имя бога Солнца Ра поставлено в женском роде. Задолго до религиозной реформы Эхнатона упоминается обожествленный солнечный диск - Атон. По мнению советского ученого В. И. Авдиева, мы можем отсюда вывести предположение, что "представление о божественности солнечного диска считалось религиозным представлением, понятным для восточноафриканских племен" Пунта⁹.

Священные животные бога Ра, по представлению древних египтян, обитали в Пунте. В "Книге Ночи", мистических текстах пирамид, изображения бабуинов снабжены надписями: "Имя им — бенту. Они — дети бога Ра. Их место — земля Пунт. Они пребывают против "обезьяньих лиц" близ страны Утнет и Восточного моря". В стране Пунт обитал феникс - душа богов Ра и Осириса, так же как и священный великий змей-владыка подземного мира. Впрочем, феникс — священное животное бога Сета; судя по его изображениям в храмах, это не птица, а характерное для Восточной Африки млекопитающее — муравьед.

В Пунте находился храм богини Хатор. По мнению известного французского ученого Ж. Доресса, первоначально это было просто туземное святилище культа коровы, на месте которого в эпоху Нового царства египтяне построили часовню.

Из Пунта в Древний Египет проник культ бородатого карликового бога Бэса, жрецами-танцорами которого служили пигмеи. О том, что пигмеев привозили из земли Пунт, говорят египетские источники времени V и VI династий. В Мединет-Абу на праздниках бога Мина священную пляску исполнял пигмей, которого называли "черным из Пунта". Пляшущие пигмеи изображены в скульптурах из Гелиополя. Они служили в храмах Осириса в Гелиополе и, возможно, Мемфисе. По-видимому, к "земле Пунт" относилась и Эфиопия (или озера Центральной Африки?). В некоторых погребальных текстах пирамид упоминается оз. Кару, из которого вытекает Нил. Ж. До-ресс отождествляет его с оз. Колоэ(как в эпоху Лагидов называли оз. Тана в Эфиопии.

Пунт назывался в Египте еще и Та-Нутер — "Страной Бога". Это наиболее древнее обозначение Пунта.

Уже на заре истории Египет определенно становится главным центром притяжения, инициатором торговой активности, основным потребителем товарного сырья, основным очагом ремесленного производства для стран, лежащих к западу от пустынь Сирии и Аравии. В это время устанавливается торговый путь по морю и суше от современных Сомали и Йемена до Египта.

Первая известная экспедиция в Пунт была отправлена энергичным фараоном IV династии Снофру.

Сношения с Пунтом продолжались и при других фараонах IV династии, преемниках Снофру. Один из сыновей Хуфу (Хеопса), самого знаменитого из фараонов IV династии, имел пунтийского раба. Американский ученый У. Эмери указывал на явно негроидные черты некоторых вельмож IV династии, погребенных в пирамидах в Гизе. Значит ли это, что они были потомками пунтийских и нубийских рабов?

Второй фараон следующей, V династии, Сахура, направил грандиозную морскую экспедицию в Пунт. Судя по официальной летописи "Палермского камня", она привезла сказочное богатство: 80 тыс. мер мирры, 2600 стволов ценного дерева, вероятно черного, 6 тыс. весовых единиц электрума, а также камедь, ароматические смолы и ладан. Другую морскую экспедицию Сахура направил в Финикию. Она вернулась с большой добычей, в составе которой были сосуды с оливковым маслом и, может быть, вином, живые медведи,

⁹ Авдиев В. И. Военная история Древнего Египта, т. II. М., 1959, с. 218, примеч. 154.

пленные мужчины, женщины и дети.

Седьмой фараон этой династии, Джедкара Исеси (около 2450 г.), также, очевидно, посылал экспедицию в Пунт. Его имя выбито на скале у Вади-Хаммамат, где в период Древнего царства проходила дорога из Верхнего Египта к побережью Красного моря - сухопутное начало морского пути в "Страну Бога". В надписи номарха (правителя нома) Элефантины Хирхуфа (или по другому чтению Хуэфхора) упоминается совершенная в прошлом (лет за 50 лет до того) экспедиция в Пунт, когда фараон Исеси дал награду своему "казначею бога" Бурдиду (или Баурджеду) за то, что тот привез в Египет карлика из Пунта. В период VI династии плавание египетских моряков в Финикию и Пунт становятся обычным делом. Одна из надписей времени Пиопи II рассказывает о "начальнике палаты" и флотоводце Хнумхотепе из Элефантины, который "вместе со своим господином, князем, казначеем бога Тети, одиннадцать раз плавал в Кебен (Библ в Финикии) и с казначеем бога Хеви (или Хуи)-в Пунт" и "возвращался благополучно, посетив эти страны".

Фараон Пиопи II, царствовавший целых 100 лет (около 2500 — 2400), послал в Пунт значительную флотилию под командованием "начальника Юга" Себни. Она привезла золото, слоновую кость, ладан, камедь, леопардовые шкуры и многое другое.

Другая экспедиция, посланная в Пунт также при Пиопи II, окончилась неудачей: египетский вельможа Ананхет, "начальник моряков", возглавлявший экспедицию, достиг берега Красного моря, но был убит "жителями песков" (хериума) из племени аму в то время, когда он строил корабль для плавания в Пунт. Вместе с Ананхетом погиб и его военно-морской отряд. Об этом рассказывает надпись на стенах гробницы элефантинского номарха Пиопинахта. Пиопинахт отомстил кочевникам за гибель Ананхета, возглавив против них карательную экспедицию.

Таким образом, уже в 3-м тысячелетии при энергичных фараонах IV—VI династий египетские лодочники, ходившие прежде только по родному Нилу на примитивных папирусных и деревянных барках, отважились на дальние каботажные плавания по Средиземному и Красному морям и, может быть, Аденскому заливу. То были первые шаги африканского мореходства.

Не менее впечатляющими были сухопутные экспедиции (египтян эпохи Древнего царства. Преодолевая сопротивление местных племен, подданные фараонов IV — VI династий проникли в Ливию до Киренаики, в Нубию до области близ III порога, возможно, в Дарфур, а также в Южную Палестину.

Походы в Ливию и Нубию

Энергичный фараон Снофру вел завоевательные войны на всех границах Египта. Недаром иероглифическая надпись именуется его "покорителем иноземных стран". В Ливийской пустыне воины Снофру нанесли поражение туземным племенам и захватили у них 11 тыс. пленных и 131 тыс. голов скота. В это же царствование египтяне совершили поход в область Нехси (южнее I порога), где захватили якобы 7 тыс. пленных и 200 тыс. голов скота. При Снофру область медных рудников Синая была окончательно присоединена к Египту. На северной и южной границах своих владений этот фараон построил крепости.

Политика фараонов Древнего царства способствовала перемещению больших групп населения в пределах Северо-Восточной Африки. Советский египтолог Т.Н.Савельева обратила внимание на надпись на медном резце, найденном в каменоломнях Нубийской пустыни. В ней упоминается рабочий отряд под названием "Южная Ливия". Т.Н. Савельева считает, что в отряде были собраны рабы-ливийцы. Возможно, это были военнопленные, но также, возможно, ливийские скотоводы и земледельцы, привлеченные к государственной трудовой повинности наравне с египетскими крестьянами. Как

известно, на строительстве пирамид и в каменоломнях, где добывался камень для пирамид IV династии, трудились египетские крестьяне. Государство формировало из них рабочие отряды и посылало на работы далеко от родных мест, в частности в Нижнюю Нубию и Нубийскую пустыню.

Фараоны IV династии проявляли интерес не только к Ливии, Нижней Нубии и Пунту, но и к Средней Нубии. В знаменитом Дахшурском декрете Хуфу — обладателя величайшей из пирамид - среди прочих стран упоминается Иам, или Имам,— область к югу от II нильского порога.

Фараоны V и VI династий продолжали походы в Ливию, Нубию, на Синай. Они "считают себя призванными править не только египтянами, но также и ливийцами, азиатами и нубийцами, как указывает ставшее в ту эпоху традиционным изображение царя в виде сфинкса, который попирает своими лапами представителей этих племен"¹⁰. Фараон Сахура вел большую войну с ливийцами и покорила нынешнюю Киренаику. На северо-востоке его войска продолжали завоевание Синая и, возможно, вторглись в Палестину.

При V и VI династиях установились прочные связи Египта с Нубией. На стенах скальных гробниц эпохи VI династии близ Асуана, на скалах Нижней Нубии и Вади-Аллаки сохранились египетские иероглифические надписи времени V и VI династий; многие из них упоминают имена "начальников караванов" и "начальников переводчиков". Из Нубии в Египет доставлялся не только скот, но и ценные материалы для ремесленного производства. Особое значение имели поставки золота и добыча строительного камня, в том числе огромных глыб для изготовления статуй и облицовки пирамид и других зданий. Отсюда же фараоны получали ценные породы дерева, слоновую кость, шкуры пантер и пр. Нубия давала Египту эпохи VI династии также контингент воинов. В указах второго фараона VI династии Пиопи I и в знаменитой надписи эфантинского номарха Уны упоминаются нубийцы и египетские солдаты. Позднее, уже в период междоусобиц в начале Среднего царства, в египетской армии имелись отряды "малорослых нубийцев", вооруженных простыми луками и стрелами с кремневыми наконечниками. Из одного указа фараона VI династии Пиопи II нам известно, что солдаты-нубийцы получали довольствие из царских имений. Они действовали далеко от родины, на Синае и Сиуте. Известные французские египтологи Ж. Пиренн и Э.Майер и советский ученый В.И.Авдиев считали этих воинов наемниками.

После некоторого ослабления центральной власти в Египте в конце V династии, продолжавшегося и при первом фараоне VI династии Тети, его преемник Пиопи I смирил могущественных номархов и возобновил активную внешнюю политику. Пиопи I совершил в Нубию поход "для открытия страны Уау-ат" и проник до II порога, где в местности Томас приказал высечь на скале свою победную надпись. В Нубии его гегемонию признавали многие местные племена, по-видимому, далеко за пределами II порога, куда проникли египетские войска. Вожди местных племен были обязаны предоставлять в распоряжение фараона войска, которые он использовал в борьбе с соседними племенами либо с бедуинами на северо-восточной границе Египта, постоянно тревожившими набегами восточные номы Дельты и препятствовавшими египетским караванам совершать путешествия на Синайский полуостров для добычи минералов.

Об этом рассказывает автобиографическая надпись эфантинского номарха Уны, который начал свою карьеру при фараоне Тети мелким чиновником. По приказанию Пиопи I Уна набрал в Нубии вспомогательное войско из местных племен и во главе него совершил пять походов против бедуинов северо-востока. Под командованием Уны нубийцы успешно сражались на Синае, на восточном берегу Средиземного моря и даже в горах Палестины, возможно в районе Иерусалима. После смерти Пиопи I фараон Меренра назначил Уну правителем Юга. Это была вершина карьеры Уны при трех

¹⁰ Авдиев В. И. Военная история Древнего Египта, т. I. М., 1948, с. 34.

фараонах VI династии.

По-видимому, начиная с Уны возвышается его род наследственных властителей о. Элефантина, которых американский египтолог Дж. Брэстед характеризует как "смелых и предприимчивых феодальных баронов".

Надписи эпохи VI династии свидетельствуют о том, что обязанностью номарха Элефантины была охрана южной границы Египта от нападений древнунубийских племен.

Иногда организация этой обороны поручалась номархам расположенных далее на север II и III номов (Эдфу и Хенобоскион). Эти же три самых южных верхнеегипетских нома, особенно Элефантина, обычно давали людей для экспедиции в Нубию, Нубийскую пустыню, Пунт, а также в Аравийскую пустыню и Азию (Финикию). Главы экспедиций — начальники караванов", "главные начальники караванов" "начальники моряков" и пр. — происходили из знати этих номов и передавали свои титулы по наследству. В состав экспедиций входили переводчики.

Властители Элефантины получили титул Хранителей Дверей Юга, или Хранителей Южных Ворот. Их обязанностью было помимо обороны южной границы Египта от нубийских племен поддерживать египетское влияние среди этих племен, а также организовывать доставку на север гранита Нижней Нубии — "эфиопского камня" Геродота. Кроме того, через Элефантину в Египет ввозились продукты Судана: золото, дерево, страусовые перья и яйца, шкуры пантер, слоновая кость. Уна рассказывает в своей надписи о том, как он доставлял гранитные саркофаг и архитектурные блоки в столицу Египта для фараона Меренра. Для этого он построил семь грузовых судов двух разных типов, причем строительный материал - дерево - поставляли вожди нубийских племен Уауата, Ирчета (Ирчета), Мамоя (Маджая) и Иама. Главная трудность заключалась в проведении тяжело нагруженных речных судов через порог Нила. Уна прорыл пять судоходных каналов и по ним провел суда в обход порога.

По следам Уны совершали свои походы в Нубию его сын Ири и внук Хирхуф.

Хирхуф, современник фараона Меренра и Пиопи II, является автором автобиографической надписи, которая дает весьма ценную и разнообразную информацию о Судане конца 3-го тысячелетия и его взаимоотношениях с Египтом и Ливией (Темех). Хирхуф, будучи номархом Элефантины и "начальником Юга", получил эту должность по наследству от своего отца Ири. Первое путешествие в страну Иам Хирхуф совершил вместе с отцом, выполняя приказ Меренра "открыть путь в эту страну". За семь месяцев Ири и Хирхуф исполнили поручение фараона. Если даже предположить, что на месте назначения они пробыли целый месяц, то путь в страну Иам и обратно занял шесть месяцев, или три месяца в один конец. За этот срок египтяне могли достичь намного более отдаленных районов Судана, чем Уауат, или Нижняя Нубия. В эллинистическое и римское время, в средние века и в новое время за два-три месяца можно было пересечь всю Нубию с севера на юг или на юго-запад. Из дальнейшего текста надписи Хирхуфа следует, что страна Иам граничила с Ливией и областью оазисов Ливийской пустыни. Следует отметить также сходство названий Иам и трех племен иаму-кехех, обитавших на северо-востоке Ливии со времен XII династии. Поэтому представляется вполне правдоподобным предположение Э. Дж. Аркелла, что Иам находился в Кордофани и Дарфуре. Вторую экспедицию в Судан Хирхуф совершил уже самостоятельно. Он сообщает географические подробности своего путешествия: "Я вышел на элефантинскую дорогу ("путь Абу"), спустился из Ирчета, Махера, Теререса, пробыв в (этом) предприятии восемь месяцев. Я вернулся и принес приношения из этих стран в весьма большом количестве. Никогда не доставлялось ничего подобного в эту землю. Я спустился от дома князя Сечу и Ирчета, исследовав эти страны. Никогда никакой семер (почетный титул-"друг фараона".-Ю. К.) или начальник каравана, вышедший из Иама, не совершал ничего подобного".

Из дальнейшего текста мы узнаем, что из Иама, так же как из Элефантины, можно

было попасть в области Ирчет, Сечу, Мечер (Махер) и Теререс и что две первые находились поблизости от Уауат, или Нижней Нубии. По-видимому, они находились в Средней и Верхней Нубии и далее в центральной части нынешнего Судана. Надпись Хирхуфа рассказывает, как один из нубийских вождей объединил под своей властью местные племена Ирчет (Ирчет) и Сечу (Сетху), а затем присоединил к ним племя Уауат. Очевидно, в период VI династии Египта в Нубии возникают первые межплеменные объединения, прообраз будущих государств. Мы узнаем также о том, что в Иам и другие земли Судана по следам Ири и Хирхуфа посылались какие-то иные египетские "начальники караванов". В третий раз Хирхуф был снова послан в Иам и двинулся в эту страну по "дороге оазисов" (возможно, "тарик ал-арба'ин", или "сорокадневный путь" арабского средневековья, проходивший из Асуана в Западный Судан через оазисы Ливийской пустыни). Где-то в пути его встретил князь Иама, направлявшийся "к стране Темех (Ливия), чтобы воевать темеху (ливийцев) до крайнего запада земли (букв, "до западного угла неба)". "Я вышел,— продолжает Хирхуф,—следом за ним к стране Темех, умиротворил ее, чтобы она молила всех богов за фараона".

Далее Хирхуф уговорил князя Иама направить свое войско на Ирчет, Сечу и Уауат. "За князем Иама,—продолжает Хирхуф,— перед Ирчетом, позади Сечу я встретил князя Ирчета, Сечу и Уауата... (Следовательно, Ирчет был расположен в Нубии между Уауатом и Сечу, а Сечу - ближе к Иаму, что скорее всего соответствует местонахождению Ирчета где-то в районе Фараса, а Сечу-далее на юг, между III и IV порогами¹¹.— Ю.К.). Я спустился с тремя ослами, нагруженными благовонной смолой, эбеновым деревом, благовонными мазями, зерном, леопардовыми шкурами, слоновыми бивнями... Когда увидел князь Ирчета, Сечу и Уауата силу и многочисленность войск Иама, спускавшихся к его резиденции, и египетских солдат, посланных со мной, этот князь привел и отдал мне быков и коз и проводил меня к путям гор Ирчета, где я был более искусен и бдителен, чем какой-либо семер или начальник каравана, посылавшийся в Иам". Иными словами, египтяне, заключив союз с Иамом, использовали его войска для того, чтобы зажать в клещи Ливию и Нубию и принудить последнюю к уплате дани фараону.

На берегу Нила напротив о. Эль-Хессе, близ I порога, сохранилось изображение фараона Меренра с пояснительной надписью. Барельеф представляет Меренра опирающимся на дорожный посох, а перед ним нубийских вождей. Надпись же сообщает, что фараон Меренра — "владыка порога" и стоит позади горной страны, в то время как вожди маджаев, ирчет и уауат выражают ему покорность. Таким образом, союз с Иамом помог распространить власть или политическое влияние Египта на значительную часть Нубии.

Позднее, уже при Пиопи II, Хирхуф снова совершил путешествие в Иам и привез оттуда невольника-пигмея (денга), уроженца страны Ахтиу, о которой мы больше ничего не знаем. Это путешествие можно рассматривать как установление косвенной связи Египта с Центральной Африкой.

В то время Пиопи, вступивший на престол еще младенцем, был мальчиком и был вне себя от радости, получив от своего номарха необыкновенную живую игрушку — пигмея. Надпись Хирхуфа донесла до нас "повеления" мальчика-фараона оберегать карлика в пути, чтобы тот не свалился в воду, нетерпеливое ожидание прибытия диковинного человечка в столицу.

В царствование Пиопи II, продолжавшееся целых сто лет, в Нубию много раз вторгались египетские войска во главе с элфантинскими номархами — преемниками Хирхуфа. Ближайшим из них был Пиопинахт, уже известный нам своим плаванием в Пунт. Он дважды совершал походы в нубийские области Уауат и Ирчет, где захватил

¹¹ Так примерно обозначено расселение древних нубийских племен на карте, составленной шведским ученым Т. Севе-Седенбергом. Граница между Уауатом и Ирчетом проведена в районе г. Томас, между Сечу и Иам—в районе г. Уади-Хальфа, на границе современных Египта и Судана.

большое количество скота и множество пленных, доставленных затем в тогдашнюю столицу Египта. "Начальник Юга" Себни, совершивший другое плавание в Пунт, предпринял также карательную экспедицию в Нубию, чтобы наказать местных жителей за убийство своего отца. Себни, снарядивший караван ослов, в сопровождении слуг прошел области Уауат, Учеч и Мечер, "усмирил эти страны" и вернулся в Египет с телом своего отца и добычей.

В результате этих походов области Уауат и Ирчет хотя и были несколько раз опустошены, но не были окончательно покорены. Поэтому для упрочения своей власти египтяне построили в Северной Нубии крепости (у селений Кубан, Западная Коштамна и др.). Однако последовавшее вскоре ослабление Египта и совпавшие с ним по времени важные перемены в Азии и Нубии свели на нет завоевания фараонов Древнего царства и их номархов.

В 3-м тысячелетии, которым начинают по традиции курс всемирной истории, еще не существовало мировой политики в подлинном смысле слова. Однако на Ближнем Востоке уже складывалась зачаточная политическая система, двумя центрами которой были царства Египта и Двуречья. Где-то в Сирии пересекались сферы влияния этих двух держав. Они не имели общей границы и вряд ли соперничали в политике или торговле. Скорее эти два очага цивилизации были солидарны в своих взаимоотношениях с внешним (племенным и "номовым") миром и в общем развивались параллельно.

Когда Древнее царство Египта усиливало экспансию в Палестине и Финикии, цари Двуречья лишь иногда претендовали на гегемонию в северо-восточных областях Сирии. После распада Древнего царства в Сирию направляются войска Аккада, которые при Саргоне Древнем достигают берегов Средиземного моря и полностью контролируют древний путь от Александретского залива по Евфрату до Персидского залива, соединявший Средиземное море с Индийским океаном. При царе Нарамсине аккадские войска вновь достигают Средиземного моря, совершают походы в Малую Азию, Аван (на западе Ирана) и даже далекий Маган. В конце его царствования Аккад громит коалицию государств Малой Азии и Сирии, где был разрушен г. Эбла, недавно открытый археологами. Египет, раздробленный на отдельные номовые княжества, не принимал никакого участия в этих событиях.

Разгром Аккадского царства гуттиями и последовавший затем (до конца XXV в. до н.э.) период раздробленности в Двуречье совпал по времени с упадком Древнего царства в Египте. В конце VI династии Египет охватили смуты (классовая борьба, феодальная междоусобица и вторжение иноземцев), а затем наступило время слабых VII—X династий — период раздробленности и непрерывных войн "всех против всех", т.е. отдельных династий за власть над страной в целом. В это время в нынешнем Иране возрождается царство Элам, образовавшееся еще в XXIII в., но затем подчинившееся гуттиям и царям Ура. На Крите возникло первое государство Европы, установившее торговые связи с Египтом, Сирией и Западным Средиземноморьем.

В конце 3-го тысячелетия начался новый расцвет ближневосточного мира, отдельными составными частями которого были Элам, Египет, Эгеида, Южная Туркмения, Закавказье, Северное Причерноморье и Нубия, а центром - Двуречье.

В 2109 г. власть в Двуречье перешла к правителю Ура. Наступил столетний период III династии Ура, когда в границах единого царства были объединены все шумеры, большая часть семитоязычных аккадцев и эламиты — три крупнейшие (наряду с египтянами) этнические группы того времени. Гудеа, наиболее известный из правителей этой династии, прославил себя грандиозным строительством, материалы для которого доставлялись из Магана, Мелуххи, Дильмуна, а также еще одной заморской страны - Губина. Надписи на статуях Гудеа гласят: "Из горной страны Мелуххи "эси" он заставил вывести [и] посадил ему... глыбы [руды] хулалу он заставил вывести, в боевую палицу "три витязя" ему он обработал... Маган, Мелухха, Губин, горная страна Дильмун на

берегу ему сложили... порфир из Мелуххи он привез".

В то время в Египте вновь образуется мощная держава (Среднее царство периода XI-XIII династий), которая после гибели Шумерского царства на рубеже 3-го и 2-го тысячелетий становится сильнейшим государством мира.

Завоевание египтянами Нубии

Тогда Нубию населяли племена так называемой "культуры С". Еще более полувек тому назад немецкий ученый Г. Юнкер определил, что эта культура современна VI-XVIII династиям Египта, т.е. существовала с середины 3-го до середины 2-го тысячелетия. С тех пор усилиями ученых разных стран эта культура была изучена настолько, что удалось выделить основные этапы ее развития и выяснить ее исторические судьбы. Однако происхождение племен "культуры С" все еще вызывает споры.

Первоначальной родиной племен "группы С" разные исследователи считают долины Атбары и Голубого Нила, Кордофан, Восточную Сахару, Ливийскую пустыню и т.д. По мнению Э. Дж. Аркелла, эти племена представляли собой ответвление ливийцев-темеху, продвинувшихся в юго-восточном направлении в связи с прогрессирующим высыханием Ливийской пустыни. Аркелл подчеркивает связь древней культуры "группы С" с культурными традициями народов Дарфура и Восточной Сахары, а также гор Вадаи, Джебель-Нуба, Эннеди, пустыни Беджа и др. Однако недавно американский ученый У. И. Адаме, один из крупнейших специалистов по археологии Судана, доказал, что культура "группы С" принадлежит не пришельцам, а коренному населению Нубии, создавшему прежде культуру "группы А". В ходе дальнейшей эволюции культура "группы С" переросла в своеобразную цивилизацию Кермы, о которой будет рассказано ниже.

Главный центр культуры "группы С" находился южнее II порога, но она была распространена и севернее, до I порога. Эта культура носит отчетливо выраженный скотоводческий характер, однако племенам "группы С" было известно и земледелие. Ее расцвет совпадает по времени с правлением XI и XII династий Египта; в это время в Нубии появляются первые поселения, приближающиеся к городским, с постройками из сырцового кирпича. Хотя основным занятием населения оставалось скотоводство, развивается и мотыжное зерновое земледелие. В захоронениях встречаются бронзовые орудия, но они по большей части привезены из Египта. Имеются многочисленные изображения женщин в тканевых юбках — первые образцы ткацкого ремесла в Тропической Африке. Развивается гончарное ремесло, причем отмечены две не связанные друг с другом группы гончарных изделий, украшенных резным орнаментом и фигурками животных, птиц и людей.

Племена "группы С", поступательное развитие которых продолжалось в течение более чем тысячелетия, сыграли выдающуюся роль в передаче культурной информации из египетского очага цивилизации во внутренние районы Африки. Английский археолог Д. Кларк и американский ученый Ф. Саймунз считают, что именно племена "группы С" принесли культуру 28-хромосомной пшеницы на Эфиопское нагорье.

Уже фараоны XI династии начинают снова интересоваться Нубией, где местные племена приступают к разработке золотых россыпей и рудников. "Золото Уауата" и "золото Куша" становятся главной целью политики фараонов в Нубии. Символические сцены на барельефах Ментухотепа II Небхотепа дают некоторую информацию о походах этого фараона в Северную Нубию. Один обломок рельефа из Гебелейна (южнее древнего Гермонтиса) изображает Небхотепа, побивающего врагов: азиата, ливийца и нубийца, причем пояснительная надпись гласит: "Поражение вождей двух стран, пленение юга и севера, нагорных иноземных стран и обоих берегов Нила, племен десяти луков (Нубии) и двух стран Египта". Рельеф из Дендеры изображает принесение дани нубийцами. На третьем рельефе, на скале о. Коноссо, изображен царь, под ноги которому боги бросают

пятнадцать луков, символизирующих африканские "племена луков".

О походах в Нубию свидетельствуют и надписи того же времени. Однако речь может идти лишь об отдельных военных успехах, в результате чего нубийские вожди соглашались выплачивать египтянам дань, в том числе и золотом, но уплата дани вряд ли была регулярной. В одной из асуанских надписей говорится, что Ментухотеп IV Небхепетр, которого древнеегипетская традиция считала подлинным основателем Среднего царства, на 41-м году царствования послал в Нижнюю Нубию казначея, который на кораблях посетил золотоносную страну Уауат. Очевидно, речь идет о крупной речной экспедиции, посланной Небхепетром за золотом. О другой подобной экспедиции рассказывает и найденная в Нижней Нубии автобиографическая надпись на стеле Джеми (Джехмау), военачальника и начальника переводчиков при одном из первых фараонов XI династии, в которой он кратко упоминает о военных действиях египтян в стране Гебен, стране Уауат и других землях Нубии, а также о подготовке экспедиции на Синай, где в ту эпоху фараоны сражались с "азиатами" руками стрелков-нубийцев.

При XII династии Египет вновь становится достаточно силен для того, чтобы подчинить Нубию вооруженной силой. Аменемхет I совершил в Нубию победоносный поход и покорил области Маджай и Уауат. Интересно отметить, что более поздняя древнеегипетская традиция, сохранившаяся в "Поучении Нефер-реху", считает Аменхотепа I "сыном женщины из Куша". Сенусерт I, соправитель, затем преемник Аменхотепа I, сосредоточил усилия в основном на завоевании Нубии, куда он несколько раз посылал войска. Надписи самого Сенусерта и его номархов говорят о том, что Нижняя Нубия, почти до II порога, была действительно завоевана египтянами. В Сем-не, близ II порога, сохранился рельеф, изображающий самого фараона перед богом Менту (Монту), к ногам которого фараон повергает десять пленников, символизирующих десять общин Нижней Нубии. Номарх Амени сообщает в автобиографической надписи, что он сопровождал этого фараона, "когда он плыл по течению, чтобы уничтожить своих врагов в четырех иностранных странах... в жалкой стране Куш", причем Амени плыл вверх по течению Нила и "в войске его не было потерь". Эле-фантинский номарх Сиренпут (или Сиренповет) говорит в своей надписи, что фараон послал его в Нубию (Куш), чтобы ее разгромить. Как номарх самого южного нома Египта, Сиренпут контролировал доставку товаров из страны маджаев в Египет и "дани иноземных стран (Нижней Нубии)". Четвертый из участников событий, "начальник воинов" Ментухотеп, сын Аму, сообщает в своей сильно поврежденной надписи о сожжении шатров и уничтожении ячменя, принадлежавшего, очевидно, аборигенам страны Уауат. Эта надпись высечена на стеле в Бухене, который, следовательно, был одной из крепостей Сенусерта. Здесь обнаружены также остатки храма, заложенного этим фараоном. Кроме того, Сенусерт I выстроил форт в Кубане, который защищал дорогу в Вади-аль-Аллаки с ее золотоносными россыпями. При Сенусерте II была построена крепость в Анибе (Аниба-2, на месте более раннего укрепления Древнего царства), а на третьем году его царствования чиновник Хэпу был послан из Египта на юг, чтобы "проинспектировать крепости в стране Уауат".

Фараон Сенусерт III (1887—1849) совершил в Нубию четыре похода и покорил ее до III порога. Завоевания тщательно подготавливались и проводились планомерно. Для облегчения переброски войск в Нубию Сенусерт III в начале царствования организовал прорытие судоходного канала в обход I порога; канал, названный "Прекрасны пути Ха-кау-Ра" (Ха-кау-Ра - другое имя Сенусерта III), имел 150 локтей в длину, 20 - в ширину и 15 - в глубину. Несмотря на скромные размеры, сооружение канала было делом весьма трудоемким, поскольку его приходилось пробивать в гранитной скале. Однако быстрое течение заносило канал песком и камнями. Поэтому на восьмом году своего царствования фараон приказал расчистить канал, о чем сообщает его надпись на о. Сехель. Очевидно, расчистка канала производилась непосредственно перед первым походом Сенусерта III в Нубию. Первые три похода преследовали цель укрепления

власти фараона в Северной Нубии и, может быть, наказания мятежных кочевых племен, или, как говорится в надписях, "сокрушения Куша" и "отражения троглодитов". Особое внимание уделялось строительству крепостей — опорных пунктов египетского владычества в Северной Нубии и баз для дальнейшего продвижения на юг. Так, в результате первого похода были не только вновь подчинены общины Нижней Нубии, но и установлена укрепленная граница у II порога, где на обоих берегах Нила, очень быстрого и узкого в этом месте, стиснутого высокими скалами, были построены крепости (в Семне и Кумме). Об установлении и режиме границы сообщают надписи на стелах, воздвигнутых в этих двух пограничных крепостях, содержащие следующий указ фараона: "Южная граница, установленная в 8-м году [царствования] его величества фараона Верхнего и Нижнего Египта Ха-кау-Ра, живущего вечно. Для того чтобы воспрепятствовать каждому нубийцу пересечь ее, будь то по воде или по суше, на корабле [или] с какими-либо стадами нубийцев, за исключением нубийца, который придет для торговли в Икен или с поручением. Следует хорошо обращаться с ним, но не следует позволять судну нубийцев проходить мимо Хех вниз по реке навеки". О походе 12-го года правления Сенусерта III почти ничего не известно, кроме того, что он двинулся из Элефантины на юг, чтобы "сокрушить Куш". На 16-м году своего царствования этот фараон, как гласит его надпись на о. Уронарги близ Семны, вновь "установил южную границу у Хех", причем, одержав победу над восставшими вождями, "взял в плен их женщин, увел их подданных, подступил к их колодцам, захватил их скот... собрал их зерно и поджег его". В честь этой победы новая крепость, сооруженная на о. Уронарти, была названа "Отражение троглодитов"; то же самое название получил храм в Семне, также построенный в это время. Кроме того, Сенусерт III реставрировал и расширил крепость в Вади-Хальфа, построенную Сенусертом I, а несколько южнее, в Матуге, выстроил еще одну крепость. Теперь южную границу египетских владений в Нубии у II порога защищала целая система из пяти крепостей. По-видимому, решающее значение имел четвертый поход, совершенный в 19-й год царствования Сенусерта III. Как рассказывает надпись военачальника Сасатета, воины фараона сокрушили "презренный Куш". На границе Египта и Куша Сенусерт III воздвиг свою колоссальную статую как символ власти над обеими странами. Память о его религиозной и военной политике долго жила в Египте, где еще в эпоху Нового царства Сенусерт III почитался в качестве бога наравне с нубийским Дедуном, также прижившимся на египетской почве. Сопrotивление местных племен Сенусерту III удалось сломить, их восстания он подавил. И каждый раз его инженеры восстанавливали и расширяли старые и строили новые крепости в стратегически наиболее важных пунктах Нубии.

Нубия — владение Среднего царства Египта

Всего в Куше было воздвигнуто 13 мощных крепостей. Они группировались в три оборонительные линии, перед которыми находился далеко продвинутый на юг форпост Семна, а позади — как крупнейшая тыловая база крепость Нехебт (около нынешнего Эль-Каба). Северная линия обороны располагалась у I порога. В нее входила стена, соединявшая Асуан с о. Абу (Филэ) и защищавшая канал "Прекрасны пути Ха-кау-Ра". Вторая линия укреплений начиналась у Кубана и Дакки и тянулась на юг до Дерра. Главной ее твердыней была крепость в Кубане, защищавшая путь в Вади-аль-Аллаки, реконструированная уже при Аменемхете III. Крепости в Дакке и Дерре также входили в эту линию. Наконец, третья линия укреплений, наиболее мощная и разветвленная, была расположена в районе II порога. В нее входили крепости в Вади-Хальфе, Семне, Кумме, на о. Дабе, в Миргиссе, Шалфаке и на островах Уронарти и Саррас, а также отдельные оборонительные стены, перегораживавшие долину Нила и форты меньшего размера в Абке, Аули, Матуге, Факузе, Кассе и других местах.

Эти крепости образовывали обширную пограничную зону, отодвигавшую южную границу Египта на сотни километров в глубь Африки. Южная граница египетских владений была закрыта для нубийских племен, оставшихся независимыми; лишь их торговцам разрешалось приходить в специально отведенное для торга место¹².

Каждая из крепостей, или фортов, выполняла местную военную задачу. Они строились не только в точках пересечения важных путей, как крепость Кубан, но и там, где прибрежная полоса расширялась и существовало сколько-нибудь значительное земледельческое население. Крепость становилась в таком случае центром, откуда египетское государство осуществляло господство над туземными общинами.

Бюрократический аппарат был сложным: надписи упоминают "начальника округа", "докладчика", "начальника суда", "начальника управления", казначея ("начальника обоих домов серебра и обоих домов золота"), военачальников разного ранга, в том числе "начальников рекрутов". Среди них имелись образованные специалисты, знатоки астрономии, геометрии, медицины и других отраслей знания. На скалах около Семны египетские водомеры того времени отмечали уровень Нила, что было необходимо для нужд государственного сельского хозяйства и планирования новых ирригационных и мелиоративных сооружений, которое приняло особенно грандиозный масштаб при Аменхете III (1849-1801). В крепостях были воздвигнуты храмы (как египетских, так и местных богов), жилища чиновников, жрецов, воинов, ремесленников; это были поселения городского типа, окруженные селами.

Города-крепости стали центрами обширных и правильно организованных храмово-государственных хозяйств. Основными тружениками в храмово-государственных хозяйствах Египта и, очевидно, Нубии эпохи Среднего царства были местные крестьяне, организованные в общины и связанные круговой порукой. Их следует считать не свободными, а крепостными. По замечанию И. А. Стучевского, в "эпоху Среднего царства государственное царское хозяйство складывалось из многих самоуправляющихся номово-храмовых образований, к которым примыкали личные владения короны... полностью контролируемые царской администрацией. Общая тенденция развития вела к слиянию всех частей государственного хозяйства Египта в единое целое"¹³. Кроме того, имелись особые крупные хозяйства номархов.

Египетские должностные лица и воины получали в условное владение определенное число семей крестьян с их долей в общинной земле и рабочим скотом. "Так, соратник Сен-восре III (Сенусерта III.-Ю. К.), воин hwj-sbk, при производстве в царские гвардейцы... получил 60, а при повышении в... офицерский чин- 100 голов... (крестьян.-Ю. К.). Герой "Сказки о потерпевшем кораблекрушение" при назначении smsw... получает 200 голов"¹⁴. Подобным образом распределяли не только древнеегипетских феллахов, но и нубийцев.

Коренные египетские крестьяне "и дворовая челядь знатных египтян принадлежала к сословию хему-нисут, или хему,-"царских подданных"¹⁵. Пленные иноземцы или иноплеменные подданные фараона (нубийцы, ханаанеяне и пр.) никогда не назывались хему, хему-нисут, хотя в храмовых хозяйствах и в имениях знати работали как нубийские крестьяне, так и египетские. Кроме того, они добывали минералы в пустыне. Одна стела эпохи Среднего царства, описывающая работы в долине Аметиста, говорит: "Всякий эфиоп Страны нубийской, работающий, как хему...", приравнивая отбывающих трудовую повинность нубийцев к их египетским братьям по классу.

¹² Подобные порядки сохранялись и позднее, вплоть до X в.н.э.

¹³ Стучевский И. А. Храмовая форма царского хозяйства Древнего Египта. М., 1962, с. 98.

¹⁴ Берлев О. Д. Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М., 1972, с. 261.

¹⁵ Нередко в египтологической литературе их называют "рабами" и "царскими рабами", но советский египтолог О. Д. Берлев подчеркивает, что они отнюдь не являлись рабами в античном понимании этого слова (Берлев О. Д. Указ, соч., с. 10 и сл.).

Пленные иноземцы, как и собственно египтяне, составляли многочисленную челядь египетских вельмож. Каждый из слуг имел твердо установленные обязанности. Так, один папирус времени Себекхотепа III содержит перечень дворовых, полученных знатной дамой от неизвестного лица. Каждый из дворовых, среди которых были хему-несут и ханаанеяне, имел свои обязанности: земледельца, башмачника, пивовара, "причесывающей", или парикмахерши, косметички, садовницы, повара или кухарки. Интересно отметить, что земледельцев всего пятеро, садовниц — две, а на кухне занято четверо. Но больше всего женщин занято изготовлением тканей, причем среди них различается не менее пяти-шести специальностей: пряжи нитей хатиу, ткачихи тканей хатиу, пряжи нитей сешер, ткачихи тканей сешер и т.д. Таким образом, госпожа владела настоящей ткацкой мастерской, соединенной с ее усадьбой. Дети ткачих, пряж и различных слуг жили здесь вместе со своими родителями, перенимая их мастерство. Другие документы эпохи Среднего царства дополняют наши представления о штате челяди египетских вельмож того времени должностями пекарей, мукомолов, прачек, кравчих, чашников, птицеловов, рыболовов-, пастухов и пр. Вельмож во многих случаях сопровождала вооруженная охрана, в составе которой упоминаются сетиу, нехси, маджаи - представители племен тогдашней Нубии, а также ливийцы.

Соединение ремесленной мастерской с крупным имением было характерно и для более поздних периодов египетской истории, равно как и наследование ремесленных профессий лично зависимыми людьми. Однако вряд ли все ремесленники находились в одинаковом положении, даже если с точки зрения закона все они и принадлежали к одному и тому же податному сословию (впрочем, даже в этом у нас нет полной уверенности).

В свое время французский египтолог А. Бейе и советский ученый Д. А. Ольдерогге, исследуя стелы из Абидоса эпохи Среднего царства, пришли к выводу, что ремесленники одной и той же профессии — медники, золотых дел мастера, живописцы, скульпторы, лодочники—"сосредоточивались в определенном квартале, как в средневековых городах"¹⁶. Ремесло в этих профессиях наследовалось в пределах семей. Во главе каждого квартала стоял старшина, назначаемый обычно из ремесленников данной профессиональной группы, на известен случай назначения главы золотых дел мастеров из семьи потомственных чиновников. Должно быть, члены этих "цехов", как называет Д. А. Ольдерогге корпорации медников, золотых дел мастеров, живописцев, скульпторов и лодочников, пользовались большей степенью личной свободы, чем работники ткацких мастерских. Еще более вольную жизнь должны были вести пастухи, также организованные в корпорации общинного типа. Но по отношению к государству и тем юридическим лицам (вельможам, храмам и пр.), которым государство их передавало, все они были несвободными, невольниками или крепостными. Очевидно, таково было положение ремесленников, пастухов и слуг не только в собственно Египте, но и в той части Нубии, которая вошла в Среднее царство, по крайней мере в городах.

Значение египетских городов-крепостей в Нубии не ограничивалось их ролью центров храмово-государственных и специальных царских имений и оплотов египетского владычества в покоренной стране. Они являлись также факториями, из которых египтяне отправлялись в торговые путешествия к независимым или полунезависимым племенам. Главной целью таких торговых поездок было приобретение ценного минерального сырья, а также древесины, смол и продуктов охоты и звероловства.

Однако большую часть продуктов страны: золота, камня, древесины и пр.- Египет получал из Нубии в виде дани либо производил руками собственных колонистов и местных крестьян, привлекаемых к трудовой повинности. "Несмотря на жестокою

¹⁶ 4 Ольдерогге Д. А. К организации цехового управления в Древнем Египте эпохи Среднего царства.-В сб.: Доклады АН СССР. Отделение гуманитарных наук. М.-Л.. 1928. с. 97.5 Кацнельсон И. С. Проблемы исторического развития древней Нубии.- "Вестник древней истории", 1964, № 2, с. 22.

эксплуатацию Нубии египетским государством в эпоху Среднего царства, местная культура продолжала развиваться, так как длительные взаимоотношения Нубии с Египтом способствовали быстрому росту производительных сил подчиненной страны"¹.

Прежде всего сказался тесный контакт культуры племен "группы С" с египетской цивилизацией, одной из самых передовых в тогдашнем мире. Многие элементы древнеегипетской культуры были восприняты нубийскими племенами "группы С", как теми, что подчинялись власти фараонов, так и сохранившими независимость.

Во второй половине XIX в. в Нубии после длительных войн Сенусерта III наступил период мирного развития. При Аменемхете III походы совершаются редко. Только изредка в надписях встречаются указания на "разгром нубийцев и открытие страны азиатов". Аменемхет III прославился не войнами, а строительством каналов, храмов и дворцов.

Канал у I порога обеспечивал регулярное сообщение вверх и вниз по Нилу. По нему следовали на север суда, построенные из нубийского дерева и нагруженные нубийским золотом, самоцветами, поделочным камнем и другими экзотическими товарами. На этих судах находились царские агенты, по-древнеегипетски "шемсу"- слуги, сопровождающие. Между прочим, знаменитая сказка "О потерпевшем кораблекрушение" ведется от имени такого "шемсу", только что возвратившегося в Египет из области Уауат, где находились "рудники фараона". Главной целью таких походов за золотом была долина Вади-аль-Аллаки, в которой золото добывали вплоть до Нового времени. Сохранились две пространные надписи времен XII династии, дающие представление о том, как египтяне получали тогда нубийское золото. Номарх Аменемхет, правитель нома Газели, сообщает в своей надписи о двух походах в Нубию, причем в первый раз его сопровождали 400 отборных солдат его нома и наследный принц Амени; соответственно приказу фараона Хепер-ка-Ра они доставили в столицу золотые слитки; во второй раз номарха Аменемхета сопровождали 600 лучших воинов его нома и другой царевич, Сенусерт; на этот раз они доставили в Коптос золотую руду. Надпись на могиле помощника казначея по имени Са-Хатор рассказывает, что покойный в молодости посетил область золотых рудников и заставил вождей мыть золото. Из дальнейшего текста следует, что имеются в виду вожди племен Нубии. Затем Са-Хатор доставил в Египет малахит.

Нубийское золото наполняло казну фараонов XII династии. В Абидосе главный казначей фараона по имени Ихернофрет реставрировал статую Осириса Хентиа-ментуи, употребив для этого "белое" нубийское золото.

Керма

В конце 3 - начале 2-го тысячелетия в средней части Нубии, в районе III порога и южнее, возникает раннегосударственное объединение племен со столицей в Бургейге, близ нынешней Кермы; поблизости археологи обнаружили под огромными курганами роскошные царские погребения, в которых найдено множество местных и древнеегипетских изделий. Это была первая аборигенная цивилизация на территории Судана и вообще Тропической Африки.

Поселения цивилизации Кермы обнаружены и в других районах Средней Нубии, а именно на о. Сай, в Амаре (южнее II порога), между Фарасом и Гемаи на левом берегу Нила, в районе II порога, в Миргиссе. В частности, здесь открыты погребения характерного для Кермы типа с аналогичным погребальным инвентарем и отдельными египетскими изделиями второго переходного периода и Среднего царства. Но по роскоши и грандиозности они уступают главным памятникам некрополя Бургейги.

Этот некрополь состоит из курганов размером до 90 м в диаметре и площадью до 6358 м. Площадь погребальной камеры доходит до 489,5 м², во много раз превышая погребальные камеры пирамид Хеопса и Хефрена. В каждом из курганов открыто

погребение вождя (князя, царя) вместе с его приближенными. Царственный покойник лежал в позе глубокого покоя, имитирующего сон, на правом боку, слегка подогнув колени. Его правая рука была под щекой, на деревянной головной скамеечке, заменявшей подушку, а левая касалась локтя правой. Тело покойника покрывала коровья шкура, реже полотняная тога. Рядом лежали пара сандалий из сыромятной кожи, опахало из страусовых перьев и различные бытовые предметы из дерева и бронзы, а также глиняные сосуды. Бычьи и бараньи черепа и кости говорят о животных жертвах, совершавшихся при погребении, которые отнюдь не исключали человеческих жертвоприношений. Интересно отметить, что на бараньи рога были надеты своеобразные футляры из слоновой кости - уникальная черта, возможно связанная с неизвестными нам ритуалами.

Кроме основного захоронения в курганах имеются обычно десятки и даже сотни сопутствующих. В одном случае погребено не меньше 322, возможно до 400 лиц. Все они были похоронены одновременно со своим вождем¹⁷. Большинство этих людей составляли молодые женщины, очевидно жены и наложницы вождя, кроме того, есть скелеты мужчин и детей, вероятно придворных и слуг. В антропологическом отношении погребенные принадлежали к местному нубийскому населению.

Подобные массовые захоронения с умершим вождем его жен, слуг и приближенных мы находим во многих африканских странах — от Египта эпохи I династии и додинастического времени до Мономотапы и Гегеро на юге, Бенина и Дагомеи на западе, а также за пределами Африки - в древнем Уре, у скифов украинских степей и пр. На территории Нубии этот обычай сохранялся в Мероз, где с царями хоронили женщин их гарема, у язычников нубийцев раннего средневековья, оставивших свои некрополи в Баллане и Фирке.

В чем суть этого обычая?

Несомненно, перед нами погребальное жертвоприношение людей, ставших принадлежностью умершего, как и его личные вещи. Следовательно, все эти люди находились в личной зависимости от вождя. В то же время они были мало связаны с производством, так как трудно предположить, чтобы общество, особенно на ранних ступенях исторического развития, мирилось с уничтожением такого числа непосредственных производителей¹⁸. Иными словами, в жертву приносили только тех лиц, которые находились в непосредственном услужении умершего.

Рабы ли они? Совсем не обязательно. С экономической точки зрения лично зависимые лица, большую или меньшую часть своего времени проводящие в личном услужении вождю, могут являться: 1) эксплуататорами, 2) мелкими производителями, 3) паразитическими слугами-рабами, 4) полупроизводителями, полупаразитическими слугами (поварами, конюхами и пр.), 5) наемными слугами и пр. Последний случай мало вероятен для примитивного нубийского общества 2-го тысячелетия до н. э., но варианты 1, 3 и 4 представляются наиболее возможными.

Один факт свидетельствует о том, что в период конца Среднего царства Египта (около XVIII в. до н.э.) в средней части Нубии существовала работоторговля. Некий "храбрый воин" Хаанхефу из храма в Эдфу был послан "на юг Куша", путь куда занял 13 дней. За это время он мог достичь района Кермы или какого-нибудь рынка севернее III порога. Во всяком случае Хаанхефу побывал на независимой нубийской территории к югу от II порога. Здесь он приобрел некоторое количество золота и невольниц (B' k.t.).

¹⁷ Эти факты позволили И. С. Кацнельсону прийти к следующему выводу: "Таким образом, эти огромные курганы, каждый из которых представлял собой самостоятельное кладбище, дают неопровержимый исходный материал для заключения о наличии в Куше значительного числа рабов" (Кацнельсон И. С. Рабовладение в Куше.- "Вестник древней истории", 1965, № 2, с. 78).

¹⁸ Так, например, в известном рассказе Геродота о массовых погребениях у скифов перечисляются следующие категории лиц, которых хоронят в кургане вместе с царем: одна из его наложниц, виночерпий, повар, камердинер, конюх, вестник, а также 50 других слуг. У африканских народов царя сопровождали в последний путь наложницы, телохранители, камердинеры, повара, музыканты, придворные вельможи.

И.С.Кацнельсон безоговорочно утверждает, что Хаанхефу были проданы рабыни, принадлежащие местным жителям. В этом нет ничего невероятного, но возможны и другие решения: ведь мы не знаем не только экономического положения этих "невольниц" до того, как они были оторваны от ячеек производства и превратились в живой товар, но даже самого факта их принадлежности к тому или иному, например "рабскому", сословию¹⁹. Наконец, "храбрый воин" Хаанхефу мог захватить их силой. Поэтому вывод И.С.Кацнельсона не оправдан ни теоретическими, ни фактическими данными.

Однако если некрополь Бургейги и другие памятники эпохи Среднего царства и не содержат данных о рабовладении в тогдашней Нубии, они позволяют судить о развитии местного ремесленного производства.

Как доказал суданский ученый Осама эль-Нур, большая часть погребального инвентаря курганов Бургейги была изготовлена на месте. Судя по количеству и качеству изделий, металлургия меди и бронзы в Керме достигла большого совершенства. В захоронениях найдено 130 бронзовых кинжалов особой формы, некоторые с рукояткой из слоновой кости, а кроме того, множество бронзовых ножей. Все они сделаны местными мастерами. Что же касается бронзовых зеркал, то они немногочисленны (9 экземпляров, из которых 7 в одном погребении) и, по-видимому, привезены из Египта. Из дерева изготовлялась мебель, бытовая и погребальная, некоторая часть посуды, туалетные принадлежности: гребни, карандаши для сурмления бровей и ресниц, футляры для бронзовых бритв и зеркал и пр. Из дерева изготовлены также ложки. Мебель составляют скамеечки для головы, ног, табуретки, столы и особенно ложа, напоминающие своей конструкцией позднейший суданский ангареб — кровать с веревочной или ременной сеткой, распространившуюся из Судана затем на Эфиопию. Все деревянные изделия отличаются от египетских, явно сделаны местными мастерами. Как мы увидим позднее, в период Нового царства египтяне получали как поделочную древесину, так и готовые деревянные изделия из Средней Нубии.

Характерная продукция ремесла Кермы — резные фигурки из слюды, украшавшие шляпы из кож и шкур. Они довольно сложны по форме, но почти всегда содержат в центре изображение животного или магический символ. Очень интересна керамика Кермы. В большинстве она изготовлена из смеси глины с илом, как это вообще было принято в Судане в разные периоды его истории, вплоть до настоящего времени. Почти 85% керамических изделий весьма отличаются от египетских. Небольшую часть составляют обычные грубые глиняные горшки и кубки, более или менее характерные для культуры "группы С"; это, очевидно, предметы простонародного быта жителей Нижней Нубии. Свыше 75% керамических изделий составляют прекрасные полированные глиняные сосуды, иногда с нарезным или штампованным орнаментом, заполненным белой массой. Большая часть посуды изготовлена на гончарном круге, меньшая — вручную, одним из двух способов, до сих пор распространенных в некоторых районах Судана, например в Нубии и у остаточных этносов горного Кордофана. "Уникальные керамические изделия Кермы — краснополированные с черным верхом сосуды: весьма тщательным лощением поверхности"²⁰. К сожалению, это профессионально точное описание не может передать изящной и строгой красоты произведений виртуозов-гончаров древнего Судана.

Кроме глиняных найдено немало фаянсовых изделий мастеров-керамистов Кермы, которые в этом случае явно подражали египтянам. Здесь бусы, амулеты, фигурки людей и животных, браслеты, модели лодок, черепицы и изразцы и, конечно, сосуды

¹⁹ О различии между классом рабов и "рабским" сословием см. Кобищанов Ю.М. Африканские феодальные общества: воспроизводство отсталости и неравномерность развития.-В кн.: Африка: возникновение отсталости и пути развития, с. 205 и сл.

²⁰ Осама эль-Нур. Культура Кермы и ее истоки.-"Вестник древней истории", 1976, № 1, с. 38.

разнообразных форм и назначения. Они либо разрисованы черными линиями, либо покрыты резьбой, заполненной цветной массой (как и некоторые глиняные сосуды). Однако этот древнейший суданский фаянс по своему качеству и по тонкости орнамента значительно уступает знаменитому древнеегипетскому фаянсу.

Правильной оценке цивилизации Кермы мешают не только ее недостаточная археологическая изученность, отсутствие письменных источников, но и предвзятые взгляды некоторых ученых. Американский археолог Дж. Э. Рейснер, раскопавший некрополь в Бургейге, не понял, что он открыл новую цивилизацию. Он полагал, что обнаружил погребения египетских вельмож, стоявших во главе египетской торговой колонии эпохи Среднего царства. Однако уже через несколько лет немецкий ученый Г. Юнкер отверг это весьма предвзятое мнение и предложил считать Керму древнейшим очагом негро-африканской культуры, поднявшейся до уровня цивилизации. Он утверждал, что "негры" древней Кермы лишь заимствовали некоторые технические приемы египетского ремесла, но в остальном их культура была вполне оригинальна и представляла собой результат самостоятельного развития. Свою статью о Керме он назвал "Первое появление негров в истории". Стройную концепцию предложил мероист из ГДР Ф. Хинце. Он считает Керму резиденцией правителя первого в истории Судана самостоятельного государства, которое в надписи Яхмоса I названо Кушем. Расцвет этого государства, по Хинце, начался в первый переходный период и эпоху гиксосского владычества в Египте, когда, воспользовавшись ослаблением Египта, царь Куша захватил все древнеегипетские крепости в Нижней Нубии. С гиксосами Куш поддерживал дипломатические и торговые отношения, в результате чего в Керме оказались египетские изделия и печати гиксосских царей. Другие предметы египетского производства попали в Керму тогда, когда фараоны Нового царства завоевали Куш и его столицу Керму (точнее, крепость Западную Деффуфу) и присоединили их к своим владениям.

Концепция Хинце была поддержана и развита суданскими историками Б.Э.Мубараком и Осамой эль-Нуром, решительно отстаивавшими автохтонное суданское происхождение цивилизации Кермы.

Что же теперь можем сказать о нубийском обществе начала 2-го тысячелетия?

Некрополи в Керме свидетельствуют о далеко зашедшем выделении верховной власти вождей, которых, видимо, следует уже именовать царями. Египетские источники говорят об объединении ряда племен под эгидой местных вождей, а в период XII династии-под властью фараонов. Следовательно, в Северной Нубии того периода имела государственность: развитая древнеегипетская и весьма примитивная, складывающаяся местная государственность. Существовала работорговля, вероятно, существовало и патриархальное рабство. Вместе с тем общее состояние производительных сил той эпохи (как и всех последующих эпох, вплоть до новейшего времени) заставляет предполагать господство мелкого натурального производства и существование ренты хотя бы в самых примитивных формах. О последней свидетельствуют немногие сохранившиеся факты. Так, надпись Сиренпута (Сиренповета), номарха Элефантины, говорит о дани из нубийских областей, о чем Сиренпуту должны были докладывать.

Вряд ли стоит сомневаться в том, что в Нубии 3 — начала 2-го тысячелетия, как и в тогдашнем Египте, наряду с рабовладельческими развивались феодальные производственные отношения, причем именно феодальные отношения были ведущими в процессе классового образования.

Несомненно, в этом огромную роль сыграл "внешний фактор" — египетское завоевание и египетская торговля. Этот фактор сохранял свое значение и в период XIII династии Египта, и позднее, после гибели Среднего царства.

Египетская торговая и военная экспансия была важным фактором развития и других стран Северо-Восточной Африки, даже таких отдаленных, как Пунт.

Плавания в Пунт в период Среднего царства

Уже первые фараоны XI династии, начиная с Интефа Великого, подчинили себе Восточную (Аравийскую) пустыню, где проходили древние караванные пути к берегам Красного моря (для дальнейшего плавания в Аравию и Пунт). Следующим этапом возобновления экспансии в Пунт были мероприятия Ментухотепа V Небтауи-Ра по освоению дороги из Фиваиды через Вади-Хаммамат к побережью Красного моря, причем, как говорят надписи его царствования, вдоль пути из Вади-Хаммамат были вырыты водоемы, посажены деревья, поселены "дети" египтян.

Более поздняя надпись из Вади-Хаммамат сообщает, что фараон Ментухотеп VII Санх-ка-Ра (XXI в.) послал в Пунт казначея Хену, весьма высокое лицо, обладавшее множеством титулов, чтобы доставить фараону благовония, собираемые "вождями Красной Земли". Кроме того, он должен был доставить из пустыни "камни для статуй богов". Хену сопровождали 3000 воинов из Верхнего Египта. Экспедиция была прекрасно организована и снабжена всем необходимым. Она двинулась из Коптоса по суше, через Восточную пустыню, вдоль Вади-Хаммамат, к побережью Красного моря. В пути египтяне рыли колодцы и сражались с племенами Аравийской пустыни, "уничтожая тех, кто проявлял вражду к фараону". На морском берегу был построен корабль, который совершил успешное плавание в Пунт и вернулся "с продуктами той земли". В заключение Хену говорит: "Потом, вернувшись с моря, я исполнил поручение его величества и доставил ему все дары, полученные мною в Земле Бога (Та-Нутер)". В конце XI и в начале следующей, XII династии плавания в Пунт на целое столетие прекращаются. Последний фараон XI династии и первые два фараона XII династии — Аменемхет I (2000-1980) и Сенусерт I (1980-1935) — были слишком заняты войнами сначала в самом Египте, затем в Северной Нубии, Южной Палестине и на границе с ливийцами, чтобы организовать экспедиции в далекий Пунт. Но Аменемхет II (1896-1834) возобновил экспедиции в Пунт. Он послал в Пунт вельможу (казначея и начальника дворца) Хентхетура, который благополучно возвратился и посвятил богам Гору и Мину благодарственную надпись, сохранившуюся в Вади-Гасус, на берегу Красного моря, несколько севернее Косейра. Из надписи мы узнаем, что расположенный здесь древнеегипетский порт назывался Сасу. Сын Аменемхета II Сенусерт II (1896-1887) в первый год своего царствования также отправил в Пунт экспедицию под командованием Хнум-хотепа, казначея бога. Эта экспедиция, соорудив памятник в Земле Бога, благополучно возвратилась в Вади-Гасус, где Хнумхотеп оставил благодарственную надпись. Интересно, что более поздняя традиция, переданная Геродотом, Страбоном и Плинием, приписывает Сесострису (Сенусерту) завоевания в районе Баб-эль-Мандебского пролива и на берегах Индийского океана, где построенные им памятники сохранялись якобы еще в конце 1-го тысячелетия до н.э. По-видимому, в этой легенде отразились воспоминания о плаваниях в Пунт и постройке здесь памятников при Сенусерте II.

Во времена XII династии Пунт становится местом действия в произведениях древнеегипетской художественной литературы. Около 1900 г. до н.э. была написана сказка "О потерпевшем кораблекрушение", содержащая ценные сведения о Пунте. Здесь передан миф о золотом змее, владыке Пунта, который жил на острове где-то у берегов современной Эритреи. Путь туда лежал по Нилу и Красному морю мимо золотых рудников, принадлежащих египетскому фараону. В сказке подробно перечисляются товары, которые потерпевший кораблекрушение вывез из Пунта.

Характерно, что египетские источники этого времени говорят не о торговле с Пунтом, а лишь об отправке в Пунт кораблей. Экспедиции египтян эпохи Среднего царства в Пунт были промысловыми, грабительскими и лишь в последнюю очередь

торговыми. Говоря о "торговых экспедициях" XII династии, В. И. Авдиев утверждает: "... торговля носила тогда непрекрытый хищнический и грабительский характер. Торговые экспедиции сопровождалась военными отрядами, а торговый обмен, нося довольно часто принудительный характер, принимал форму откровенного грабежа"²¹.

Сношения египтян с Пунтом часто прерывались. Особенно длительный, почти трехсотлетний, перерыв наступил в XVIII-XVI вв. до н.э. Товары из Пунта продолжали поступать в ослабевший и обедневший Египет, но уже только через руки посредников. Как следует из надписи в Дейр-эль-Бахри, в эти времена "товары (Пунта) передавались от одного к другому".

С конца XII династии (вторая половина XVIII в. до н.э.) ослабевший Египет постепенно теряет контроль над своими внешними владениями, да и в самой стране появляются эфемерные династии, правившие в отдельных ее частях. От этой эпохи до нас дошли "черепки проклятия", связанные с магическим обрядом "разбивания красных горшков", с начертанными на них именами врагов фараона. Среди враждебных городов и стран фигурируют палестинские Библ, Аскалон, Иерусалим и другие, а также Темех (Ливия) и Куш (Нубия). Следовательно, и на юге египетских владений — в Африке — обстановка не была мирной. Тем не менее в Нижней Нубии, между Асуаном и Вадихальфой, найдено множество египетских надписей той эпохи, упоминающих имена фараонов XIII династии Неферхотепа, Ра-сехем-ху-тауи, Аменемхета, Собекхотепа и других, что свидетельствует об их власти над этой территорией. Ослабление Египта в то время еще не привело к отделению Нубии. Однако дальнейшие политические события сделали это неизбежным.

Мировая политическая система в XVII—XVI вв. Египет, Нубия и Пунт в XVI-XIII вв.

Около 1760 г. Двуречье вновь объединилось под властью вавилонского царя Хаммурапи. Наступил 300-летний период Древневавилонского царства, которое просуществовало дольше, чем все предшествовавшие ему царства Двуречья, и достигло наибольшего могущества и централизации.

В XIX в. в Малой Азии образуется Хеттское царство, в XVII в. оно усиливается и вступает в борьбу с Вавилоном за господство в Передней Азии (в 1595 г. хетты даже захватывают г. Вавилон). Активными участниками этой борьбы становятся племена субарейцев и хурритов, родственные урартам Закавказья. Они проникают в Сирию и Палестину, смешиваются с семитскими племенами и отчасти подчиняют их себе.

Не в силах одолеть вавилонян и хеттов, теснимые ими, гиксосы, как египтяне называли племена Сирии, устремляются в Египет и подвергают разгрому Среднее царство. Судя по именам, среди гиксосов были не только семиты, но и хурриты. Гиксосские цари поселяются в Дельте и отсюда в течение ста лет правят Египтом, Сирией и Палестиной или по крайней мере отдельными частями этих стран.

В начале XVII в. Нубия вернула себе самостоятельность и объединилась под властью туземного правителя, о котором сообщает фиванский правитель Камос (Камесу) в надписи на так называемой "таблетке Карнарвона" (как бы школьной тетради XVII в. до н.э.). В этом документе, составленном в третий год царствования Камоса, фараон жалуется своим вельможам, что в Аварисе на севере Египта царствует Гиксос (т.е. царь этого народа), а на юге-Нубиец. Камос совершил поход в Нижнюю Нубию; между Эрменне и Тошкой обнаружена надпись с именами самого Камоса, его брата и наследника престола Яхмоса. Интересно отметить, что в состав египетских войск входил отряд нубийцев-маджаев; следовательно, часть их поддерживала фараона.

²¹ Авдиев В. И. Указ, соч., т. I, с. 77.

Связи между северной частью Нубии, подвластной прежде египтянам, и областью близ III порога, где процветала Керма, быстро восстанавливаются и растут; в результате происходит известная унификация культуры в обеих частях Нубии (Нижней и Средней). Культура "группы С" вступила в новую стадию, которая характеризуется более богатыми погребениями в "кастрюлеобразных" могилах с бронзовым оружием египетского типа (кинжалы, топоры, стрелы и пр.), отдельными золотыми вещами, прекрасной керамикой и характерными могильниками из камня и сырцового кирпича. Последняя стадия этой культуры, обнаруживающая черты некоторого застоя и даже упадка, относится к самому концу гиксосского периода и началу XVIII династии (конец ХУП-ХУ! вв.).

К этому времени нубийцы достигли такой степени социального развития, что сами приступили к сооружению укрепленных замков. Так, был сооружен замок в Арейке, копирующий сооружения египтян. И. С. Кацнельсон справедливо отмечает: "Политические события, потрясшие Египет и Нубию, ослабление первого и освобождение второй, привели к существенным изменениям в общественном строе... В частности, более широкий рынок сбыта получила керамика из Кермы. Начавшиеся войны, как внешние, так и внутренние, облегчали обогащение отдельных воинов и вождей, принимавших в них участие. Так, в "кастрюлеобразных" погребениях Мустагедда были обнаружены изделия из золота, прежде в инвентаре нубийских могил не отмечавшиеся"²².

На севере "кастрюлеобразные" погребения достигают Асьюта; на юге границу этой "субкультуры" установить намного труднее из-за слабой археологической изученности Верхней Нубии.

Однако суданским племенам в то время не было суждено развить дальше свою цивилизацию, потому что дни их независимого существования были уже сочтены.

В 3-м и в первые три века 2-го тысячелетия система международных связей древнего мира была еще очень узка. Она занимала лишь территорию Ближнего и Среднего Востока и состояла из немногих царств и нескольких десятков "иомовых" государств, протянувшихся прерывистой цепью от Нила до Инда. Однако с середины 2-го тысячелетия эта политическая система начинает бурно развиваться; она расширяется почти во всех направлениях, структура ее перестраивается, границы крупных государств сближаются и впервые в истории становятся "спорными".

В конце XVII—начале XVI в. политические события в трех крупнейших странах Ближнего Востока вызвали к жизни триумвират новых или обновленных царств, которые стремились к переделу тогдашнего мира. Около 1570-1560 гг. египтяне изгнали из своей страны гиксосов и вновь объединились в мощное государство — Новое царство Египта во главе с энергичными и воинственными фараонами XVIII династии. В 1595 г. Вавилонское царство, некогда сильнейшая держава мира, было разгромлено хеттами — первым цивилизованным индоевропейским народом в мировой истории. Вскоре вслед за тем молодое Хеттское царство ослабело в результате смут, и Египет стал сильнейшей державой, не имевшей равных ни в Африке, ни в Азии. Египетские войска устремились на север — в Сирию, родину гиксосов, и на юг, в пределы некогда подвластной египтянам Нубии, а также в далекий Пунт, также ранее входивший если не в державу фараонов, то в сферу их интересов.

В первой четверти XVI в. гиксосы терпят ряд поражений от правителя Фиваиды Яхмоса I (1580-1559), преемника Камеса. Воины Верхнего Египта, сражаясь на речных судах, колесницах и в пешем строю, осаждают и берут приступом столицу гиксосов Аварис, изгоняют их из долины Нила в Азию и, преследуя вчерашних захватчиков своей родины на их собственной земле, вторгаются в Палестину и Южную Финикию. Союзниками Египта в борьбе с гиксосами выступают ливийские племена и Критская морская держава - первое царство в Европе. Яхмос I становится подлинным основателем

²² Кацнельсон И. С. Нубия под властью Египта. - "Вестник МГУ", 1948, № 6, с. 24.

Нового царства Египта и XVIII династии фараонов. Надписи на двух стелах Яхмоса I красноречиво повествуют о положении этого фараона в начале его царствования. В первой стеле рассказывается о том, как "его величество обратился с речью в своем дворце к совету сановников, что находились в его сопровождении: "На что мне сознавать мою силу, когда [один] властитель (т.е. царь гиксосов.— Ю.К.) сидит в Аварисе, а другой — в Куше, и я сижу в обществе азиата и кушита, и каждый владеет своей частью в этом Египте? Разделяющий со мной власть над страной!" ... Повели вельможи его совета речью: "Смотри... азиаты вплоть до [страны] Куш... Мы спокойно владеем нашим Египтом: крепка Элефантина, середина [страны] с нами вплоть до Куша"". Надо думать, справедливо замечает Осама эль-Нур, что южные границы владений Яхмоса I в то время находились у о. Элефантины. Естественная крепость Элефантины стала оплотом возрождающегося Египта в борьбе против царя Куша - правителя Кермы.

Вторая стела Яхмоса I говорит о союзе царя Куша с царем гиксосов, направленном против фараона. Яхмос рассказывает в надписи на этой стеле: "Я захватил его (гиксосу.-Л?.К.) посла выше оазиса, двигавшегося в южном направлении в Куш с письменным посланием. Нашел я в нем следующее в виде записи рукой властителя Авариса: "Аусерра, сын Ра, Апопи приветствует моего сына, властителя Куша. Почему ты стоишь властителем, но не уведомляешь меня? Разве ты не видишь того, что содеяно Египтом против меня. Властитель, что в нем (Египте)... гонит меня из моих земель. Не нападал я на него, подобно тому как он делал против тебя. Обрек он на нищету Египет, мою страну и твою страну. Он разорил их. Ступай же на север без промедления. Смотри, он здесь у меня, и нет никого [кто встал бы] на тебя в Египте. Смотри, я не дам ему пути до тех пор, пока ты не придешь. Тогда мы разделим города, что в Египте, между собой в радости"". "

Гиксосский посол был послан в Керму через оазис Эль-Харга в обход владений Яхмоса I. Перехваченное фараоном послание Апопи царю Куш было не единственным: в Керме найдена его печать, по-видимому скреплявшая другое послание либо иной дипломатический документ. Апопи торопил своего потенциального союзника с походом на Египет, чтобы зажать войска фараона в клещи. Но этому плану не суждено было осуществиться. Яхмос сначала обрушился на южного врага, а затем повернул на север против гиксосов и победил их.

Нубия, расположенная у самых границ Фиваиды, привлекала особое внимание воинственного фараона, а также его ближайших преемников Аменхотепа I Джосер-ка-Ра (1559 — 1538) и Тутмоса I Аа-хереп-ка-Ра (1538-1525). Возможно, сама династия была нубийского происхождения. Во всяком случае, как показали недавние исследования мумий, ни Яхмос, ни Аменхотеп I не были подвергнуты обрезанию - обычаю, обязательному для египтян, тем более высокородных. Аменхотеп I и Тутмос I вслед за Яхмосом совершили в Нижнюю Нубию ряд победоносных походов. Об этом красноречиво повествует биографическая надпись "начальника гребцов" Яхмоса, сына Абен (Иабанны), а также краткие надписи Яхмоса Пен-Нехбета и Пентаура, великого жреца Амона в Фивах. Последний упоминает о господстве Аменхотепа над страной Карай, очевидно в Средней Нубии, в районе IV порога. Яхмос, сын Абен, сообщает о своем участии в походе Джосер-ка-Ра в страну Куш, где он взял пленного. Сохранилась еще одна надпись, на скале около Уронарти. Она позволяет предполагать, что поход этого фараона в Нубию состоялся в 1551 г. и что египтяне дошли до II порога. Яхмос, сын Абен, более подробно рассказывает о походах в Нубию фараонов Яхмоса I, Аменхотепа I и Тутмоса I. О походе Аменхотепа I он говорит: "И я вез на гребном судне царя Верхнего и Нижнего Египта, покойного Джосер-ка-Ра, когда он плыл вверх по Нилу в Северную Нубию, чтобы расширить границы Египта. И его величество сразил того нубийского кочевника (букв. "лучника".-Ю. К.) среди его воинов. Они были взяты в плен и крепко связаны, причем никто из них не ускользнул... Я доставил его величество за два дня в Египет от Верхнего колодца (район II порога.-Л?. К.), и меня наградили золотом". Яхмос,

сын Абен, говорит, что он особенно отличился в этом походе, командуя авангардом ("во главе нашего войска"), за что был назначен "воином правителя" и награжден. Разбив ополчение нубийских лучников, египтяне преследовали их, когда те пытались спасти свои семьи и скот.

В третий раз Яхмос, сын Абен, вел свои гребные суда в Нубию, переправляя сюда военную экспедицию фараона Тутмоса I (1538 — 1525). Надпись Яхмоса, надписи на скалах о. Томбос (близ III порога), о. Сахель, о. Арко и южнее Асуана, а также надписи Тутмоса I и Тутмоса III в Карнаке позволяют воссоздать картину похода: во 2-й или 3-й год своего царствования (1535 или 1536) Тутмос I двинулся из Фив вверх по Нилу и вторгся в Нубию. "Начальник гребцов" Яхмос, сын Абен, вез на своем судне фараона, и Тура, наместник Куша и Южного Египта, находился при нем.

При переходе через пороги (скорее всего через II порог) отличился как опытный лодчман Яхмос, сын Абен. Некое нубийское племя, воины которого заплетали косы, примкнуло к египтянам. Где-то между II и III порогами произошла встреча армии фараона с ополчением племен сетау. Сам фараон начал бой, метнув копье, застрявшее в теле вражеского воина. Сетау были наголову разбиты, их вождь пал в бою, и с ним множество нубийских воинов. Потери египтян и их союзников были незначительны. Остатки сетау бежали, угоня свой скот, но их преследовали и захватывали в плен. Торжествуя победу, фараон повесил тело вождя сетау на носу своего судна и двинулся дальше на юг. Затем египтяне прошли район III порога, заняли Керму, присоединили к своим владениям область Карай и проникли на 40 миль южнее III порога. Вождь "нехси" (негров) был "беспомощным в его (Тутмоса) руке", а гегемония Египта распространилась вплоть до "Рога Земли" (излучины Нила в области IV порога?). Таким образом плодороднейшая в Судане область Напаты - Старой Донголы вошла в состав египетских владений.

Заложив новую крепость на о. Томбос, Тутмос I повернул корабли в обратный путь, причем тело вождя сетау продолжало висеть на носу его ладьи. В начале половодья Нила, в 3-й год своего царствования, фараон прошел район I порога. Обнаружив, что построенный Сенусергом III канал засорен, он приказал наместнику Тура расчистить его, что и было немедленно исполнено.

Сообщение надписи Яхмоса, сына Абен, о том, что люди сетау были захвачены в плен, вряд ли следует понимать, как это делает В. И. Авдиев, что "все данное нубийское племя было обращено в рабство"²³. О тех же событиях надпись Тутмоса I с о. Томбос говорит, что "не осталось ни одного [в живых] среди нубийских племен сетау, павших во время побоища", и тут же: "Отброшены они в свои области", т.е. в горы и степи. Очевидно, авторы надписей допускали сильное преувеличение. Цель этого приема, как и описания жестокостей, допущенных победителями, — устрашение нубийских племен; впрочем, и сами жестокости преследовали ту же цель.

Ярость фараона, предавшего целую область огню и мечу, угон в неволю восставших и повешение их вождя вниз головой на носу корабля авторы надписей объясняют и оправдывают справедливым возмущением фараона действиями сетау. Единственной целью похода Тутмоса I в Нижнюю Нубию объявляется подавление мятежа и отражение набега "из области пустыни" или намерение фараона "заставить раскаяться за военные действия в горных странах и покарать за нападение в горной области".

В действительности, очевидно, имело место и восстание нубийцев, покоренных Аменхотепом I, и набеги их на египетские гарнизоны и племена, оставшиеся лояльными по отношению к египтянам. Тем не менее прав В.И.Авдиев, говоря, что, "истинной целью этого нубийского похода Тутмоса I было завоевание всей Нубии"²⁴. Такой завоеватель, как Тутмос I, не стал бы ставить перед собой более ограниченную задачу; восстание

²³ Авдиев В. И. Указ, соч., т. I, с. 172.

²⁴ См. Авдиев В. И. Указ, соч., т. I, с. 173

племен сетау было для него не более чем благоприятным предлогом. Этот фараон не только усмирил мятежников и укрепил власть Египта в областях, завоеванных Яхмосом I и Аменхотепом I, но и захватил Керму, углубившись в область между III и IV порогами на добрых 75 км. Здесь египтяне столкнулись с негроидными племенами и одержали победу.

По-видимому, при Тутмосе I в Египет были впервые доставлены невольники-негры. Надпись номарха Инени следующим образом комментирует барельеф, изображающий толпу сидящих на земле обнаженных людей с ярко выраженными негроидными чертами лица и курчавыми волосами: "Осмотр негров, пожалованных как головы пленных для жертвоприношений Амону, после того как была сокрушена подлая страна Куш, вместе с данью каждой иноземной страны. Дал его величество храму Амону по числу лет для фараона Верхнего и Нижнего Египта Аа-хепер-ка-Ра" (Тутмоса - Ю. К.).

Однако нубийские племена "девяти луков" (иунтиу-сетиу, или сетау) восставали снова и снова. Тутмос II уже в первый год царствования должен был послать в Нижнюю Нубию "многочисленное войско", которое вновь разгромило иунтиу-сетиу, перебило якобы всех их мужчин, захватило пленников, в том числе сына вождя, и заставило нубийские племена принести дань.

О том, какое значение придавалось победам в Нубии, говорят беспрецедентные награды, полученные участниками похода: после каждого из них Яхмос щедро награждался невольниками и землей; пожалования получил и экипаж его судна.

Цели походов четко определяет тот же Яхмос: Аменхотеп I двинул свои войска "вверх по Нилу в Куш (кз), чтобы расширить границы Египта" (буквально "черной страны")²⁵.

Широкая строительная деятельность Аменемхета I, Тутмо-са и его детей-соправителей - Тутмоса II Аа-хепер-эн-Ра и Хат-шепсут коснулась и Нубии. Здесь строятся крепости, храмы, разрабатываются каменоломни. Фараоны начинают заселять Нубию египтянами. Для более прочного удержания вновь завоеванных земель уже Аменемхет I объединил владения в Нубии и южные номы Египта в одну пограничную зону, во главе которой поставил наместника с титулом "царский сын Куша и начальник южных номов". При Тутмосе I и Тутмосе II значение этого вельможи возросло, ибо в его руках сосредоточились крупные вооруженные силы и средства и важные функции снабжения египетской монархии ценными материалами, продуктами и людьми (воинами-лучниками Нубии).

Параллельно завоеванию и колонизации Нубии шло завоевание северо-восточной части Ливии и Сиро-Палестинского района. По-видимому, еще Аменхотеп I со своими войсками дошел до Евфрата, первой большой реки, текущей на юг, а не на север, которую увидели египтяне. Затем здесь побывал Тутмос I, а за ним и Тутмос II. Вся Палестина, Финикия и большая часть Сирии стали вассальными владениями фараонов. Их политическое влияние распространилось на Месопотамию, Малую Азию, Кипр и острова Эгейского моря.

Впервые в истории одно из государств обширного и наиболее развитого региона, а именно древнего Ближнего Востока, стало гегемоном других государств. И впервые в истории целью политики было объявлено создание мировой империи, объединение в одну державу всех стран и народов, "которые обходит солнце" (по астрономическим воззрениям того времени). Эту формулу мы первый раз находим в надписи Тутмоса I с о. Томбос, где говорится, что все иноземные народы посылают дань фараону, все они работают на столицу Египта Фивы, северяне плывут вверх по Нилу, а южане плывут вниз

²⁵ По мнению В. И. Авдиева, "захватнические походы Тутмоса I велись в значительной степени с целью захвата рабов". В подтверждение он ссылается на слова одной надписи о захвате пленных и на то, что Хатшепсут называла все иноземные страны своими подданными (по Авдие-ву-рабами) (Авдиев В.И. Указ. соч., т.Н, с. 219-220, примеч. 12).

по Нилу, дабы принести дань божественному Аа-хепер-ка-Ра, который "взял границы Земли в свое владение, сокрушил оба края ее... ища сражения, но не нашел никого, кто противостоял бы ему... Южная граница его достигает этой земли (Нубии), северная же — до перевернутой воды Евфрата, [подвластны] ему острова великого круга (Средиземного моря), вся земля - под его ногами!". Тот же тон и те же географические воззрения - в аби-досской надписи Тутмоса I. "Я,-говорит фараон,—установил границы любимой страны [Египта] до тех пределов, которые обходит кругом Солнце... Я поставил Египет превыше всякой страны". Тутмос II вторит своему отцу, описывая владения Египта от "Рога Земли" на юге до болот Северо-Восточной Сирии и дань, приносимую нубийскими племенами "девяти луков" и азиатами.

При XVIII династии Египта народы Нубии оказались насильственно включенными в общую политическую, экономическую и культурную систему с народами Египта, Средиземноморья, особенно Сирии и Палестины. Племена Сиро-Палестинского района, как и средней долины Нила, снова и снова восставали против Египта, на который еще недавно смотрели лишь как на объект военного грабежа, богатую и доступную добычу. Однако энергичные фараоны XVIII династии настойчиво и последовательно продолжали завоевания.

Оппозиция их деятельности существовала и в самом Египте. В конце XIV в. противники войн объединились вокруг женщины-фараона Хатшепсут (1538 — 1503), жены и соправительницы Тутмоса II, и племянника Тутмоса III. В Нубии Хатшепсут строила храмы (в Бухене, Абу-Симбеле), а не крепости—опорные пункты для будущих походов. Но и она должна была считаться с энергичной и воинственной элитой тогдашнего египетского общества, которую возглавляли фиванские жрецы и военачальники. Хатшепсут направила экспедицию не в ближайшие страны, а в далекий Пунт. В 1511 г. в полулегендарную "Землю бога", путь в которую был позабыт в предшествующие века и товары которой попадали в Египет лишь через руки посредников, была послана флотилия из пяти тридцативесельных судов. Ее плавание описано в надписях и наглядно изображено на барельефах знаменитого храма Дейр-эль-Бахри (который автору этой книги посчастливилось посетить в 1975 г.). Это самое подробное сообщение о Пунте во всей древнеегипетской литературе. На кораблях располагались отряды войск. Один из кораблей вез огромную каменную статую царицы, которую собирались установить в "Земле бога". Флотилия двинулась по Нилу и древнему каналу, соединявшему Нил с Красным морем, затем вдоль берегов Красного моря направилась на юг.

Во главе экспедиции был поставлен "царский посол", который по прибытии в Пунт вступил в переговоры с "великими"(т.е. вождями) этой страны. На стенах храма Дейр-эль-Бахри изображена встреча "царского посла" вождем пунтян Париху, его женой, детьми и слугами. Стихотворная надпись, поясняющая изображение, гласит:

Вот приходят "великие" страны Пунт
Со склоненной головой и поклонами,
Чтобы принять это войско царя.
Воздают они хвалу владыке богов, Амону-Ра.
Говорят они и просят мира:
"Прибыли вы сюда зачем?
В страну эту неведомую людям,
Спустились ли вы по небесным путям?
Приплыли ли вы по водам земли?
Или по морю Страны Бога?
Или следовали вы за Ра?"

Египтяне, хотя среди них и находились отряды солдат, обходились с жителями Пунта миролюбиво и любезно. По словам автора надписи, даже мирровое дерево удостоилось приглашения посетить Египет. Египетские мореплаватели говорят:

"Отправляйся с нами, дерево мирра,
Находящееся в стране Пунт, к дому Амона,
Там есть для тебя место.
Процветай для царицы Маат-ка-Ра
В ее парке, у дома ее бога,
Согласно приказу ее отца".

Надпись и иллюстрирующие ее изображения показывают, как египтяне "рубят черное дерево в очень большом количестве", собирают мирру "в большом количестве на горных террасах", выкапывают и переносят к берегу мирровые деревья, причем передние и задние носильщики обмениваются репликами.

Со своей стороны вожди пунтян также принесли "царскому послу" золото и мирру; соответствующее изображение снабжено пояснительной надписью.

Возвратившись в Египет, экспедиция доставила огромное богатство, которым в то время не владел ни один из царей: золото в виде колец, "необработанное зеленое золото страны Аму" (Азии), электрум (по-видимому, естественный сплав золота с платиной, серебром и медью), малахит, лазурит и другие самоцветы, черную краску для глаз (очевидно, сурму), мирру и 31 живое мирровое дерево, ладан, благовоние ихмут, благовоние хекену, хесит (корицу), благовонный тростник тейшепс (или тишпес), черное и другие ценные породы дерева, бивни слонов, "шкур южных пантер", живую пантеру, павианов и других обезьян, борзых собак, скот и пр.

На стенах Дейр-эль-Бахри богатства, доставленные этой экспедицией из Пунта, фигурируют много раз в виде изображений и в пояснительных надписях. "Ни разу подобное этому не было доставлено для какого-либо фараона, жившего со времен древности". Это заявление, которое мы теперь назвали бы пропагандистским, все же справедливо в том отношении, что оно отражает невиданный прежде успех египетского экономического и политического влияния в Тропической Африке. В связи с этим В.И.Авдиев считает, что, "установив непосредственные торговые взаимоотношения с племенами страны Пунт, египтяне вовлекли в сферу своей меновой торговли также и другие соседние с Пунтом области, населенные негроидными племенами"²⁶. В подтверждение этого он приводит изображения и тексты из Дейр-эль-Бахри, где рядом с пунтянами фигурируют вожди древних нубийцев и других африканских этносов. По нашему мнению, эти изображения и поясняющие их надписи нужно трактовать символически, как апофеоз царицы Хатшепсут; древнеегипетская иконография и эпиграфия дают бесчисленные параллели такому толкованию, отнюдь не предполагающему единства места, времени и действия реальных событий, которые отражены в данном изображении и тексте.

Можно ли считать экспедицию, о которой идет речь, торговой? Утверждая так, В. И. Авдиев и другие историки переносят на Африку 2-го тысячелетия до н.э. экономические категории более позднего времени.

Все перечисленные предметы, несомненно, сомалийского и эфиопского происхождения (включая "необработанное зеленое золото страны Аму", или "азиатское золото"), все они могли быть добыты на месте, на самом побережье, разве только золото было доставлено из внутренних областей континента. Как показали исследования, из Северной Эфиопии происходила также большая часть обсидиана, найденного в Древнем Египте. Часть привезенных ценностей участники экспедиции добыли своими руками,

²⁶ Авдиев В. И. Указ, соч., т. II, с. 55.

например живые мирровые деревья и дорогие породы дерева; это вполне соответствовало практике египетского государства. Может быть, своими руками они добыли часть мирровой и другой ароматной смолы, а также слоновой кости и леопардовых шкур; возможно, сами египтяне ловили в Пунте обезьян. Но многие ценности, прежде всего золото, а также традиционные предметы вывоза из Пунта: благовонные смолы, слоновые бивни, леопардовые шкуры, борзых собак — египтяне могли получить в основном от местных жителей. Каким образом были получены эти предметы? Надпись ничего не говорит о торговле; по словам египтян, вожди Пунта принесли свои товары в виде дани. К. Зете, Р. Хенниг и другие специалисты по древней истории и географии считали, что на самом деле имело место не данничество, а торговля. ("В соответствии с высокомерным обычаем многих древних народов собственные товары, предназначенные для обмена, назывались "подарками", а товары другого народа — "данью"). Мы считаем это мнение неправильным.

Экспедиция Хатшепсут была организована египетской монархией, которая никогда не занималась торговлей в строгом смысле слова. Она получала определенные товары из подчиненных азиатских княжеств. Местные царьки в свою очередь получали иногда от фараона золото и ремесленные изделия. Но подобный обмен выглядит ответным отдариванием, а не платой за товары. Это было скорее наградой за аккуратный взнос дани и выражением милости и дружелюбия со стороны фараона. Характерно, что больше всего даров получали цари Северной Сирии и Верхнего Двуречья; между тем их поставки Египту были весьма незначительными. Ничего не говорят о торговле и надписи из Дейр-эль-Бахри. Сказано только, что египтяне "устроили лагерь для царского посла с его воинами... чтобы принимать вождей этой страны" (Пунта). Вождям пунтян были "доставлены хлеб, пиво (или медовое вино), виноградное вино, фрукты и всевозможные другие вещи, имеющиеся в Египте". Эти "другие вещи", может быть, фигурируют в дейр-эль-бахрийской надписи как "дары, привезенные для богини Хатор, владычицы Пунта": бронзовые топоры, кинжалы, цепочки, ожерелья, кольца. Достоверно указывается лишь на угощение и, возможно, отдаривание туземных вождей, посетивших египетский лагерь. Этот обычай в тех же примерно краях сохранялся и позднее. Все путешественники и купцы, прибывшие в Эритрею и Сомали, заботились об угощении местных жителей.

Так, в частности, поступал Эвдокс во II в. Согласно Страбону, "приставая здесь к некоторым местностям, он располагал к себе население подарками: хлебом, вином, фидами, которых там не было; за это он получал от них воду и провод никое". Псевдо-Арриан говорит столь же недвусмысленно: "Ввозится на эти рынки (в Азании) довольно значительное количество вина и хлеба-не для торговли, а как средство получить расположение варваров". Наконец, даже в 1472 г. н.э. Афанасий Никитин "много раздаша брынцу, да перцу, да хлеба ефиопом (Эритрей), ины судна не пограбили".

Вероятнее всего, посол-адмирал царицы Хатшепсут просто угощал и по возможности отдаривал пунтийских вождей, доставивших дань по его требованию. Была ли это настоящая дань или полудобровольные приношения, роли не играет. Торговля тоже могла иметь место, конечно второстепенное или даже третьестепенное — после дани и военного грабежа (золотое копье и некоторые другие вещи могли быть силой отобраны у пунтян). Торговали, может быть, участники экспедиции, припрятывая для себя вымененные у пунтян товары, ведь корабли предназначались только для доставки продуктов Пунта двору и храмам. Вероятно, в случае разоблачения матросам грозили кары. Но может быть, соблазн был слишком велик, чтобы они могли устоять. Таким образом, обмен все же мог происходить, но в очень незначительных масштабах.

Однако даже такой весьма ограниченный и примитивный обмен не мог не иметь определенных социальных последствий. Главные выгоды, конечно, получали вожди Пунта, которые обогащались за счет подарков египтян, находили у них поддержку и укрепляли свою власть над соплеменниками. Однако эти выгоды не могли быть особенно

велики, так как целиком зависели от милости египтян. Кроме того, и это важно, торговля с Египтом велась лишь побочными продуктами хозяйства пунтян и почти не затрагивала их основной производственной деятельности — скотоводства, рыбной ловли, может быть, земледелия.

Интенсивнее могла развиваться охота ради получения слоновой кости, леопардовых и жирафовых шкур, жирафовых хвостов и других ценных египтянами, но все-таки побочных продуктов охоты. При этом египетская монархия, очевидно, стремилась полностью взять в свои руки не только вывоз, но и саму добычу продуктов Пунта. Так она поступала в Нубии на золотых россыпях и копях драгоценных камней. Это было вполне в духе древнеегипетской монархии. Должно быть, жители Пунта были частично отстранены от сбора мирры, ладана и других благовоний, от торговли ценными сортами древесины и прочими местными продуктами. Часть последних они поставляли в виде дани, особенно смолы, золото, слоновую кость, а также скот.

Более интенсивной эксплуатации препятствовал уровень развития производительных сил, на котором находилось хозяйство пунтян.

На барельефах храма Дейр-эль-Бахри изображена деревня пунтян и процессия, несущая дары египтянам: золотые кольца и цепи, груды благовонных смол на круглых блюдах, вероятно плетеных. Во главе процессии идет вождь пунтян по имени Па-риху, его жена Ити, или Ари, двое сыновей и дочь. Деревня расположена на берегу моря; хижины имеют куполообразную форму; стены поднимаются вертикально вверх, а крыша является их продолжением. Вход невысокий, сводчатый. Хижины стоят на сваях и снабжены каждая садовой лестницей с перекладинами (такие точно хижины сохранились до наших дней в оазисе Аусса, на юге Данакильской пустыни, составлявшей часть Пунта). Вокруг хижины растут пальмы дум и сикоморы. Под деревьями лежат короткорогие безгорбые коровы. Видно стадо коров, которых пунтянин гонит из деревни. Есть изображения навьюченных ослов, а также пунтянки верхом на осле. Известно, что один из центров одомашнивания осла находился в Северо-Восточной Африке. До сих пор здесь водятся дикие ослы, нубийские и сомалийские, от которых происходят все домашние породы. Очевидно, главным занятием пунтян было скотоводство — разведение крупного рогатого скота и ослов.

Хозяйственно-культурный тип этого народа, видимо, был близок к типу масаев, кочевых сук, части туркана и тех племен южных галла, которые разводили крупный рогатый скот, овец и ослов, но не верблюдов. На важность разведения крупного рогатого скота указывает следующее обстоятельство: при фараонах XVIII и XIX династий Пунт платил дань быками и телятами. О земледелии нет никаких указаний, хотя оно могло быть уже известно.

Характерно, что из Пунта египтяне вывозили борзых собак. Об этом рассказывает сказка "О потерпевшем кораблекрушение" и надпись в Дейр-эль-Бахри. По-видимому, охота с помощью собак играла известную роль в хозяйстве пунтян²⁷. Охотничьим оружием были метательные палицы, одна из которых изображена в руке Париху. Надпись гласит, что царица Хатшепсут пожертвовала в храм "пунтийские метательные палицы". За поясом у Париху кинжал. Есть также изображения каменных топоров.

Одеждой жителям Пунта служили набедренные повязки или передники, обшитые тесьмой и прикрепленные к поясу. Носили они также украшения: у царька Париху браслет на левой руке, ожерелье на шее; у царицы Ари — кожаная юбка, узкая повязка на голове, ожерелье на шее и браслеты на руках и ногах.

Египетские художники, изображавшие жителей Пунта, различали среди них два антропологических и этнических типа. Одни из пунтян более светлокожие, цвет их кожи египтяне, как собственный, изображали красной краской, другие — более темнокожие,

²⁷ В настоящее время собак разводят лишь группы бродячих охотников, живущих среди сомалийцев, но сами сомалийцы, даникилы, арабы и суахили Бенадира не разводят и не держат собак.

закрашены черной краской, с ярко выраженными негроидными чертами лица. Лица Париху, его сыновей, дочери, его подданных и особенно Ари - типичные "Эфиопеоидные". Негры, азиаты и египтяне изображались во времена XVIII династии совсем иначе. Париху и некоторые другие пунтяне носили узкую и длинную остроконечную бородку; волосы свободно ниспадали и поддерживались головной повязкой или лентой, завязанной надо лбом. У других головы бриты. У третьих волосы подстрижены, как и у египтян, причем длинные локоны пунтян первой группы - это отнюдь не курчавые волосы негроидов.

Эти этнографические данные убеждают нас в том, что флот царицы Хатшепсут совершил плавание в район Северного Сомали, где на "горных террасах" растут мирноносные и ладоносные деревья, где обитали племена скотоводов эфиопеоидного антропологического типа и отдельные группы негроидных (а отчасти также эфиопеоидных) охотников-собираателей.

В надписях ничего не говорится о сражениях с пунтянами, напротив, подчеркивается мирный характер их отношений. По-видимому, египетские солдаты выполняли строгую инструкцию царицы, запрещавшую обижать и грабить местное население. В Нубии при Хатшепсут также было относительно спокойно.

Возможно, за этой первой экспедицией последовали другие, не столь грандиозные. В.И.Авдиев в подтверждение этого предположения ссылается на фрески из гробницы № 143 в Дра-Абу-аль-Негга, датируемые первой половиной периода XVIII династии. Фрески изображают вереницу носильщиков, которые на длинных коромыслах несут мешки и ящики, очевидно, с продуктами Пунта. Носильщиков охраняют пешие воины, позади которых идет колесничий-стрелок с колчаном за спиной и конем, запряженным в колесницу, на поводу.

На других фресках мы видим продукты Пунта: самоцветы в корзинах, золотые кольца, благовонные смолы, частью сваленные грудями, частью спрессованные в форме конусов и обелисков, а также мирровые деревья в горшках и зверей. Хотя надписи плохо сохранились, в них читается название "Пунт". Очевидно, фрески на стенах гробницы № 143 изображают возвращение египетской экспедиции из Пунта, в которой принимал участие и похороненный в гробнице вельможа. Мирровую смолу в форме обелисков, которая предназначалась для воскурения в храмах египетских богов, изображают также фрески в гробнице вельможи Рехмира (или Рехмире), младшего современника Хатшепсут.

Характерно, что стиль и язык надписи из Дейр-эль-Бахри находятся под несомненным влиянием сказки "О потерпевшем кораблекрушение", написанной четырьмя веками ранее. Это подчеркивает преемственность политики фараонов Древнего и Среднего царств и царицы Хатшепсут в отношении Пунта и, возможно, противопоставляет ее чисто военному курсу фараонов Нового царства.

Однако, несмотря на все миролюбие великой царицы, оказавшейся во главе одной из самых воинственных держав своего времени, экспедиция в Пунт имела и военные цели. Прежде всего египтяне должны были достичь Пунта морским путем, где еще безраздельно господствовали аравийские племена, монопольно торговавшие благовониями, "передавая их от одного к другому", и готовые силой защищать свою монополию. Далее, для походов в глубь страны Пунт и для прямой добычи ее богатств египтянам требовалась многочисленная вооруженная охрана. Жителей же Пунта нужно было запугать военной мощью "флота ее величества", чтобы они, если уж сами не в состоянии доставить на корабли все необходимые товары, не препятствовали бы египтянам самостоятельно добывать их в глубине гор. И вот в надписях из Дейр-эль-Бахри мы видим характерное для политики Хатшепсут противоречие: мирные декларации и предпочтение дипломатии войне перемежаются с демонстрацией военной мощи. Эта последняя линия была неизбежным следствием военного характера

египетского государства при XVIII и XIX династиях и давления весьма влиятельных военных кругов, во главе которых стояли ее мужья, которыми последовательно были Тутмос I, Тутмос II и Тутмос III.

В.И.Авдиев справедливо подчеркивает военный момент в организации этой экспедиции: "Очевидно, эта экспедиция была предпринята не только для того, чтобы установить экономические связи с далекими южными странами и вывезти оттуда богатую добычу, но также и для того, чтобы наглядно показать военную мощь Египта, который претендовал на господство в Нубии и даже в более далеких, прилегающих к Нубии с юга и востока странах... Для того чтобы подчеркнуть военный характер экспедиции в Пунт, на стенах храма в Дейр-эль-Бахри были несколько раз изображены отряды воинов, которые сопровождали корабли и должны были демонстрировать военную мощь Египта в "Божественной Стране". Особенно характерна в этом отношении надпись, помещенная под одним таким изображением военного отряда: "Ликут все отряды царского корабля, молодые поколения (или новобранцы.— Ю.К.) Фив, прекрасные юноши из войска всей страны в радости..."²⁸.

Отдавая дань настроениям этих "молодых поколений", царица Хатшепсут в "демонстративно воинственной" надписи на обелиске из Карнака заявила о беспрецедентном расширении границ Египта и сферы его влияния во всех направлениях: "Моя южная граница простирается до Пунта... моя восточная граница простирается до горы Ману (Эннеди или Тибести?— Ю. К.)... Моя слава живет постоянно среди обитателей песков... Мирра из Пунта была доставлена мне... Все роскошные чудеса этой страны были доставлены в мой дворец за один раз... Мне привезли избранные продукты... кедра, можжевельника²⁹ и дерева менру... всякое благовонное дерево Страны Бога³⁰. Я получила дань из Техену (Ливии.-Л). К.), состоящую из слоновой кости и семисот бивней, имевшихся там, множества леопардовых шкур..."

Сходный характер имеет и сцена в Дейр-эль-Бахри, где вожди различных африканских племен славят царицу Египта. Надпись поясняет:

Возносят хвалу Маат-ка-Ра,
Целуют землю перед Усерт-кау,-
Это великие вожди Пунга...
Троглодиты Куша, страны Хент-хен-нофер,
Всякой страны к югу от Египта,
[Приходящие с поклонами]
Со склоненной головой,
Приносящие свои дары к месту перед ее величеством...
Вожди Нимаиу,
Вожди Ирем-мер,
Говорят они, и просят они мира у ее величества...
Преподносятся диковинки страны Пунт,
Драгоценности Страны Бога
Вместе с приношениями иноземных южных стран,
Лучшими даями жалкой страны Куш,
Крохами страны негров...

Здесь же изображена и перечислена дань из Нубии, которую символизирует древнениубийский бог Дедун.

²⁸ Авдиев В. И. Указ, соч., т. II, с. 99.

²⁹ Несомненно, имеются в виду гигантские можжевельники Эфиопского нагорья и гор Северного Сомали.

³⁰ В горах Северного Сомали имеется много видов благовонных деревьев.

Дань составляют такие традиционные продукты, как живые леопарды и жирафы, слоновьи клыки, страусовые перья и яйца, луки, деревянные шесты и палки, а также 3300 голов крупного рогатого скота.

Присутствие вождей Пунта при торжественной встрече возвратившейся в Египет экспедиции, по-видимому, действительный факт. Надпись из Дейр-эль-Бахри уверяет, что они сами просили начальника египетской экспедиции доставить их к фараону. В другом месте надписи сообщается, что экспедиция привезла из Пунта "жителей с детьми их". Последнее выражение В.И.Авдиев переводит как "рабами и детьми их", обосновывая столь необычный перевод слова следующим соображением: "Доставка рабов из... Пунта имела очень большое значение для Египта, так как рост рабовладельческого хозяйства постоянно требовал увеличения количества рабочей силы, т.е. в первую очередь рабов..."³¹ Не существует никаких фактических данных, которые позволяли бы думать, что нечастые египетские экспедиции в далекий Пунт привозили в долину Нила каждый раз больше нескольких десятков пунтян. Разумеется, это ничтожное число людей, незнакомых с земледелием, не имело для Египта никакого хозяйственного значения по сравнению с многомиллионной массой египетского крестьянства. Что касается общих рассуждений о рабовладельческом производстве, то В. И. Авдиев проявил последовательность, утверждая, что при Хатшепсут жители стран, находившихся в сфере политического влияния Египта, являлись рабами³².

Колеблющаяся и неустойчивая внешняя политика Египта при Хатшепсут и во время единоличного правления ее бывшего мужа — племянника Тутмоса III Мен-хеперу-Ра (1483 — 1450) вновь сменяется курсом на широкие и планомерные завоевания.

Еще в период соправления с Хатшепсут Тутмос III принимал меры для укрепления египетского владычества в Нижней Нубии. Ко второму году его царствования относятся надписи на о. Сахиль (или Сехель), в храме в Кумме, в Сильсиле, в Вади-Хальфе и Семне (последние две — в районе II порога). Посвятительная надпись в Семне начертана на стенах храма, который Тутмос приказал построить на месте развалившегося храма Сенусерта III, покорителя Куша. В надписи говорится о том, что Тутмос "соорудил этот памятник для отца Дедуна, главы Куша, и для фараона Верхнего и Нижнего Египта Ха-кау-Ра (Сенусерта III), построив им храм из белого прекрасного камня Куша". Этим молодой фараон объявил себя продолжателем дела Сенусерта III и в то же время почитателем древнунубийского бога Дедуна. Дедун был включен в египетский пантеон, а его жречество — в сословие египетских жрецов. Так была намечена новая политика фараонов XVIII и XIX династий в Нубии, а также в Пунте, направленная на их ассимиляцию с Египтом.

Однако от дальнейших завоеваний в Куше и Пунте Тутмосу пришлось на время отказаться, так как с 22-го по 42-й год своего царствования (около 1481 — 1461) фараон был занят двадцатилетней войной на севере, против коалиции сиро-палестинских княжеств.

Международная обстановка в общем благоприятствовала этому предприятию, хотя царство Митанни достигло расцвета, а возродившееся после периода смут Хеттское царство в 1535 г. возобновило экспансию на юг, в Сирию и Палестину.

Египтяне под предводительством фараона совершили 16 походов в Палестину, Сирию и Финикию, пока не разгромили коалицию местных "номовых" княжеств и не включили всю территорию — до Александреттского залива и Евфрата — в свои владения.

³¹ Авдиев В. И. Указ, соч., т. II, с. 218, примеч. 148.

³² "Даже в сравнительно мирное царствование Хатшепсут прочно держится представление о том, что жители покоренных иноземных стран являются "рабами" египетской царицы.

"У меня нет врага ни в одной стране,

Все иноземные страны-мои рабы""

(Авдиев В. И., Указ, соч., т. II, с. 219 - 220, примеч. 12).

Царство Митанни (расположенное в Верхней Месопотамии и населенное родственными урартам хурритами, а также индоарийцами либо их потомками) справедливо увидело в египетских завоеваниях угрозу своим интересам в Сирии и вступило в борьбу с фараоном. Но египетские войска переправились через Евфрат, опустошили западные провинции Митанни и разгромили его армию, заставив царя бежать далеко на восток. Митанни, еще недавно сильнейшая держава Передней Азии склонилась перед могуществом фараона и прислала дань. Дань или дары прислали также три других царства, ставшие теперь соседями Египта: Ассирия, Сангара и Великая Хета (Хеттская держава).

Несмотря на то что в центре внимания фараона оставалась Передняя Азия, он стремился поддерживать египетское господство и в странах Тропической Африки. Эту цель преследовало широкое храмовое строительство в Нубии, предпринятое фараоном в период после 1471 г. Храм Дедуна и обожествленного Сенусерта III, построенный почти тремя десятилетиями ранее в Семне, теперь был значительно расширен. Расположенный неподалеку храм в Вади-Хальфе также был расширен, украшен импозантным колонным залом. В Амаде было начато строительство храма Ра-Горахте, законченное позднее. Эти храмы были еще сравнительно невелики по своим размерам, но тем не менее они служили центрами египетской культуры и администрации в Нубии. На крайнем юге тогдашних египетских владений в Судане, на о. Сай (между II и III порогами), принц Нехи, наместник Куша, "построил не только храм, но и крепость, что ясно указывает на военный характер интенсивного строительства, предпринятого фараоном в Нубии. Возможно, что в эту эпоху в Нубии уже существовали египетские поселения, которые были опорными пунктами египетского экономического, политического и культурного влияния здесь. Таков, например, город, раскопанный в Сесеби, в развалинах которого среди множества предметов времени XVIII династии был найден скарабей с именем Тутмоса III³³.

В "Анналах" этого фараона начиная с 31-го года его царствования помимо военных и дипломатических побед в Азии указывались дань, поступающая из египетских владений в Куше, и дары, доставляемые из сопредельных с ними стран и из Пунта. На 32-м году его царствования в тогдашнюю столицу Египта была доставлена группа вождей Пунта. Она преподнесла Тутмосу подарки и поздравления.

Более подробно, чем в "Анналах" Тутмоса III, это событие описывается в надписи на стенах гробницы визиря Рехмира, где сохранились также иллюстрирующие ее изображения. Здесь представлены жители Пунта, Кефтиу (Крита), Куша (Нубии) и Передней Азии, приносящие Рехмира "дань". "Для того чтобы отделить страны, подвластные Египту, от стран независимых, художник поместил в одну группу пунтийцев и критян как жителей независимых стран, а в другую — нубийцев и сирийцев, поскольку Сирия и Нубия были подвластны Египту. Это подчеркнуто далее и тем, что в нижнем регистре, где изображены пленники, помещены лишь нубийцы и сирийцы"³⁴. Пунтяне, очевидно, прибыли в Египет на египетских судах, так как трудно предположить, что они совершили самостоятельное плавание по Красному морю и каналу, соединявшему его с Нилом. Следовательно, прибытию пунтян в Египет предшествовала новая египетская экспедиция в Пунт, которая на обратном пути захватила их с собой. Судя по изображениям, экспедиция доставила из Пунта обычные для такого рода плаваний грузы: мирру в форме конусов, пирамид и обелисков, мирровые деревья, черное дерево, слоновые бивни, леопардовые шкуры, живого леопарда, козла, обезьян, страусовые перья и яйца, ожерелья и золото в кольцах. Надпись, поясняющая эту сцену, гласит: "Прибытие в мире вождей Пунта с поклонами к месту перед его величеством царем Верхнего и Нижнего Египта Мен-хеперу-Ра (другое имя Тутмоса III), да живет он

³³ Авдиев В. И. Указ, соч., т. II, с. 142.

³⁴ Авдиев В. И. Указ, соч., т. II, с. 57.

вечно! Они приносят свою дань, всякие хорошие приношения своей страны, на которую никто не ступал ногой вследствие его великого могущества в их странах. Ведь каждая страна подвластна его величеству!"

По мнению В.И.Авдиева, писец, "не имея возможности указать на то, что Пунт был завоеван Тутмосом III... ограничивается лишь общим утверждением, что "каждая страна подвластна фараону" и что поэтому торговцы Пунта являются в сущности лишь "данниками" фараона. Однако это не что иное, как преувеличение, продиктованное идеологией, типичной для этого периода в истории Египта"³⁵. По нашему мнению, вождей Пунта, прибывших в Египет, правильнее, как это делает Э. Цыларц, назвать делегацией, чем торговцами.

Тем не менее, попадая в руки азиатских (аравийских, сиро-палестинских, финикийских) торговцев, экзотические продукты Африки уже в то время начинали превращаться в товар. Однако в Египте это был еще дотоварный вид богатства. Правительство фараона прямым путем, без посредства рынка и без обмена на товары, распределяло полученные из Пунта и Куша продукты среди высшего храмового персонала, вельмож, а также вассальных и союзных царей. "Дай мне золото, много золота!"—эта просьба, обращенная к фараону Египта, нередко звучит в устах азиатского царя в дипломатической переписке Тель-Амарнского архива. В словари многих древних языков, от иврита и арамейского до греческого и латинского, вошли древнеегипетские названия благовоний, эбенового дерева, слоновой кости, сурьмы и др. По-видимому, даже этнонимы "абиссинец" и "эфиоп" первоначально обозначали племена, торгующие благовонными смолами; судя по упоминанию "хабаса Страны Бога" в древнеегипетских источниках и "Эфиопии" в эллино-египетских, эти термины проникли в Средиземноморье частично через египетское посредство, по древнему пути благовоний из Пунта в дельту Нила.

Однако о сборе египтянами дани в полном смысле слова можно говорить лишь применительно к более позднему времени, когда в Пунте появились войска Тутмоса III.

К 1482 г. Сирия была окончательно покорена. Теперь воинственный фараон мог обратить свое оружие на юг, против племен Судана и Восточной Африки. Около 1480 г. в Пунт была отправлена еще одна грандиозная экспедиция. В ней участвовала 1000 человек. Фараон снова получил "дань": 223 меры мирры, черное дерево, слоновую кость, шкуры пантер, скот, пленников и пленниц. В числе добычи, захваченной в Пунте, или, может быть, дани местных вождей фигурирует золотое копье довольно значительного веса.

Египетские источники говорят о множестве вождей ("великих") Пунта; на столь обширной территории и позднее было много независимых правителей. Трудно сказать, каковы были их действительное положение, власть и богатство. Париху, его жена, сыновья и дочь одеты еще весьма примитивно и внешне мало отличаются от рядовых пунтян. На них больше украшений, часть которых могла быть из драгоценных металлов (недаром египтяне вывозили из Пунта золотые кольца). Если специальные украшения пунтийских вождей нельзя с уверенностью считать знаками их власти, то иначе обстоит дело с золотым копьем, которое Тутмос III получил из Пунта. Такое копье, как показывают многочисленные этнографические параллели, могло служить атрибутом власти племенного вождя. Однако вряд ли эту власть можно было сравнить с властью вождей племен "группы С" в Судане, которым подчинялось гораздо более многочисленное и политически лучше организованное население. В Пунте ветераны Тутмоса III легко подчинили себе местных вождей.

Затем наступила очередь Куша. В 47-й год царствования (1478) Тутмос III двинулся на покорение Судана. Возможно, первоначально он ставил задачу достичь по суше "Страны Бога" и присоединить всю Северо-Восточную Африку (до Пунта на юге) к

³⁵ Там же.

владениям фараона. Однако египетские солдаты, преодолевая сопротивление местных племен, дошли только до IV порога. Здесь, у священной горы Гебель-Баркал, были основаны крепость и храм Амона, ставший со временем главным святилищем Судана и ядром, вокруг которого возник крупнейший город Нубии — Напата, будущая столица первого в Тропической Африке независимого царства. Среди развалин храма найдена большая стела с победной надписью Тутмоса III, рассказывающая о его могуществе и победах. Другая надпись Тутмоса III, повествующая о завоевании Нубии, высечена на пилонах знаменитого Карнакского храма. Здесь приведено 269 названий различных местностей и общин Нубии и Нубийской пустыни, подвластных Тутмосу и покоренных им. Лишь небольшая часть из них поддается идентификации.

Еще более ста лет назад известный египтолог Дж. Мэриэтт попытался отождествить, главным образом по созвучию, некоторые из первых 15 — 17 названий гебель-баркальской надписи с топонимами и этнонимами конца античной эпохи, а именно аксумского времени, а также позднего средневековья. Так, Атель, или Атер, он сопоставлял с Адули[сом], Букак, или Букка, — с Буга, буджа, беджа, Бербер-та, или Та-Бербер, — с нубийским либо сомалийским Бербером, Такару — с Тигре, Балма — с блеммиями, Атар-Маю, или Атель-Маю — с Аталмо, Аркек — с Аркико (в Эритрее), Гуресес — с Кассалой, Турурек — с Дахлах, Гулуб-с Гурубой или Голобои и т.д. Большинство этих названий Мэриэтт привязывал к территории между Нилом и южной частью Красного моря. Некоторые из его идентификаций удачны, например гулубу — голобои (у Клавдия Птолемея), букка — буга; другие крайне сомнительны, как Бербер-та — сомалийский Бербер, Гуресес — Кассала; кстати, Дж.Э.Аркелл отождествляет Гуресес (gurss) с крейш на западе нынешней Республики Судан. Итальянский эфиопист К. Конти-Россини, отчасти следуя несколько иному чтению иероглифов, отождествляет переданные ими названия Утулит, Карка, Хамасу, Текару и Утен как соответственно Адулис, Коракио (близ Адулиса), Хамасен, Токар и Дахлак. У ряда других историков заметна тенденция идентифицировать наиболее важные географические пункты Северо-Восточной Африки, такие, как о. Дахлак или вадии пустыни Беджа, с произвольно выбранными из списка "подходящими" по звучанию названиями. Конечно, это не очень-то надежный метод исторической идентификации.

Однако, как бы то ни было, размах завоеваний Тутмоса III был таков, что наиболее плодородная средняя часть Нубии между III и IV порогами и богатые золотом земли на восток от Нубии теперь принадлежали Египту.

В. И. Авдиев считает надпись из Гебель-Баркала своего рода манифестом, обращенным к египетскому населению Нубии на самой южной границе египетского государства. Надписи на пилонах Карнакского храма были адресованы к "молодым поколениям Фив", тогдашней столицы Египта; они прославляли правящего фараона и призывали к новым походам.

По-видимому, Тутмос III намеревался продолжить завоевание Африки. На 50-м году своего царствования (1475 г.) он приказал расчистить уже снова занесенный камнями канал в обход I порога, пробитый в скалах при Сенусерте III и расчищенный при Тутмосе I, чтобы бесперебойно доставлять на судах войска из Египта в Нубию. Об этом сообщает одна из наскальных надписей на о. Сахель, датированная 50-м годом царствования Тутмоса III. Надпись также сообщает, что в этот год фараон последовал по каналу на юг и повелел "рыболовам Абу" (о. Элефантина) расчищать его.

Надпись, очевидно, сообщает о последнем нубийском походе великого фараона, предпринятом, вероятно, для усмирения восставших племен, но, возможно, и для расширения границ своей державы в сторону V порога.

При Тутмосе III Египет находился на вершине своего могущества. Египтяне подчинили себе значительную часть Передней Азии, захватили важные торговые пути, соединявшие Северо-Восточную, Восточную и Северную Африку, Восточное Среди-

земноморье и Переднюю Азию, и превратили страну в обширнейшую, богатейшую и политически наиболее влиятельную державу своего времени— прообраз будущих империй. Казалось, теперь, опираясь на ресурсы самого Египта и покоренных им стран, фараоны могут присоединить к своим владениям все государства Азии (самым северным из них было Хеттское царство, а самыми восточными — Мохеджо-Даро и Хараппа) и Эгейского района (Кипр, Крит и пр.). Однако древний мир еще не был готов объединиться в империю: свободное крестьянство, составлявшее большинство населения тогдашнего цивилизованного мира (за исключением закрепощенного и закабаленного крестьянства Египта и Двуречья), составляло прочную основу независимости государств Восточного Средиземноморья и Азии. Египетская армия, насчитывавшая максимум дватри десятка тысяч солдат, из которых примерно половину составляли иноземцы, потратила десятилетия, чтобы привести к покорности племена Нубии и города-государства Сирии и Палестины. Преемники Тутмоса III уже не имели сил для дальнейших завоеваний. Единственное, что они могли,— это путем величайших усилий сохранять сложившуюся политическую систему, в которой Египту принадлежала гегемония.

Сын Тутмоса III Аменхотеп II Аа-хеперу-Ра (1491-1465), не менее воинственный, чем его отец, первую половину царствования был занят в основном подавлением восстаний в оазисах Ливийской пустыни, в Аравийской пустыне, на Синае, в Палестине и особенно в Сирии. В Нубии при нем царило относительное спокойствие, но и здесь, по-видимому, имелись какие-то мятежные элементы, в предостережение которым фараон приказал повесить в стране Карай, близ IV порога, одного из мятежных сирийских князей. В надписи на мемфисской стеле Аменхотеп II похваляется, что "сокрушил лук его страну Нехси" (Нубию). Для укрепления египетского господства в Нубии Аменхотеп II продолжает здесь строительство храмов.

Вторая половина царствования этого фараона прошла необычно спокойно: в политике Нового царства вновь наметился поворот к мирному сосуществованию с соседями. Тутмос IV Нефер-хеперу-Ра (1465 —1455), провозгласивший себя продолжателем дела Тутмоса III, попытался возобновить его завоевательную политику в Передней Азии и Нубии. На 8-м году своего царствования (1458/7 г.) фараон совершил поход против нубийских мятежников, о котором рассказывает наскальная надпись из Коносо. Выступив из Эдфу, египетское войско двинулось на юг, фараон плыл на своей ладье. Население Нижней Нубии с радостью встречало фараона, а мятежники бежали в "недоступные долины" Нубийской пустыни. По мнению Дж. Брэстеда, где-то в провинции Уауат произошла битва между египтянами и повстанцами, но такой тонкий знаток военной истории Египта, как В.И.Авдиев, считает, что этот поход Тутмоса IV был скорее карательной экспедицией против мятежников, чем регулярной войной с войсками противника. Возможно, взятые в плен повстанцы были поселены фараоном в Фивах на территории его заупокойного храма. В гробнице Тутмоса IV найдено его изображение на обломке трона: фараон в виде идущего сфинкса попирает поверженных нубийцев. А на обнаруженной здесь же колеснице перечислены страны Передней Азии и Нубии, "от Нахарины (на северо-востоке Сирии) до Карай" (в Средней Нубии), где Тутмос IV одерживал победы, в том числе нубийские области Куш, Карай, Миу, Ирем, Гурсес и Тиураик.

Преемник Тутмоса IV Аменхотеп III и преемник последнего Аменхотеп IV (Эхнатон, или, правильнее, Эхнейот) должны были отказаться от завоевательной внешней политики своих предков. Тем не менее Аменхотеп III (1455-1424) на 5-6-м году своего царствования совершил в Нубию поход, о котором сообщают несколько надписей. Судя по результатам, это была значительная экспедиция. Фараон покорил (или усмирил) Куш, Ирем, У рем и Арек, разбил в области Ибхат древних суданцев и захватил 740 пленников, а также золото в Карай, а затем достиг гор Хуа. Дж. Брэстед предполагал, что

Аменхотеп III углубился в Судан далее Тутмоса III, хотя Э. Майер и В.И.Авдиев с ним не согласились. Вероятно, это была прежде всего карательная экспедиция.

По-видимому, Аменхотеп III послал экспедицию также в Пунт. В одной из надписей его времени говорится, что "страны Пунта" посылают в Египет дерево лучших пород, тогда как вожди Куша приносят дань. Очень большое внимание Аменхотеп III уделял храмовому строительству в Нубии, в области между II и III порогами. Здесь были построены храмы в Седенге, Солебе и Гематоне, а крепость в Сесеби, основанная при Хатшепсут, начала при Аменхотепе III превращаться в город, который достиг расцвета в первые годы царствования Аменхотепа IV, когда в Сесеби были построены три храма. По-видимому, при Аменхотепе III начал развиваться храмовый город Гематон (Кава), будущий религиозный центр Куша.

Аменхотеп IV вынужден был, как и его отец, подавить восстания в Нубии и Сирии. Его наместник в Куше жестоко расправился с восставшими, перебив часть из них и угнав в плен другую. Сохранились изображения фараона и его жены, прекрасной Нефертити, принимающих дань из Нубии и Сирии и с царственным спокойствием вззирающих на пленных мужчин и женщин из этих стран, приведенных на веревках, натянутых на шеи, и брошенных к ногам августейшей четы.

При Эхнатоне и Нефертити Нубия больше, чем какая-либо другая подвластная Египту страна, жила общей политической и культурной жизнью с метрополией. Религиозная реформа Эхнатона коснулась и Нубии. Разрушение храмов Амона и других богов атонистами (религиозными реформаторами, последователями монотеистического культа Атона — Солнца) происходило не только в крупнейших городах собственно Египта, но и в таких городах Нубии, как Сесеби и Гематон. В последнем Эхнатон приказал разрушить храм Амона и построить храм Атону в Сесеби и Гематоне.

Официально утвержденный фараоном и его богословами гимн Солнцу называет Куш наряду с Египтом и Сирией в числе стран, поклоняющихся единому богу. Хотя монотеизм не смог укорениться в этих странах и даже не произошло культурно-этнической интеграции Северного Судана с Египтом, Нубия вошла в число передовых стран тогдашнего мира.

Установившийся при Аменхотепе III и его преемниках (Эх-натоне, Сменхкаре, Тутанхамоне и Эйэ) мирный курс египетской внешней политики был круто изменен фараонами XIX династии, которые попытались возродить военную мощь Нового царства Египта и вернуть ему доминирующее положение в тогдашнем мире. Первый фараон XIX династии Хоремхеб (1327-1314) совершил походы в Палестину и Нубию и послал экспедицию в Пунт. Великолепные барельефы храма в Сильси-ле (Нижняя Нубия) прославляют победу Хоремхеба над восставшими племенами Судана, а один из барельефов Карнака изображает принесение фараону дани (в том числе мешков с золотом и благовониями) вождями Пунта.

Преемники Хоремхеба Рамсес I (1314 — 1323) и Сети I (1313—1293) укрепляли власть Египта в Нубии и Ливии и продолжили борьбу с хеттами и их союзниками за возвращение утерянных Египтом сиро-палестинских владений.

В первый год своего царствования Сети I направил в Нубию карательную экспедицию, которая подчинила здешних "мятежников". Вскоре сам фараон во главе большого войска двинулся в Ретену (Сирия). В последующие годы Сети I воевал против хеттов в Сирии и ливийцев на западе. Изображение его военных подвигов (с краткими пояснительными надписями) мы находим в Карнаке на северной стороне большого гипостила.

При Сети I, возможно, была организована еще одна экспедиция в Пунт. В царствование этого фараона интенсивно разрабатывались золотые прииски Восточной пустыни. Здесь были выкопаны новые колодцы, облегчившие египтянам проникновение к месторождениям золота и их разработку. В Кубане, где от берега Нила уходила дорога

на прииски, был сооружен храм — один из нескольких храмов египетских богов, построенных при Сети I в Верхнем Египте и Нубии. На папирусе времени Сети I сохранился древнейший в мире план одного из золотых приисков, снабженный надписями.

В Нубии при Рамсесе I и особенно при Сети I продолжалось строительство храмов и крепостей и велись другие мероприятия по укреплению египетского элемента в этой стране. Сети I построил ряд замечательных архитектурных памятников в Египте, Палестине и Нубии, в том числе храмы в Кубане, Курне, Эль-Амаре, близ Напаты. Как и Рамсес I, Сети I заботился о процветании государственно-храмовых хозяйств в Нубии, снабжая их людьми и средствами.

Наибольший след оставила в Нубии деятельность четвертого и величайшего из фараонов XIX династии - Рамсеса II Мари-Амон Усер-Ра-сетеп-эн-Ра (1293-1227), на некоторое время возродившего военную славу и политическое значение Нового царства Египта. Первое двадцатилетие его царствования, длившегося 66 лет, прошло в упорной борьбе с хеттами, которая закончилась в 1272 г. договором о мире и союзе между двумя державами, скрепленным династическими браками. Хеттское царство удержало за собой Северную Сирию и Северную Финикию, а Египет - Южную Сирию, Южную Финикию и Палестину. Благодаря этому союзу обе державы смогли усмирить мятежные племена у себя в тылу (соответственно в Закавказье и Судане) и договориться о борьбе с общими врагами, усилившимися на востоке, в Двуречье, и на западе, в средиземноморской Европе.

Рамсесу II пришлось совершить несколько походов в Судан, прежде чем он привел к покорности все племена Куша. В барельефах и надписях на стенах храмов в Бейт-эль-Вали, Эль-Амаре и Абу-Симбеле (в Нубии) запечатлены сцены его триумфа. На одном из барельефов фараон в колеснице, с луком в одной руке и мечом в другой возвращается в Египет, одержав победу. Рядом с колесницей бежит ручной лев (специально дрессированные львы сопровождали фараона в сражениях), а перед колесницей триумфатора египетский воин гонит две длинные вереницы нубийцев и негров, очевидно вождей восставших племен. В надписи на барельефе из Эль-Амары (в Нубии), открытом зимой 1947/48 г. н.э., говорится о том, что Рамсес II, покорив Ирем, "пленил" 7 тыс. его жителей. Другие барельефы изображают Рамсеса II, убивающего пленников. Одна из надписей приводит список 200 племен и городов Сирии и Куша, покоренных Рамсесом (тогда как соответствующая надпись Тутмоса III дает 119 названий в одной только Палестине); кроме известных по другим источникам здесь встречаются и редкие, с трудом идентифицируемые. Очевидно, по крайней мере некоторые из них находились на территориях, прежде не подвластных Египту. Рамсес II сумел надолго усмирить суданские племена, и в течение большей части его царствования в Нубии, как и вообще на Ближнем Востоке, царил мир. В это время египетское владычество в Куше достигло своей вершины.

Мирную передышку Рамсес II использовал для дальнейшего освоения Нубии, для более интенсивной эксплуатации ее богатств и египтизации. В частности, при нем интенсивнее начали разрабатываться месторождения золота в Вади-эль'Аллаки.

Много раз направлялись сюда караваны египетских рудокопов. И каждый раз сотни людей гибли в пути, не достигнув цели. Каждый рудокоп получал от государства на дорогу скудный паек хлеба, деревянный посох, сандалии, два глиняных сосуда и бурдюк для хранения воды. У селения Кубан рудокопы наполняли речной водой бурдюки, строились в колонну и двигались в путь. Дальше, в раскаленной каменистой пустыне, не было ни колодца, ни ручья, ни лужи дождевой воды, где можно было бы утолить жажду, пока наконец в 1282 г. Рамсес II не выполнил задачу, казавшуюся безнадежной его предшественникам: по дороге в Акиту был вырыт артезианский колодец и устроены цистерны, после чего удалось наладить регулярное сообщение с золотоносной страной.

Его остатки были уничтожены английскими солдатами, посланными на подавление восстания махдистов. В 1960 г. советская экспедиция открыла местонахождение этого колодца. Советские археологи нашли на месте колодца обломки стелы Рамсеса II с иероглифической надписью, а на скалах вдоль дороги к нему-множество надписей, оставленных участниками золотоискательских партий на протяжении царствования трех фараонов XX династии.

К этому времени в пустыне возникло несколько рудников, вокруг них выросли рудничные поселки, в которых жили золотоискатели, или, лучше сказать, рабочие, вооруженная охрана, писцы и чины рудничной администрации. План одного из таких поселков изображен на так называемом Туринском папирусе, написанном около 1300 г. Здесь видны улицы и различные строения поселка, разработки золота, окрестные горы. На рудниках работали осужденные преступники и военнопленные; да и кто согласился бы на этот каторжный труд!

Жизнь на этих рудниках, даже для чиновников и солдат охраны, была самым незавидным делом, какой только мог ожидать египтянина. Что касается рудокопов и других рабочих, то вряд ли они были в состоянии долго выдержать эту каторгу. Иные из них пытались бежать, но большинство беглецов либо погибали в безводной, раскаленной пустыне, либо, отчаявшись достигнуть Нила, сами возвращались на рудники. Других ловили охрана или кочевые племена.

На работу в золотые рудники Нубийской пустыни египтян ссылали за самые тяжкие преступления. Например, сохранилось несколько таких приговоров за кощунственное разграбление царских пирамид. В древнем египетском суде даже существовала страшная клятва: "Все сказанное мной-правда, если я потом буду говорить обратное, то пусть я буду отдан на работу в Куш!" Здесь, на каторге, вместе жили, трудились, страдали и умирали пленные воины из стран Передней Азии, негры из южных областей Судана, осужденные преступники из Египта, Палестины, Синая или ближайшей, но недостижимой для беглецов Нубии.

Рельефные изображения храмов, построенных в Нубии при Рамсесе II, особенно знаменитого Абу-Симбела, напоминали об уже уходящем в прошлое первостепенном политическом значении Египта. Здесь изображены вместе нубийцы и хетты, негры Судана и семиты Сирии и Палестины, над которыми, подобно солнечному богу, несется в колеснице непобедимый фараон. Надпись под одним из барельефов Абу-Симбела, изображающим Рамсеса II, гласит: "Благой бог, убивающий [нубийские племена] семи луков, растаптывающий иноземные страны... переносящий страну негров (некси) в северную страну, а азиатов (аму) в Куш, пересадивший Иудею в западную страну (Ливию), а ливийцев поселивший в горах [Азии]".

Рельефные изображения Абу-Симбела, этого символа древнеегипетского владычества в Нубии, в то же время указывают на тесную связь судеб Судана и Передней Азии через Египет.

Абу-Симбел десятки и сотни раз описан в научной, научно-популярной и художественной литературе. На русском языке самые ранние его описания мы находим в записках о путешествии в Египет и Судан О. И. Сенковского, которого этот выдающийся памятник истории и культуры вдохновил также на беллетристическое произведение "Эбсамбул" (т.е. Абу-Симбел). Известному русскому путешественнику и библиофилу А. С. Норову принадлежит блестящее описание этого храма.

В последнее десятилетие Абу-Симбел ярко описал академик Б.Б.Пиотровский, которому также посчастливилось увидеть этот замечательный памятник до его демонтажа и переноса на новое место: "...Абу-Симбел, поражающий и подавляющий своей грандиозностью. Он является выразительным символом египетского владычества над замиренной Нубией. Фасад храма украшен четырьмя колоссальными статуями, изображающими сидящего фараона, у ног которого помещены статуи матери, жены и

дочери. Сохранились следы яркой раскраски фасада: тело царя было кирпичным, а женщин - желтым, одежды были белого цвета, а иероглифы — синего. Великолепны рельефы, изображающие пленных нубийцев и сирийцев, помещенные в проходе во внутренние помещения храма. В большом зале с кариатидами на стенах помещены знаменитые сцены войны Рамсеса II с хеттами, в частности битвы при Кадеше, повторенные и в других храмах Египта, и менее выразительные сцены нубийских походов"³⁶.

При Рамсесе II вновь совершаются плавания египтян в страну Пунт. В известной абидосской надписи Рамсес II говорит, обращаясь к своему покойному отцу: "Я посвящал тебе корабли с их грузом на великом море, которые везут тебе чудесные произведения Страны Бога" (т.е. Пунта).

Нубия под властью XVIII. XIX и XX династий Египта

Нубия в XVI-XIV вв. представляла собой конгломерат племен с зачатками классов, объединенных государственной властью извне.

Власть египетской монархии была представлена наместником фараона—"царским сыном Куша", непосредственно подчинившимся фараону. Первыми известными нам "царскими сыновьями Куша" (при Яхмосе I, Аменхотепе I и Тутмосе I) были Сатаит и его сын Тури. При Аменхотепе II на этом посту был принц Усертатит. Советский египтолог Г. А. Белова составила список 27 "царских сыновей Куша", управлявших Нубией во времена XVIII и XIX династий; она тщательно исследовала их титулы, которые являлись частью должностными, частью почетными. "Царскому сыну Куша", носившему также должностной титул "правителя южных стран", со времени Хоремхеба подчинялись два идену, или "уполномоченных", т.е. губернатора, один по Нижней, другой по Средней Нубии, в связи с тем что вся подвластная египтянам часть этой страны была разделена на две провинции: Уауат (Нижняя Нубия) и Куш (Средняя Нубия). "Царский сын Куша" имел не только административную власть, но и командовал вооруженными силами своего наместничества (например, Нехи и Псиура при Тутмосе III) и, как принц Мермесу при Аменхотепе III, а позднее Панехеси, действительно командовал здесь египетскими войсками. Он возглавлял экспедиции, посылаемые на поиски ценных природных материалов, руководил постройкой крепостей и храмов, каналов и дорог, управлял золотыми рудниками. "Царскому сыну Куша" помимо идену подчинялись "начальник лучников Куша" (возможно, ответственный за созыв местного ополчения), "начальник крепостей Куша", "начальник конюшни" (командир колесничих) и разветвленная иерархия казначеев, "начальников гарнизонов", "начальников перевозчиков" и других военных и гражданских чинов, а также вожди местных общин. Порой, когда на высокий бюрократический пост продвигался представитель старой нубийской знати, в одном лице соединялась власть представителя монархии и традиционного вождя. Возможно, в отдельных случаях фараон-завоеватель или "царский сын Куша" присоединял к отдельным крупным и лояльным племенам соседние чужеродные общины. Так, Тутмос I разделил Нижнюю Нубию на пять округов во главе с местными вождями.

Функции и власть этих традиционных вождей, конечно, не оставались неизменными. Прежде всего они находились под контролем египетских властей и должны были в первую очередь оказывать всевозможную помощь их деятельности на местах (аналогичное положение существовало и в египетских владениях в Азии). В пределах своих общин (племен, селений) эти вожди становились более независимыми от общинных органов власти, а во взаимоотношениях с другими общинами — намного менее свободными. С течением времени благодаря египтизации Нубии положение традиционных вождей все более усложнялось.

³⁶ Пиотровский Б. Б. Страницы древней истории Северной Нубии.— В кн.: Древняя Нубия. М.-Л., 1964, с. 29 - 30.

Египетская религия, право, классовая идеология проникали в среду нубийской знати, способствуя ее формированию в эксплуататорский класс. Наряду с туземной появилась египетская администрация, обосновавшаяся в крепостях, где стояли гарнизоны египетских войск, в составе которых были и выходцы из Азии, например хурриты. Вокруг крепостей организовывались земледельческие поселения—"колонии" в "протекторате", изъятые из юрисдикции местных вождей, если те не приобщались к египетской культуре и не вступали в ряды египетской военной и гражданской администрации.

Поэтому в Нубии XVI—XIV вв. сосуществовали в сущности два общества, оказывавшие влияние друг на друга: туземное и египетское. Египетское общество в Нубии составляли не только представители государственного аппарата и храмового персонала, но и крестьянские общины переселенцев. Какая-то часть из них переселялась в Нубию добровольно, но большинство попадало сюда как бы в ссылку. Социальное положение таких крестьян в принципе мало отличалось от земледельцев-аборигенов Нубии и феллахов в самом Египте. О последних говорят замечательные по своей глубине исследования И. А. Стучевского. Египетские крестьяне эпохи Нового царства "рабами царя или государства... не являлись ни в юридическом, ни в экономическом плане. Юридически (если, конечно, можно применить это понятие для древней страны фараонов) *ḥꜣw* — земледельцы были "полноправными" членами общества, несмотря на всю ограниченность прав, которыми они обладали. Экономически же они напоминали не рабов, но работников государства, получающих в оплату за свой труд определенную часть произведенного ими зерна. Величина этой части, устанавливаемая при распределении урожая... зависела, по-видимому, от размеров закрепленных за земледельцами индивидуальных парцелл и потому отождествить данных Ишфш с наемными работниками также затруднительно... По-видимому, это были члены общин, но общин специфических, преобразованных в нечто напоминающее государственный, фискально-производственный кооператив"³⁷. "Пахота и посев производились на большой площади коллективно группой земледельцев, границы участков которых оказались стертыми разливом Нила"³⁸. На фреске в одной из гробниц такая группа состоит из 3 пахарей, 12 мотыжников, 1 сеятеля, всего 16 человек; в другой — из 4 пахарей, 9 мотыжников, 3 сеятелей, всего тоже 16 человек; в третьей гробнице - из 2 пахарей, 3 мотыжников, 2 человек, разбивающих комья земли деревянными молотками, всего 10 человек. Во время жатвы все работающие в поле получали содержание (хлеб, жир для умащения тел и пр.) от администрации. Кроме того, для производства полевых работ крестьян зачисляли в рабочие отряды по пять человек. На фресках в гробницах времени XVIII династии встречаются изображения пятерки мотыжников. Пятерки и десятки работников на полях упоминаются во многих документах эпохи Нового царства. На крупных строительных и ирригационных работах эти отряды объединялись в большие группы, до тридцати и более десятков во главе с десятниками.

Земли, обрабатываемые крестьянами в порядке трудовой повинности, назывались "хата". Продолжительность повинности составляла два месяца в году. Кроме того, земледельцы, они же "мерет", платили подати, за неуплату которых подвергались избиению и аресту; их жен и детей брали в заложники. Судя по данным школьных папирусов, крестьяне-общинники были связаны круговой порукой, отвечая друг за друга перед сборщиками налогов.

Внутри египетских общин в эпоху Нового царства уже существовали имущественное неравенство и острые социальные противоречия; богачи притесняли и обирали бедняков, захватывая их парцеллы. Процветало ростовщичество.

Крестьяне подвергались жестокой эксплуатации. В случае нужды в рабочих руках в

³⁷ Стучевский И. А. Коллективность зернового производства в Древнем Египте эпохи Нового царства. - В сб.: Древний Восток и античный мир. М., 1972, с. 45.

³⁸ Там же, с. 40.

одном каком-то месте Египта или Куша администрация нома могла перебросить крестьян из других округов. О такой практике сообщает, в частности, деловая переписка князя Мериуна, правителя Элефантины времени Рамессидов. Он направил пахаря с упряжкой быков в район Ком-Омбо. Недаром еще в иммунитетной грамоте, дарованной фараоном Сети I Абидосскому храму, владения этого храма в Куше изымались из этого правила, и администрации округа было запрещено перебрасывать здешних земледельцев для пахоты или жатвы в иное место насильственно или с их согласия. Крестьяне-общинники времени Нового царства "не несли личной ответственности перед казной и потому не могли приниматься в расчет в фискальных ведомостях и других аналогичных документах. Чиновников фиска интересовали не эти люди, но те "агенты", которые отвечали за труд земледельцев, гарантируя казне твердые нормы зерновых поступлений"³⁹. Эти последние также назывались шут^ш — земледельцы.

После того как урожай был собран, специальные чиновники делили его на три неравные части: в пользу казны, храма (большая часть земли с сидящими на них крестьянами находилась во владении храмов) и землевладельцев. Об этом говорит знаменитый папирус Вильбура, где казне отчисляется 5 мер, храмам—7,5 меры, а земледельцам — 10 мер. В Новом царстве Египта имелись и частные земельные владения "помещиков"— немху, но их было сравнительно немного. В этот период наибольшей политической централизации Древнего Египта уменьшается и удельный вес владений старой номовой аристократии.

О структуре туземного общества мы не знаем почти ничего. Известно только, что во главе него стояли вожди, платившие "царскому сыну Куша" дань. Состав этой дани описывают различные древнеегипетские источники. "Нубийцы,— заявлял в надписи на стеле в Гебель-Баркале Тутмос III,—подданные Моего Величества. Они работают для меня, как один, обложенные повинностями бесчисленных многообразных вещей "отрогов земли" (т.е. минерального сырья, строительного камня, руд и драгоценных камней .-Л). А".) и неисчислимым количеством золота страны Уауат". Далее фараон добавляет: "Там строят ежегодно для двора... корабли и лодки, более много- численные, чем судовые команды,—и это кроме податей нубийцев слоновой костью и черным деревом. Ко мне приходят деревянные изделия из Куша, бревна пальмы дум и - в бесконечном количестве — изделия из акации крайнего юга земли. Их обработали мои воины в Нубии, которые находились там в несметном множестве... Множество кораблей из пальмы дум, доставленных моим Величеством после победы".

Надпись на той же стеле Тутмоса III указывает в составе дани из Нубии золото (свыше 300 дебенов), невольников (более 300 мужчин и женщин), крупный рогатый скот (275 голов), слоновую кость и черное дерево, очевидно эбеновое. Характерно, что дань, поступавшая в сокровищницу фараона в Фивах, записана отдельно для Уауат и отдельно для Куша.

Анналы Тутмоса III позволяют установить любопытную подробность: большую часть золота в составе дани давала Нижняя Нубия (Уауат), к которой примыкала богатая золотоносными месторождениями долина аль-Аллаки; в то же время Средняя Нубия (Куш) с плодородной областью близ Кермы приносила в дань большую часть скота. Очевидно, правы те ученые, которые видят в этом указание на преобладающую роль скотоводства в хозяйстве тогдашних жителей Нубии.

"Царский сын Куша" при Аменхотепе II принц Усертатит считал своей главной заслугой получение большой дани из Нубии, особенно золота. На стенах гробницы египетского вельможи Мен-хеперу-Раснеба (названного в честь Тутмоса III Мен-хеперу-Ра, при котором он занимал ряд высоких постов в государстве) изображено поступление в казну фараона золота Нубии. Часть его сплавлена в большие кольца, часть насыпана в

³⁹ Стучевский А. И. Коллективность зернового производства в Древнем Египте эпохи Нового царства, с. 44-45.

мешки. Писцы взвешивают золото и записывают полученные результаты. Надписи поясняют, что это золото получено из Нубии и Восточной пустыни в качестве ежегодной дани, которую доставляют "вожди каждой страны". Кроме того, в счет дани вожди ведут за собой диких животных: газелей, антилоп, нубийских каменных козлов, зайцев и страусов. Упомянута и дань "Страны Бога": серебро, золото, малахит, лазурит и другие самоцветы, а также дань Сирии.

Изображение такого же рода, относящееся к царствованию Аменхотепа II, сохранилось на скалах Ибрима, к югу от Анибы. Здесь фараон получает дань от Нижней Нубии, в том числе золото и живого леопарда.

Еще одно аналогичное изображение мы находим на стенах гробницы Аменхотепа-Хеви (или Хуи), "царского сына Куша" при Тутанхамоне.

Нубийские вожди тремя вереницами подходят к трону фараона и приносят ему дань: золотые кольца, мешки с золотым песком, драгоценные камни красного и зеленого цвета (малахит?), слоновые бивни, бруски черного дерева, страусовые перья, леопардовые шкуры, жираф и крупный рогатый скот, а также ремесленные изделия: колесницу, два ложа, два кресла, скамейки, складной стул, покрытый шкурой, и щиты. Х.Дерош-Нобелькур и Б.Б.Пиотровский доказали, что складной стул и щиты, покрытые шкурами, найденные в гробнице Тутанхамона, - те самые, которые изображены в гробнице Хеви, и что изготовили их древние нубийцы. Другие ремесленные изделия, подносимые Тутанхамону, тоже, очевидно, были изготовлены в Нубии, но уже не египтянами, как при Тутмо-се III, а местными мастерами по египетским образцам. Самыми ранними изображениями образцов негритянского искусства, относящимися к XIV в., Б.Б.Пиотровский считает зарисовки трех других драгоценных предметов на стенах гробницы Хеви. Они представляют собой сложные композиции из золотых пьедесталов, скульптур, колец и бляшек, коровьих и леопардовых шкур и пр., не имеющие себе аналогов в древнеегипетском искусстве. Возможно, они были созданы в Миаме (Анибе), крупнейшем городе Нубии того времени. Князь Миамапо имени Хеканофр (Хека-Нефер) выступает во главе вождей провинции Уауат, представляясь Тутанхамону, и первый простирается ниц перед фараоном. Гробница Хеканофра была открыта и исследована в 1960-1961 гг.

Египетские источники той поры позволяют установить, что дань из Нубии (Уауат и Куша) доставлялась в Египет, во-первых, через наместника, во-вторых, непосредственно князьями, стоявшими во главе нубийских племен.

Росписи в гробнице Аменхотепа-Хеви изображают также сбор дани в этой стране. Вереницы людей подходят к Хеви, "царскому сыну Куша", окруженному свитой, в составе которой находятся египетские писцы, чиновники и местные князья. Люди, среди которых есть мужчины, женщины с детьми, старухи, передают наместнику фараона золотые кольца и золотой песок, леопардовые шкуры, ремесленные изделия (шкатулки и сосуды). Очевидно, перед нами всеобщий сбор податей. Непосредственно перед этой сценой изображено прибытие Хеви на речном судне. Представляется наиболее вероятным, что наместник Нубии лично производил сбор дани с населения, объезжая со свитой нубийские деревни. Этот порядок облегчался географическими условиями страны, все основные поселения которой были расположены вдоль одной судоходной реки. Возможно, в отдельных случаях сбор дани осуществляли заместители наместника, губернаторы Уауат и Куша, или даже отдельные князья, но сам порядок от этого не менялся.

Этот порядок сбора дани того же типа, что и "полюдье", довольно широко распространенное в раннефеодальных обществах Европы, Океании и Африки; в Судане "полюдье" сохранялось до начала XVI в. Очевидно, сходным образом египтяне эпохи Нового царства нередко собирали дань не только в Нубии, но и в Пунте и в Передней Азии. Фрески в гробнице Аменмеса, египетского вельможи эпохи XVIII династии,

изображают сбор дани в горах Ливана египетским "отрядом пехоты Амен-меса", как поясняет помещенная тут же надпись. Коленопреклоненные "жители Негау" (в Ливане) передают египтянам самоцветы, ткани, кувшин (с вином), громадную вазу и множество быков. Кроме того, они, разумеется, снабжали египетских солдат продовольствием.

Дань Нижней и Средней Нубии (Уауат и Куш) состояла обычно из минеральных продуктов, в частности гематита для производства охры, золота, серебра (или естественного сплава золота и серебра, столь характерного для Северо-Восточной Африки), драгоценных камней, продуктов охоты и звероловства (шкур зверей и живых зверей, страусовых перьев и яиц, слоновой кости); продуктов сельского хозяйства (скота, отчасти дерева); ремесленных изделий (особенно из дерева), людей, гумми-смолы.

Обращают на себя внимание следующие моменты. Во-первых, сравнительно небольшое количество в составе дани продуктов сельского хозяйства. При этом скот выступал не только в качестве натурального продукта сельского хозяйства, но, очевидно, и в качестве денег. Совершенно отсутствуют продукты земледелия, за исключением, может быть, пальмы дум, если ее выращивали искусственно. Впрочем, Египет не нуждался в импорте нубийского хлеба или фруктов, имея несравненно более развитое земледельческое производство. Во-вторых, требования казны фараона стимулировали добычу драгоценного металла в Нубии и Нубийской пустыне, но вместе с тем в качестве дани отсюда выкачивалось и золото, находившееся у местного населения (украшения, сокровища, деньги).

Поставляла Нубия и людей. Многие этнографические и иконографические источники эпохи Нового царства свидетельствуют о вывозе из Нубии и Пунта в Египет "живых пленников", "детей вождей" и др. Иногда пленники дарились участникам походов в Нубии или египетским вельможам. В таком случае они, очевидно, становились домашними слугами либо, может быть, рабами, занятыми как земледельцы или пастухи в имении своего господина. На стенах некоторых гробниц той эпохи сохранились изображения чернокожих танцовщиц и нубийских музыкантов, особенно барабанщиков. Возможно, они были невольниками. Однако, по-видимому, большинство нубийцев и других африканцев в Египте превращалось в солдат. Это диктовалось все возрастающей потребностью египетского государства в рекрутах, которую в период частых и продолжительных войн становилось все труднее удовлетворять за счет военной касты и тем более мирных феллахов самого Египта. В эпоху Нового царства обычные военные наборы производились не только в Египте, но и в тех частях Нубии, которые прочно вошли в состав египетского государства и управлялись египетскими чиновниками.

Солдаты-невольники, происходившие из различных африканских (а также переднеазиатских и южноевропейских) народов, составляли весьма значительную часть тех "иностранных легионов", которые приобретали все большее и большее значение в древнеегипетской армии. Еще при фараоне Камосе в его войске наряду с египтянами сражался против гиксосов отряд маджаев. Другой отряд маджаев был у Яхмоса I. При Хатшеп-сут в египетскую армию были включены отряды ливийцев, которые через два столетия стали ее основной силой. На стенах одной гробницы времени Тутмоса IV изображено обучение военному строю солдат: египтян, ливийцев, нубийцев и негров.

Среди иноземцев в Египте, как и во времена Среднего царства, основную часть, по-видимому, составляли солдаты. Последних обычно считают наемниками. Однако естественнее предположить, что в ту эпоху, когда товарно-денежные отношения были еще очень мало развиты, ландскнехтов не могло быть больше, чем солдат-невольников. В "Кадешском сказании", где описана битва Рамсеса II с хеттами при Кадеше, в составе египетской армии упоминаются "шарданы, которых его величество взял в плен своей победоносной рукой". Очевидно, из членов нубийского (или кушитского) племени маджаев, захваченных египтянами в плен, формировались полицейские силы "маджаев".

При Тутмосе IV в Египте, особенно при храмах, были созданы поселения

сирийских, нубийских и других невольников. Так, в Мемфисе имелись "поле хеттов", "поле шарданов" (сардинцев?) и (по Геродоту) "лагерь тирян" (финикий), в Атрибисе- "стена сирийцев" и т.п. Такие поселения были созданы и в Нубии. В Анибе, тогда крупнейшем городе этой страны, появилось "поле киприотов".

Рекруты сохраняли национальные прически, даже со страусовыми перьями. Одна шеренга, или звено солдат, состояла из пяти негров, которых художник изобразил особенно массивными. Левофланговый шеренги нес штандарт с изображением двух борцов. Вероятно, это специальное подразделение, или команда борцов-тяжеловесов. Из африканцев формировались особые подразделения лучников, большие луки для которых изготовлялись в Нубии и Пунте, очевидно на родине воинов, которые сражались своим традиционным оружием. Недаром Нубия во 2-м тысячелетии называлась Та-Педжет— "страной луков", древние нубийские племена— "девятью луками", а египетские войска в арамейских дипломатических документах из Тель-Амарны - "пидати", т.е. "педжет"- лучники. Кроме того, выходцы из различных африканских племен включались в полки смешанного состава вместе с азиатами и южными европейцами (шардана, туруша, кефтиу и пр.), находившимися под командованием египетских офицеров. При Эхнатоне ливийцы и негры, а также азиаты, были включены даже в состав гвардии фараона. По-видимому, по примеру египтян "иностранцы легионы" начали формировать хетты и критяне. Так, в Кноссе была открыта фреска, изображающая отряд негров-солдат под командованием критского офицера.

В период Нового царства усиливается египтизация Нубии. Верхушка древнего нубийского общества перенимает религию, образ жизни и язык завоевателей, чему способствовала практика воспитания заложников из знатных нубийских семей при дворах фараона и его наместников. О насильственном или добровольном переселении в Египет "детей вождей" различных африканских племен говорят многие египетские надписи эпохи XVIII — XX династий. Так, большая надпись об экспедиции в Пунт при Хатшепсут сообщает о вывозе из этой страны вождей с их детьми. Коронационная надпись Тутмоса III говорит о передаче фиванскому храму Амона детей вождей стран Речену (Палестины) и Хент-хен-нофр (Нижней Нубии). О том же говорят анналы от 34-го года царствования этого фараона. Один из гимнов времени Аменхотепа III содержит строки о том, что дети вождей нубийских племен поселены в крепости, окруженной высокими стенами, а сами вожди Куша несут фараону дань. Об уводе в Египет из Нижней Нубии (Уауат) и Средней Нубии (Куш) детей тамошних вождей сообщают надписи и фрески в гробницах Рех-ми-Ра, Имахунеджеха, Амен-хотепа-Хеви и др. В гробницах Хеви изображено также прибытие ко двору фараона Тутанхамона нубийской принцессы. По мнению английского египтолога Н. Дэвиса, дети вождей были обращены в рабство в наказание своим отцам. Эта мера должна была ослабить, обескровить правящие семьи. На наш взгляд, более прав И. С. Кацнельсон, который писал: "Туземные вожди, а чаще их дети или близкие родственники направлялись в египетские поселения или даже ко двору фараона, где получали соответствующее воспитание. В иных случаях египтяне брали на воспитание и детей менее влиятельных лиц. Эта система идеологической обработки и политического воздействия применялась не только к нубийцам, но и к другим племенам, с которыми египтянам приходилось сталкиваться". Так, в анналах от 30-го года правления Тутмоса III, в записи о получении дани из Сирии, сообщается: "Были доставлены дети вождей и братья их для того, чтобы пребывать в крепостях Египта, ибо если только один из этих вождей умирал, тогда приказывал его величество сыну занимать его место". О стремлении полностью египтизировать чужеземцев свидетельствует надпись Рамсеса IV, в которой говорится о помещенных в египетских крепостях ливийцах, "чтобы они слышали язык людей в свите фараона... чтобы их речь исчезла", они забыли бы свой язык. Далее И. С. Кацнельсон отмечает, что дети и "родственники" вождей перечисляются отдельно от простых людей, угоняемых в раб-

ство⁴⁰. Как и прочих княжеских детей из Сирии, Ливии, Пунта, детей нубийских вождей воспитывали при дворе самого фараона и его наместника в Куше в качестве пажей. Очень скоро эти юные нубийцы и пунтяне, оторванные от своих семей и воспитываемые в придворной египетской среде, становились "египтянами нубийского (или пунтийского) происхождения" и проводниками египетского культурного влияния на родине. Сохранилось немало изображений нубийских вождей, явно старавшихся подражать египтянам в одежде и прическе, носивших египетские имена, поклонявшихся египетским богам. До известной степени была египтизирована и масса населения, перенимавшая если не язык, то многие обычаи, элементы образа жизни и хозяйственной деятельности завоевателей.

В период Нового царства из Египта в Судан распространяются новые формы ведения хозяйства, прежде всего плужное орошаемое земледелие, а также профессиональные виды ремесла, социально-политические формы и пр.

На землях, изъятых из ведения местных вождей, основывались не только египетские военные поселения с крепостями, но и храмы, являвшиеся одновременно центрами государственных хозяйств. Всего при фараонах XVIII и XIX династий в Нубии было основано около 15 таких хозяйств⁴¹.

Кто же строил эти храмы и работал в храмовых хозяйствах? И.С.Кацнельсон считает, что это могли быть только рабы, а не крестьяне-барщинники. "Едва ли на их (храмов) строительство посылались в большом числе свободные крестьяне из Египта или же привлекалось местное свободное население. Существование в Куше "рабочих домов" служит наглядным тому доказательством. В этой бедной плодородной землей стране едва ли было целесообразно содержать подобные дома для ведения сельскохозяйственных работ или разведения скота"⁴².

В Египте того времени "рабочие дома"—"пер-шнау" (рп зп) — представляли собой центры барщинного хозяйства, государственно-храмовые усадьбы. В них готовилась пища для барщинников и персонала усадеб, хранились орудия труда и запасы продуктов, велся учет. Специальные, сколько-нибудь подробные сведения о "рабочих домах" Куша отсутствуют, поэтому трудно сказать, чем они принципиально отличались от "рабочих домов" метрополии. И.С.Кацнельсон предполагает, что в Куше они не могли быть центрами земледельческих или скотоводческих хозяйств, однако этому противоречит все, что мы знаем о сельском хозяйстве этой страны. Сам же И.С.Кацнельсон цитирует декрет Сети I в Наури, где упоминаются пастухи владений Абидосского храма в Куше⁴³.

Возможно, в "рабочих домах" государственно-храмовых хозяйств Куша трудились в основном местные жители, привлекаемые к барщинной повинности (в метрополии она составляла два месяца в году). В то же время состав приписанных к храмам работников пополнялся за счет военнопленных, а также, вероятно, провинившихся на родине египетских крестьян. Так, Рамсес I на втором году своего царствования (в 1337 г.) пополнил храм в Бухене жрецами и военнопленными, мужчинами и женщинами. Пленники были захвачены, очевидно, в Сирии и Палестине.

И.С.Кацнельсон безоговорочно называет их рабами, хотя, каким способом эти пленники эксплуатировались, неизвестно. Во всяком случае в самом Египте они нередко сажались на землю в качестве крепостных мелких производителей и даже организовывали общины, подобно крепостным египетским крестьянам. Не естественнее ли предположить, что эти "рабы" находились в Куше в сходном с метрополией состоянии и

⁴⁰ См. Кацнельсон И. С. Нубия под властью Египта. - "Вестник МГУ", 1948, №6, с. 29.

⁴¹ Об организации государственных храмовых хозяйств Египта см.: Стучевский И. А. Храмовая форма царского хозяйства Древнего Египта. М., 1962; его же. Зависимое население Древнего Египта. М., 1966.

⁴² Кацнельсон И. С. Рабовладение в Куше. - "Вестник древней истории", 1965, № 2, с. 84.

⁴³ Далее И.С.Кацнельсон делает вывод: "Труд рабов применялся главным образом при строительстве храмов, крепостей и т.п. или же на рудниках и в каменоломнях" (там же).

привлекались к строительным и сельскохозяйственным работам в порядке барщинной (трудоу) повинности?

В сущности нам ничего не известно и о том, каким способом эксплуатировались и частновладельческие "рабы" египетских переселенцев.

Декрет Сети I в Наури упоминает "невольников" (Б; принадлежавших храмовым пастухам в Куше, рабов (Б; жрецов различных рангов и "слуг" (штш) людей (гтп!), приписанных к храму. Надо думать, что речь идет прежде всего о домашних рабах, хотя у жрецов могли быть "рабы", посаженные на землю в качестве самостоятельных мелких производителей. Большинство их, по-видимому, сильно отличалось по своему этнокультурному облику от местного населения. Даже если исключить ссыльных египтян и пленных азиатов, среди африканских невольников должны встречаться выходцы из разных племен и областей.

Так, люди, переданные храму, упомянутые в указе Псиура, "царского сына Куша", принадлежали к народам агт и 1г1с. В надписях времени XVIII династии народы и одноименные им области агт Огт), 1г1с и §\угкз названы обычно рядом и помещены среди окраинных областей Куша. Первое название египтолог Э.Циларц (ФРГ) сравнивает с самоназванием галла оромо, а 1г1с — с названием Северной Эфиопии — Тигре. Э. Дж. Аркелл весьма удачно сближает агт с арми, правящим племенем, или кланом, народа мима, тгк - с туруг, или турудж, категорией зависимого населения у народа даго, а §\лт88 — с названием небольшого реликтового этноса крейш — все три на западе нынешней Республики Судан. По-видимому, пленники из этих народов были захвачены в районах Кордофана и Дарфура, представлявших собой крайний юго-западный предел древнеегипетской экспансии в Судане. Собранные вместе в храмовых хозяйствах, разноплеменные невольники интегрировались в этнически и социально единое целое и, по-видимому, сливались с местным населением в новую этносоциальную группу, которую можно назвать древнунубийским крестьянством. Нубия была впервые в своей истории объединена, и в ней начало складываться классовое общество. В частности, нубийские крестьяне, очевидно, привлекались к трудовой повинности при массовых строительных работах. Что касается золотых рудников Нубийской пустыни, то здесь, как известно, работали осужденные преступники и пленные.

Американский археолог У. И. Адаме установил следующую закономерность: в районе между II и III порогами встречаются современные друг другу захоронения: египетские конца XVIII-XIX династий и культуры "группы С", причем количество как тех, так и других с течением времени уменьшалось, пока не сошло на нет. Не обнаружено ни одного погребения эпохи XX династии и позднее. Территория между II и III порогами в то время обезлюдела, а ее жители, вероятно, переселились на юг.

Позднее, в период Напаты, положение могло существенным образом измениться. Надписи на скалах о перегоне скота заставляют предполагать, что он был собран в Нубии в виде налога. Огромное количество золота, которым располагали цари Напаты, было, по-видимому, частично добыто на государственных рудниках, частично собрано в виде дани. Нубийские крестьяне могли привлекаться и к трудовой повинности, например на строительных работах и в храмовых хозяйствах. Все это не более чем предположения, так как прямые свидетельства отсутствуют.

В конце 2-го — начале 1-го тысячелетия египетское государство слабеет, падает его международное значение. Северовосточная периферия его политической и культурной системы, расположенная в Азии, все более подпадает под влияние цивилизаций Двуречья и Эгеиды, причем разнообразное воздействие последней испытывают на себе и берберские народы Северной Африки к западу от Египта. Все явственнее проявляется средиземноморская суперэтническая общность, истоки которой уходят во времена мезолита и неолита, но которая во 2-м — 1-ом тысячелетиях получает новые стимулы и формы своего существования и с каждым историческим этапом все более интегрируется.

Глава вторая.

СЕВЕРНАЯ АФРИКА В ДРЕВНЕЙШЕМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

С конца 3-го тысячелетия центром средиземноморской культурно-исторической общности становится минойский Крит. Уже в то время на Крите складывается государство и своеобразная цивилизация, в генезисе которой наряду с северными и восточными участвовали и африканские элементы — нижегипетские и ливийские. Многие века Крит и Кикладские острова были единственным в Европе очагом государственности, но подспудно в этой части света назревали революционные перемены в экономике и всей социальной жизни. На просторах Средней Европы — от Волги до Атлантического океана — распространяются производящие формы хозяйства, а также металлургия меди и бронзы, боевые топоры из полированного камня, шнуровая керамика, мегалитические сооружения. Роль передатчика в движении культурной информации на север наряду с Эгейдой в это время играют Кавказ и Пиренейский полуостров.

Однако не Пиренейский полуостров, связанный лишь с ближайшими к нему районами Европы и Африки, а островная и полуостровная Эгеида оказывают в конце 3-го — середине 2-го тысячелетия решающее влияние на культурную интеграцию средиземноморских народов, как европейских, так и североафриканских и отчасти малоазийских. Эгеида, будущая Греция, уже с конца 3-го — начала 2-го тысячелетия устанавливает прочные связи с Ливией и Египтом. Древние критяне и жители Кикладских островов были в то время лучшими мореходами на Средиземном море. Древнейшие греки микенского периода восприняли от них искусство постройки морских весельно-парусных судов и управления ими в открытом море. Таблички из Пилоса и Кносса называют профессиональных кораблестроителей.

Замечательным памятником эгейско-африканских связей являются фрески минойского Крита, в частности Кносского дворца, на которых изображены такие характерные представители африканской флоры и фауны, как пальма, лотос, ливийский сильфий, гиппопотамы, зеленые и голубые мартышки и пр. Встречаются, изображения негров и даже целого отряда чернокожих воинов под командой критского командира.

Древнейшие греческие мифы заставляют предполагать, что минойские критяне заплывали и в Атлантику, может быть, достигали Канарских островов и берегов Западной Африки.

К середине 2-го тысячелетия цивилизация минойского Крита достигла вершины расцвета; но с севера на Эгеиду и Ближний Восток надвигалась грозная опасность: пробуждались к исторической жизни и начинали переселяться к центрам цивилизаций индоевропейские народы.

События в Европе и на Ближнем Востоке в конце II тысячелетия

В середине 2-го тысячелетия впервые политическая история Африки приходит в относительное взаимодействие с историей Восточной Европы. В это время в степях Украины, Южной России и долине Дуная, а также на Балканском полуострове происходили события не менее важные по своим всемирно-историческим последствиям, чем борьба крупнейших царств Ближнего Востока за гегемонию.

На историческом "мосту" между Европой и Азией - на северо-востоке Средиземноморья — около середины 2-го тысячелетия появились первые государства индоевропейских народов: Хеттская держава в Малой Азии (середина XVII — конец XIII в.), к юго-востоку от нее — царство Митанни (середина XVI - начало XIII в.) и в Греции Микенское царство (расцвет - в XIV -XIII вв.) ; впрочем, еще около 1742-1155 гг. в Вавилонии правили касситы — индоевропейцы по происхождению.

Ядро населения Митанни составляли протоиндийцы, которые проникли сюда через Кавказ со своей южнорусской прародины. Далее протоиндийцы или их часть продвинулись через Иран в долину Инда; их потомки заняли Индию, Непал, Цейлон, Мальдивские острова.

Вслед за тем с территории Украины и Южной России устремились в цивилизованные страны Азии древние иранские племена: через Кавказ — в Курдистан и Иран и через Казахстан — в Среднюю Азию, Южную Сибирь и далее до границы Китая. На Апеннинский полуостров продвинулись древнейшие италики, на Балканах с юга на север переселялись древнейшие греки.

Появившись по соседству с передовыми странами тогдашнего мира и подчинив себе аборигенное земледельческое и городское население, эти племена образовали обширные государства.

Одним из последствий этого переселения является нашествие "народов моря", которые в союзе с ливийцами устремились на Египет. Одновременно с этим восстали города Южной Сирии и внутренних районов Палестины. При фараоне Мернеп-та (1251 — 1231) египтянам удалось отразить нашествие ливийцев и "народов моря" и подавить восстания в своих азиатских владениях. Однако вслед за тем начинаются волнения в самом Египте, где вновь ожил сепаратизм номов, а право на центральную власть оспаривали сирийские и ливийские узурпаторы. В конечном счете победил один из ливийских военачальников, Сетнахт (1206 — 1204), основавший XX династию фараонов и вновь объединивший страну. Его сын и преемник Рамсес III (1204 — 1173) в начале своего царствования (около 1200 г., а по другим данным - в 1192 г.) сумел нанести решительное поражение коалиции "народов моря" и ливийцев в битве у нынешнего эль-Аламейна. К этому времени "народы моря", в том числе данайцы и филистимляне, разгромили Трою и Хеттское царство, разграбили Сирию, заняли Палестину. Рамсес III укрепил египетскую армию, забирая в рекруты каждого десятеро крестьянского парня (вместо каждого сотого, как это было при XII династии). От рекрутских наборов были освобождены лишь крепостные храмов. Несмотря на это, египетских солдат все же хватало, да и воинственностью они уже не отличались. Поэтому Рамсес III еще шире, чем прежде, привлекал в армию иноземцев, в первую очередь ливийцев, а также шардана (сардинцев), даниуна (греков-данайцев) и прочих средиземноморцев, главным образом из числа пленных. Этих солдат Рамсес III поселил гарнизонами в пограничных и внутренних крепостях, в том числе в Нижней и Средней Нубии. В свою очередь нубийских стрелков посылали служить на север, в Нижний Египет, Сирию, Южную Палестину, города Верхнего Египта.

С помощью полков, на вербованных из пленников и, может быть, наемников, Рамсес III сумел удержать в пределах империи Куш и часть Палестины. Это позволило ему утверждать, что при нем "воины могли спокойно и беззаботно вытянуться на своих спинах. Не было врага ни в Нубии, ни в Сирии. Лук и оружие мирно лежали в арсеналах, воины могли есть досыта и пить в свое удовольствие; их жены и дети были при них".

Рамсес III и его ближайший преемник Рамсес IV (1173-1163) посылали свои корабли в Пунт. В морской экспедиции Рамсеса III приняли участие 1000 человек (около 1180 г.).

Египетская держава была на время восстановлена, хотя и под эгидой полуиноземной династии. Однако это был последний, короткий период военного могущества египетского государства. В конце XII в. усиливается новый претендент на гегемонию в древнем мире — Ассирия, которая в VIII в. становится сильнейшей державой Ближнего Востока, а в следующем веке достигает вершины своего могущества.

В конце XII — начале XI в. преемники Рамсеса III стали быстро терять власть. При Рамсесе V еще поддерживались в порядке крепости в Элефантине и Бигэ, а Рамсес IX расширил крепость в Кубане. Рамсес XI и Рамсес XII продолжали назначать наместников Куша, но этот важный пост доставался теперь верховным жрецам Амона-Ра,

первосвященникам Фив. Верховный жрец и наместник Нубии Херихор фактически отстранил Рамсеса XII от власти, и, хотя от имени этого фараона на 17-м году его царствования еще был издан указ о назначении некоего Паинехси наместником Нубии, на самом деле, очевидно, Херихор просто назначил себе заместителя.

Рамсес XII был последним фараоном XX династии, а его указ о назначении Паинехси - последним памятником египетского владычества в Куше. Впрочем, знатный вельможа по имени Гори, сын Кама, занимавший высшие должности в Египте, был, кажется, назначен и "царским сыном Куша", но неизвестно, насколько этот пост был тогда реальным.

С падением XX династии (1071 г.) Нубия на 2000 лет освободилась от власти Египта и распалась на ряд самостоятельных княжеств. Некоторые храмы египетских богов продолжали функционировать и почитаться населением, другие превратились в развалины. Этот так называемый темный период (XI — IX вв.) был временем упадка. В этот период прерываются связи Египта с Пунтом. Внешняя торговля Пунта снова полностью переходит в руки южноаравийских купцов. Его товары перевозятся морем и сушей по караванному пути Западной Аравии. В Средиземноморье они попадали не через Египет, а через Газу и Дамаск. В V в. древнегреческий комедиограф Гермипп, перечисляя товары, доставляемые в Афины, к египетским относит паруса (льняные) и папирус, а к сирийским-ладан. В чьи бы руки ни переходила торговля с Пунтом, кто бы ни пытался ее монополизировать, она никогда полностью не прерывалась. Из Пунта в Средиземноморье постоянно проникали товары, например ладан и другие благовония. Воскурение ладана и мирры прочно вошло в ритуал древних религий Египта, Сирии, Месопотамии, Эгейской области и других стран; оно практиковалось и в аристократическом быту древнего мира.

По-видимому, и для кушитского населения Пунта многовековые связи с древним Египтом не прошли бесследно. К сожалению, археология пока не позволяет достаточно авторитетно ответить на вопрос: какие именно элементы кушитской культуры являются прямым заимствованием от египтян эпохи фараонов и каким точно временем следует датировать появление того или иного из них?

"Народы моря" в Ливии и Сахаре

Нашествие южноевропейских "народов моря" на Северную Африку оставило здесь вполне определенные следы в культуре берберских народов. По-видимому, уже в XIII в. древние европейцы в Киренаике начали смешиваться с автохтонным ливийским населением. Победы египетских армий в Ливийской пустыне преградили "народам моря" путь на восток. И вот какая-то часть северных пришельцев, в значительной мере ассимилированная берберо-ливийцами и сильно смешанная с ними, двинулась на юг, в глубь Сахары, заселяя оазисы и нагорья вдоль великих караванных дорог. С течением времени эти скитальцы пересекли Сахару с севера на юг и на юго-запад и вышли к берегам оз. Чад и р. Нигер. Их продвижение в глубь Африки отмечает изображение колесниц, запряженных конями, причем характерный стиль изображений (так называемый критский или микенский галоп) неопровержимо свидетельствует об эгейском, в основном критском и элладском, происхождении народа гарамантов.

Само название народа (или, по мнению советского ученого А. Д. Дриздо, группы политически связанных между собой народов) гарамантов связано с эгейским миром. Суффикс -ант слова "гарамант" не берберо-ливийского, а пеласгического происхождения, того же, что и суффиксы в названиях городов Эллады Коринф, Тиринф, ряда древних мифических персонажей и т.д. Греческие мифы также связывают происхождение гарамантов и соседних с ними насамонов одновременно с Критом и аборигенами Ливии. Версии мифа, сохраненные Аполлоном Родосским и Клавдием Птолемеем, считают Гараманта, эпонима народа гарамантов, сыном бога Аполлона и Акакал-лиды, дочери

критского царя Миноса.

Ряд эгейских по происхождению элементов культуры подтверждает участие эгейских, протогреческих народов в этногенезе гарамантов. "Только участием в ее создании эгейцев, значительный приток которых в Северную Африку в последней трети 2-го тысячелетия до н. э. связан с походами "народов моря", можно объяснить присутствие в культуре гарамантов таких экзотических для нее компонентов, как боевые колесницы, фоггары (подземные водопроводы типа персидско-туркменских кяризов), "двуругие" стелы, специфические восточномедиземноморские способы погребения покойников, огромные гарамантские некрополи, вооружение, особые не ливийские типы одежды, города и т.п. ",— утверждает советский ученый Ю. К. Поплинский. -

Гараманты — создатели первой в Сахаре городской цивилизации — это удивительный, во многом загадочный народ, который на заре истории стал живой связью между эгейско-средиземноморской Европой, берберской Северной Африкой и суданским поясом континента.

Мы даже не знаем, на языке какой лингвистической семьи говорили гараманты: индоевропейской, как некоторые "народы моря", афразийской, как берберы и народы чадской группы, или нило-сахарской, как табу, даза, горан и другие народы, населяющие ныне основную часть территории гарамантов.

Делались попытки объяснить название гарамантов и их столицы Гарамы при помощи языка туарегов, а именно от слова, обозначающего крепость, город, селение: а§Ъгет (вар. I§пгет, а§Ъагет) и даже арабского слова §ага (последнее предположение нам кажется абсурдным).

По мнению французского ученого Ш.Сабатье, название "гарамант" происходит от берберского "гарамедден" (пастухи тара). Другой французский ученый, Ш.Тиссо, обративший внимание на название народа аманов, или амантов у Плиния, объяснял термин "гарамант" как гар+амант. Возможно, с термином "гарамедден", а может быть, и с названием древних гара-мантов связано название туарегского племени игермаден, живущего на востоке Аира, а также название средневекового народа тара, обитавшего, судя по арабским хроникам Борну, на территории древних гарамантов, и §огап, §ага'ап или §ага\уап, как арабы Чада и Ливии называют неарабские, автохтонные народы Восточной Сахары: анаказа, гаэда, даза, камаджа, уния, а также тибу, или тубу (иначе те да).

Весьма возможно, что название "гара", или "гараван", в устах средневековых арабов обозначало потомков гарамантов, поскольку вряд ли стоит сомневаться, что тубу, даза и другие народы Восточной Сахары, а также харатины восточной части Центральной Сахары независимо от языков, на которых они сейчас говорят, принадлежат к числу потомков древних гарамантов. Однако сам по себе этот термин не объясняет происхождения названия гарамантов и не проливает света на их язык.

В период между приходом эгейцев в оазисы Феццана и горы Сахары и временем, когда древние греки обосновались в Киренаике, связи гарамантов с эгейским миром ослабели. Зато, очевидно, сохранились их связи с ливийцами и египтянами — наиболее цивилизованным народом в этой части мира. В 1963 г. археолог из ФРГ Г.Ротерт открыл в районах Аве-нат и оазиса Гат (на востоке и западе страны гарамантов) наскальные изображения раннегарамантского времени, а также керамику, свидетельствующие об общности культуры этого района в тот период. Особый интерес представляет фреска, изображающая группу людей с кошачьими головами, которая, по мнению Ротерта, очень близка к египетским сатирическим рисункам XIII-XI вв. Влияние египетского искусства на искусство Тассили примерно той же эпохи отмечал и известный французский исследователь Сахары А. Лот.

Восточная Сахара — родина гарамантов — продолжала высыхать в течение всего периода существования этого народа (исчезнувшего незадолго до арабского завоевания), но гараманты не покидали ее и прилагали неимоверные усилия для поддержания

созданного их руками или сохранившегося от прошлого оазисного ландшафта. Сложная система фоггар орошала рощи финиковых пальм и сады Гарамы; разумное использование природных богатств не давало исчезнуть кипарисовым рощам и диким копытным в горах; коровы, овцы и кони паслись там, где сейчас и верблюд с трудом находит себе пропитание; старатели добывали каменную соль, а караванщики везли ее на юг, чернокожим народам саванны. Несмотря на неблагоприятные природные факторы (наступление пустыни на степи, оазисы и горные пастбища) и политическое давление со стороны северных государств, гараманты в течение почти двух тысячелетий поддерживали связь между Северной и Тропической Африкой, совершая далекие путешествия.

Почти одновременно с гарамантами в Тропическую Африку начали проникать древние морские народы Передней Азии.

Финикияне в Атлантике и на Красном море

Разгром ливийцев и "морских народов" Египтом был на руку его союзнице Финикии. Освободившись из-под власти Египта и еще не подпав под власть Ассирии, города-государства Финикии в XI в. достигают расцвета. Если прежде "морские народы" Южной Европы в союзе с ливийцами господствовали на Средиземном море, препятствуя экспансии финикиян, то теперь корабли Финикии, где гегемония принадлежала Тиру, устремляются в Эгеиду, в Тирренское море, на запад Средиземного моря и выходят в Атлантику. Финикияне становятся первым по значению морским народом тогдашнего мира.

В XII в. финикияне из Тира, пройдя Гибралтарский пролив, основали колонию в устье р. Лике (теперь р. Луккус), на атлантическом побережье Северного Марокко. Они заняли правый берег реки и остров в эстуарии Ликса, где был построен храм бога Мелькарта¹. На левом берегу, напротив города, существовал поселок берберов-ливийцев, коренных жителей страны.

Несколько позднее на острове у берегов Испании появилась вторая финикийская колония в Атлантике - Гадес (Кадикс). Она, как и Лике, должна была служить базой для торговли металлами: испанским серебром, британским оловом, западноафриканским золотом и пр. Из Гадеса и Ликса финикияне, вероятно, уже в XI—VIII вв. до н.э. плавали на юг вдоль Атлантического побережья Африки. В это же время финикияне начали колонизацию Мальты, Сицилии, Сардинии, Южной Испании. В конце XII в. была основана первая финикийская колония в Тунисе - Утика. Затем появились новые колонии финикиян в Северной Африке: Гиппон, Хадрумет и Лептис, основанный не позже VIII в. гражданами Сидона, изгнанными из родного города в результате смут. Смешавшись с ливийскими аборигенами, жители Лептиса превратились в весьма своеобразную этническую группу. Они вели караванную торговлю с жителями оазисов Мурзук и Гадамес и вскоре добились независимости от своей азиатской метрополии. В IX в. тирский царь Итоваал основал в Африке колонию Ауза, а мальтийцы еще одну — Ахолла. Однако важной роли они не играли. Зато исключительное значение приобрела другая колония Тира — Карфаген (букв. "Новый город"), основанный в 825 г. По преданию, сюда из Тира бежали царица Элисса, изгнанная своим братом царем Пигмалионом, который убил ее мужа жреца Ахербу. Сторонники Элиссы, принадлежавшие к аристократической партии, последовали за своей царицей. К ним присоединились финикияне с Кипра. Колонисты обосновались на холме Бирса, купленном у коренного берберского населения.⁴⁴

О торговых связях раннего Карфагена советский ученый И.Ш.Шифман пишет: "...находка... протокоринфской вазы свидетельствует о развитии во второй половине VIII

⁴⁴ Мелькарт — букв. "господин города", отождествлялся с Гераклом. Ср. "Геркулесовы Столбы" или "Столбы Геракла"-древнее название Гибралтара.

в. торговых связей Карфагена с греческим миром. Очевидно, уже в VIII в. существовали торговые связи Карфагена с Египтом, Этрурией и внутренними районами Африки"⁴⁵.

Бассейн Индийского океана, где находились такие богатые страны, как Южная Аравия, Пунт, Индия, также интересовал финикийцев. В X в., спустя столетие после выхода в Атлантику, финикийцы из Тира проникли в страну Офир, путь в которую лежал по Красному морю.

Сведения о стране Офир содержатся в Библии. Впервые золото из Офира упоминается в Библии в связи с царствованием Давида (около 1000 г., "Первая книга Паралипоменон", гл. 29, стих 4). Офирское золото упоминается и в других частях Библии, а также в одном древнееврейском документе VIII в., где говорится о доставке золота страны Офир, ценных пород дерева и камня в Бет-Хорон (город или храм древней Палестины).

Из Офира древние евреи получали мирру и ладан, очевидно, через посредство южноаравийских купцов; мирра и ладан собирались также в самой Южной Аравии.

Попытки идентифицировать страну Офир породили огромную литературу и множество неправдоподобных предположений. Наиболее часто местонахождением Офирэ называлась Индия и Южная Африка. Однако нет никакой необходимости искать эту библейскую страну золота так далеко от Палестины.

Вероятно, Офир-древнее сабейское название соседнего африканского побережья, которое у египтян называлось Пунтом. В библейской "родословной народов" Офир назван непосредственно рядом с Сабой или Шебой; оба они, Офир и Шеба — сыновья Иоктана. Если учесть, что "родословная народов" отражает лишь географические и экономические связи (например, финикийцы оказываются "родичами" египтян), то это сообщение Библии можно истолковать следующим образом: Офир находился неподалеку от Сабы и был связан с ней торговлей. Ближе всего к Сабе Северо-Восточная Эфиопия. Недаром до сих пор один из народов эритрейского побережья, при этом ближайший к Баб-эль-Мандебу, называется 'афар (иначе 'афер, данакиль или ададо); на противоположном, аравийском, берегу Красного моря находится плодороднейшая часть Саудовской Аравии — 'Асир (с произносится как английское th).

Очевидно, сабеи не только были посредниками в торговле Офира с городами Финикии, Дамаском, Израилем, но и посредниками в передаче сведений об этой стране. Привлекаемые богатствами Офира, сюда попытались проникнуть финикийцы. Но у них не было гавани на Красном море; поэтому они должны были обратиться или к Египту, или к объединенному еврейскому государству, которое располагало портом в Эцион-Гебе-ре, в Акабском заливе. Но Египет сам стремился монополизировать торговлю и другие отношения с Пунтом; поэтому финикийцам легче было получить согласие израильтян, рассчитывавших на участие в доходах. По-видимому, именно такова была предыстория совместной финикийско-израильской экспедиции в Офир.

В Библии рассказывается, как тирский царь Хирам (969 — 936) и царь Израиля Соломон (974 — 932) построили каждый по кораблю в Эцион-Гебере. Корабль Соломона привез большую добычу; на долю этого царя якобы досталось 420 или 450 талантов золота. Корабль Хирама кроме золота привез много эбенового дерева и драгоценных камней. Возможно, плавания в Офир повторялись. "У царя (Соломона) был на море таршишский корабль вместе с кораблем Хирамовым: раз в три года приходил таршишский корабль, привозивший золото и серебро (или платину?), и слоновую кость, и обезьян (или ладан?), и павлинов".

Эта экспедиция выглядит загадкой; сообщение о ней давало пищу самым фантастическим домыслам. Прежде всего непонятно, каким образом финикийцы и евреи могли приобрести такие огромные богатства: 420 или даже 450 талантов золота — это огромная сумма, от 40 до 50 т золота; вряд ли во всем Израиле нашлось бы товаров на

⁴⁵ Шифман И.Ш. Возникновение Карфагенской державы. М.-Л., 1963, с.46.

такую сумму, даже если делать скидку на неэквивалентный обмен. А ведь это лишь доля израильского царя. Сколько же золота пришлось на долю финикийян? Кроме золота, они привезли и другие богатства. Библия ничего не говорит о каких-либо товарах, взятых участниками экспедиции для торговли.

Поэтому немецкие ученые А. Сутбеер и Г. Вегенер, а затем и некоторые английские авторы предположили, что финикийяне и израильтяне добыли золото собственными силами на рудниках или золотых россыпях. Но в таком случае нужно допустить еще три других предположения. Во-первых, путешественники должны были знать месторождения золота. Во-вторых, они должны были уметь находить его и добывать. В-третьих, при небольшом числе участников экспедиции их деятельность должна была быть сказочно удачной, чтобы за короткий срок они добыли такое огромное количество редкого металла. Это тоже предполагает большое умение в горном деле. Между тем ни израильтяне, ни финикийяне не были мастерами горного дела. Следовательно, отпадает и предположение о том, что привезенное в Иерусалим и Тир золото евреи и финикийяне добыли собственными силами. Немецкий историко-географ Р. Хенниг предполагал, что финикийские мореходы во время своих плаваний в страны благовоний на Красном море при каких-то обстоятельствах обнаружили, что на юге западного побережья имеется много золота, и, воспользовавшись этим для своих торговых целей, привезли на родину "офирское золото". Постепенно у них созрело желание шире использовать золотоносный район, что легче было осуществить во время военного или пиратского похода, чем при обычной торговой поездке⁴⁶. Итак, Офир находился на месте нынешней страны Афар или несколько южнее, в Северном Сомали. Очевидно, жители Офира участвовали в посреднической торговле золотом из золото-платиновых россыпей в Юго-Западной Эфиопии и соседних районах Судана, ибо по их территории проходил ближайший к побережью отрезок торгового пути. Если наше предположение верно, то сообщения Библии говорят о древнейших связях финикийян (которым, очевидно, принадлежала идея совместной экспедиции в Офир), израильтян при царе Соломоне и его преемниках, сабеев (по следам которых, конечно, шли финикийяне и евреи) с народами Восточной Эфиопии, а через них - с народами Юго-Западной Эфиопии.

Интересно отметить, что подобное мнение существовало еще в VI в. н.э. Знаменитый византийский путешественник и географ Косма Индикоплов считал, что сабеи в древности получали золото из Сасу (в Юго-Западной Эфиопии) через Барбарию—страну афар и сомали. Вот как он рассказывает о "царице Савской, т. е. Омиритской" (химьяритской): "К [царю] Соломону привезла она благовония из своей Барбарии, находящейся по соседству (с Южной Аравией) по другую сторону моря, и эбеновое дерево, и обезьян, и золото из Эфиопии, ибо жила она по соседству с Эфиопией, по ту сторону Арабского залива (южная часть Красного моря между побережьем 'Афар, с одной стороны, и Асиром и Йеменом - с другой)".

Финикийяне и евреи не смогли закрепиться на торговых путях Красного моря. Правда, около 860 г. царь Иосафат снова попытался проникнуть в Офир. Он построил в Эцион-Гебере корабли, но они погибли в пути.

Это последнее упоминание Офира. Ни евреи, ни финикийяне, ни египтяне не посещают более этой страны. Впрочем, Гомер и его современники, вероятно, слышали об Индийском океане. Именно о нем говорится в "Одиссее" как о великом восточном море, которое даже птицы не могут перелететь за год. Эти сведения могли быть получены в Греции от финикийян или египтян. В начале VI в. пророк Иезекииль, перечисляя области, с которыми вел торговлю Тир, не упоминает Офира. С экспедициями в Офир не имеют никакой связи псевдоисторические легенды о любви царя Соломона и одной из африканских цариц и о переселении израильтян в Африку, возникшие по меньшей мере полутора-двумя тысячелетиями позднее.

⁴⁶ См. Хенниг Р. Неведомые земли, т. 1. М., 1961, с. 50.

Греки в Ливии

XI—VIII вв. были временем расцвета не только финикийской цивилизации и связанных с ней культур Сирии, Израиля, Кипра, но также и первых царств Закавказья — Урарту в Армении и Колхиды в Западной Грузии и — особенно в VIII-VII вв.-этрусской и других цивилизаций Италии. В это время микенская цивилизация приходит в упадок и дезинтегрируется под напором "полуварваров"-дорян.

Микенские греки были неплохими мореплавателями, пересекавшими Средиземное море в разных направлениях. Рассказы о плаваниях Менелая в "Илиаде" и Одиссея в "Одиссее" описывают африканские маршруты плаваний микенских и "архаических" (гомеровских) греков. Советский историк Ю. К. Поплинский подробно анализирует древние известия о маршрутах к берегам Ливии из района Эгейского моря: "Они (маршруты.— Ю.К.) с большой точностью совпадают с наиболее удобными морскими течениями и соответствующими сезонными ветрами, способствующими плаванию под парусом из Эгеиды к Африке и обратно. Конечные пункты коммуникационных линий из Эгейского бассейна в Африку являются местами наиболее интенсивных контактов греков с ливийцами, известными по самым древним свидетельствам; во многих из них впоследствии возникли греческие колонии". Ю. К. Поплинский справедливо указывает, что "сосредоточение большей части древнейших караванных путей севера Африки — транссахарских путей—в районе между 7 и 23° в. д. является также следствием постоянных и очень древних контактов населения Африки с народами Восточного Средиземноморья именно в этих районах"⁴⁷. К XI в. относится основание города Кирены греками-ахейцами с мыса Тенар (на юге Пелопоннеса). Более поздняя историческая традиция, в частности переданная Геродотом, представляет собой сложное напластование преданий о переселении греков с Тенара в XI в., с о. Феры в VII в., древних легенд об аргонавтах и др., переработанных в VI в. дельфийскими жрецами. Возможно, ахейцы застали в районе Кирены потомков более ранних переселенцев из Эгеиды — "антеноридов", предки которых прибыли сюда в XIV в.

На легендарном "Холме Антеноридов" тенарцы основали новый полис. Судя по всему, они неплохо поладили с окрестным ливийским (берберским) населением, с которым имели традиционные этнокультурные связи. В VII в. (традиционная дата-631 г.) в Киренаику прибыла новая большая группа переселенцев из Греции, на этот раз доряне с о. Феры. Они поселились у подножия плато близ источника Кира, нимфу которого назвали Киреной. Отсюда и пошло название основанного ими поселка. Сравнительно очень скоро киренцы-доряне подчинили себе ахейцев "Холма Антеноридов", а также отдельные ливийские общины. Все вместе они составили эллино-ливийский полис Кирену. Предводитель дорян с Феры по имени Аристотель, или Аристей, стал басилеем полиса, приняв ливийский титул Батт (Баттос). Несомненно, факт принятия греком ливийского титула свидетельствует о важной роли берберо-ливийцев в новообразованном государстве. Аристотель Батт стал первым царем киренской царской династии Баттидов, насчитывавшей девять правителей. Первостепенное значение в хозяйственной жизни Кирены имела торговля с окрестными ливийскими племенами, особенно насамонами, а также более отдаленными государствами: Египтом на востоке, Карфагеном на западе и Гарамой на юге, с полисами материковой и островной Греции на севере.

Многими чертами Киренское царство напоминает Боспорское в Крыму и на Тамани. Оба они были "протоэллинистическими" монархиями, сложившимися еще до эпохи эллинизма на окраинах двух великих степных регионов: скифской Евразии и

⁴⁷ Поплинский Ю. К. Африка и Эгеида. К истории ранних этнокультурных контактов в Средиземноморье. Автореферат. Л., 1975, с. 12, 13.

берберской Северной Африки, прижатыми к морю и защищенными горами от нашествия степных племен. Однако Боспор оказался намного долговечнее и жизнеспособнее Кирены. Его торговые связи и культурные влияния доходили до Урала, Алтая и лесной полосы Восточной Европы.

Вопрос о связях греческих городов Киренаики с народами Сахары еще предстоит исследовать. Однако не вызывает сомнения тот факт, что эллинская культура Кирены и берберская культура племен Киренаики обменивались информацией. Геродот говорит, что жительницы Барки, греческого города в Кире-наике, не едят ни свинины, ни говядины, подражая обычаям соседних с ними ливийских племен. От употребления в пищу говядины воздерживались и киренские женщины. В свою очередь ливийцы Киренаики переняли у греков целый ряд обычаев, что было замечено уже Геродотом.

Двумя веками позднее вся территория берберов была охвачена процессом генезиса примитивных, но обширных государств, которые продолжали крепнуть и расширяться в последующие века, заимствуя политические формы и идеологию у соседних средиземноморских держав, пока все они не были поглощены Римской империей.

В целом берберская Северная Африка до конца 1-го тысячелетия заметно отставала в своем развитии не только от Египта и финикийских и греческих колоний африканского Средиземноморья, но и от Нильского Судана, плато Тигре, и даже от Гарамы, находясь примерно на одном уровне развития с негроидными народами Южной Сахары, Западного и Центрального Судана. Тем не менее тысячелетние контакты со всеми этими народами не могли не отразиться на древних племенах Магриба, Сахары и Центрального и Западного Судана.

Около 950 — 900 гг. отмечается некоторый прогресс в культурном и социальном развитии этих народов, слишком медленно усваивавших элементы культурной информации, шедшие от народов долины Нила, критян, гарамантов, тартесцев Испании, финикийян Гадеса и Карфагена, греков Киренаики. В частности, совершенствуется производство глиняной посуды. В Куга, в Мавритании, были найдены керамические чашки с лунообразным основанием, по форме и технике изготовления восходящие к массивным горшкам 4-го тысячелетия, но такие миниатюрные, что не оставляют сомнения в развитии индивидуального потребления у местных племен. Эти чашки датируются серединой X в.

Однако берберские племена Северной Африки и соседние с ними государства, подобно племенам и государствам тогдашней Европы, составляли в 1-м тысячелетии лишь далекую юго-западную периферию широкой политической и торговой системы, вступившей в фазу невиданной до того консолидации.

Глава третья

АФРИКА И РАННИЕ ИМПЕРИИ

Образование в VII-IV вв. обширных и сравнительно хорошо организованных ранних империй во многом определило историческое развитие не только Ближнего Востока и Северной и Северо-Восточной Африки, но и всего древнего мира. Эти империи в невиданной до того степени способствовали укреплению рентных отношений и "внеэкономического" принуждения крестьян-общинников зоны древних цивилизаций, обмену товаров и культурной информацией между центральными и периферийными районами древнего мира, сблизив Европу, Африку, Индию, Среднюю Азию и другие регионы между собой.

Начало эпохи великих империй

Первой империей, поглотившей не только "номовые" княжества, но и целые

царства, стала Ассирийская держава. Кульминация ее могущества относится к VII в., когда ассирийцы ведут успешную борьбу за Египет, Иран и Армению, а слава их гремит в Греции, Судане и долине Инда.

Крушение Ассирийской державы в 627-612 гг., казалось, вернуло древний мир к политической ситуации 2-го — начала 1-го тысячелетия, когда крупнейшие государства Ближнего Востока вели между собой нескончаемую борьбу за гегемонию. Однако теперь претенденты на мировое господство Египет, Вавилон и Мидия с большей легкостью подчиняли себе соседние страны. Кроме того, цивилизованная зона расширилась, и вместе с ней расширилась арена мировой политики, в которую оказались втянутыми весь Иран, Скифия, Восточное Средиземноморье, Аравия, а на Африканском материке помимо Египта — царство Напата в Судане, греко-берберская Киренаика и Западная Финикия в Магрибе. Состояние шаткого политического равновесия продолжалось около 80 лет. Во второй половине VI в., когда эта политическая система окончательно изжила себя, весь Ближний и Средний Восток, от Инда и Сырдарьи до Нила и Босфора, был с легкостью завоеван древними персами. На арене истории возникла подлинно мировая держава Ахеменидов, за пределами которой остались немногие царства (в том числе Карфаген в Северной Африке, Мероэ в Судане и древнейшее царство в Северной Эфиопии), а также "номовые" государства и союзы племен.

В эпоху генезиса древних империй в Африке расширяется зона государственности и цивилизации, захватывая страны, лежащие к югу и западу от Египта, в той или иной мере колонизированные древними египтянами (Нубия), греками (Киренаика), финикийцами (Магриб) и сабеями (Эфиопия). Здесь появляются не только "номовые" княжества, но и первые царства.

Таковы Киренское царство в Киренаике с греческим и ливийским населением (VII-VI вв.), Карфагенская держава с финикийским, ливийским и южноевропейским населением (VII-III вв.). В Северо-Восточной Африке современниками этих государств были Напато-Мероитское царство Судана III в. до н. э. - начало IV в. н. э.) и древнейшее царство на плато Тигре в Северной Эфиопии (V—IV вв.).

Советский египтолог академик А. М. Коростовцев, описывая процесс генезиса древних империй, установил следующие ритмически повторяющиеся закономерности: древние царства, возникая и достигая известной централизации, периодически распадаются на отдельные составляющие их "номы", затем царства объединяются в империи, из которых каждая последующая обширнее предыдущей. Эти империи следующие: Египетская при XVIII-XIX династиях, Ассирийская, Ахеменидская, держава Александра Македонского и, наконец, Римская империя. Эту концепцию можно дополнить: 1) наиболее яркий пример схемы М. А. Коростовцева представляет собой периодическая смена трех из пяти названных им империй, а именно Ассирийской, Ахеменидской и Македонской, ядро каждой из которых составляла территория предыдущей, но границы ее заключали все новые периферийные страны; 2) Римская империя в меньшей степени включала в себя территорию предшествующей ей по времени империи Александра; ядро и основные владения Рима лежали не в пределах Македонской державы, а к западу от нее; 3) почти одновременно с Римской к востоку от последней возникли Индийская империя Маурьев и Китайская при династиях Цинь, Хань и Цзинь, а между средиземноморским Западом и этими восточными державами - Иранская империя, которая возродилась под властью парфян и Сасанидов; 4) аналогично распаду древних царств на "номы" происходил периодический распад империй на царства, особенно в тех районах, где власть империй была исторически еще молодой: на Ближнем Востоке в период между крушением Ассирии и подъемом древней Персии, на Балканах и в Малой Азии после смерти Александра, в Индии после упадка державы Маурьев и т. д.; 5) в связи с расширением цивилизованной зоны и арены мировой политики прежняя система борющихся за гегемонию "номов" и царств сменяется в конце

античности аналогичной системой борющихся за мировое господство империй; б) этот процесс не прекратился после гибели Римской империи.

Древние арабы и африканцы втягиваются в мировую политику

В то время как на Ближнем Востоке формировались древние империи и вместе с ними мировая политика, южная периферия этого региона - Северо-Восточная Африка и огромный Аравийский полуостров - была охвачена процессом генезиса классового общества.

Дебют древних арабов в мировой политике и торговле относится к первым векам 1-го тысячелетия, когда сведения о них проникли в Библию и в анналы ассирийских и вавилонских царей.

К этому времени большая часть Аравии, как и теперь, представляла собой пустыню. Центрами первых "номовых" государств стали земледельческие районы оазисов и нагорий, сконцентрированные преимущественно в южной части полуострова.

В системе цивилизаций древнего и средневекового мира Южная Аравия занимала особое место. Принадлежащая к Ближнему Востоку и тесно связанная с высокими цивилизациями Сирии, Палестины, Ирака и Египта, она в то же время была выдвинута далеко на юг от них, в сторону Тропической Африки и Декана, и являлась как бы узловой станцией на пути с Ближнего Востока в Индию, Индонезию, на Цейлон и Малайский полуостров, в Эфиопию и Восточную Африку. Древняя и средневековая история Эфиопии, Сомали и восточноафриканского Сахила настолько тесно переплетается с историей Южной Аравии, что изучать их раздельно почти невозможно.

В 2-м —1-м тысячелетиях на юге Аравии возник ряд "номовых" государств, протянувшихся цепочкой вдоль караванного "пути благовоний". Это были Оман на юго-востоке полуострова, Хадрамаут в одноименной долине, Аусан на западе Южного Йемена и три государства к северу от Аусана, расположенные вдоль восточного склона горного хребта с севера на юг: Майн на юго-западе Саудовской Аравии, Саба на границе последней с Северным Йеменом и Катабан между Сабой и Аусаном. Кроме того, на западном склоне гор в конце 1-го тысячелетия образовалось государство Химьяр⁴⁸. В VII—III вв. на крайнем северо-западе Аравии, включая Иорданию, Синай, Южную Палестину и Южную Сирию, сформировалось Набатеяское царство, игравшее важную роль посредника в торговле между цивилизациями Средиземноморья, с одной стороны, и Среднего и Дальнего Востока - с другой (под именем Ли-кан набатейская столица Рекам, или Ракму, была известна даже древним китайцам), а также между цивилизациями субтропического пояса и независимыми царствами и племенами внутренней Аравии.

Некоторые древнейшие памятники южноаравийской культуры найдены далеко на севере и северо-западе от Майна и Сабы. Это - маинская печать X-IX вв., открытая в палестинском городе Бет-Эль, и маинская же надпись на саркофаге в Египте примерно того же времени.

Одним из древнейших и наиболее богатых царств Аравии была Саба. Она возникла в XIII-XII вв. как "номовое" государство на основе синойкизма союзов двух племен: саба и файшан, подобно тому как синойкизм племен набатеев, саламиев и дахаренов, или дихранитов, лежит у истоков Набатеяского царства. О том, каким влиянием пользовалась Саба в Палестине X в., говорит известное библейское сказание о царе Соломоне и царице Савской и о несметных богатствах, доставленных ею в Иерусалим. Расцвет Сабейского государства, просуществовавшего вплоть до III в. н.э., наступил в VIII и VII вв. до н. э., когда здесь, особенно в столице Мариб, началось широкое строительство плотин, храмов и дворцов. Современный английский ученый Д. Б.Притчард считает, что в основе

⁴⁸ Начальный год химьяритской эры, к которому, по-видимому, было приурочено основание этого государства, -115 г. до н. э.

библейского сказания лежат подлинные факты; он не исключает даже возможности путешествия царицы в Иерусалим.

Примерно в то же время расцветает Майн, торговые колонии которого основываются далеко на северо-западе Аравии (эль-Джауф и эль-Ала в Хиджазе). Здесь проходил важнейший караванный путь из Хадрамаута и Сабы в Восточное Средиземноморье, а в Джебель-Махд-аз-Захаб, между Меккой и Ятрибом (ныне Медина), находились древние золотые рудники.

Аравию пересекали две главные караванные трассы. Одна из них вела из Месопотамии на юго-запад через Садж (в 300 км юго-восточнее Кувейта) в Неджд и далее к Хадрамаут. В Садже найдены южноаравийские надписи VI — IV вв. Другая дорога связывала г. Саботу (Sabiyat) в долине Хадрамаута с финикийской Газой на Средиземном море. Газа упоминается в древних маинских надписях; кроме того, здесь найдено несколько маинских надписей, в том числе одна времени царя Камбиза (около 525 г.). Маинские надписи на статуях в Делосе и в Мемфисе времени Птолемея V Эпифана (около 200 г.) говорят о путешествиях купцов из Майна в эллинистический Египет и на знаменитый островной рынок Делоса.

Несомненно, в доахеменидское время купцы из Аравии, в том числе из Майна и Сабы, направлялись в Палестину и Финикию той же караванной дорогой, что и в ахеменидский и эллинистический периоды. В книге библейского пророка Иезекииля говорится о торговле Тира с арабскими племенами: "Аравия и все купцы кидаритские производили мену с тобой: ягнят, и баранов, и козлов променивали тебе. Купцы из Сабы и Раэмы (Рекам) торговали с тобой всякими лучшими благовониями и всякими камнями, и золотом платили за товары твои... Купцы сабейские торговали с тобой... Саба и Дедан и купцы таршишские..." Дедан - это маинская колония в Катабане, где найдены маинские надписи.

Маинское государство имело выход к Красному морю. Пересекая его, маинские купцы попадали в Северо-Восточную Африку, далее двигались караванными дорогами в египетские Фивы, суданские Напату и Мероэ, города плато Тигре. В Вади-Хамамат, на пути от Красноморского побережья в египетские Фивы, была открыта маинская надпись времени царя Иляфаиашура.

Колонии Сабы в V в. появляются в Эфиопии на Красноморском побережье нынешней Эритреи, на плоскогорьях Тигре и, возможно, в районе Харара. На востоке Аравии также образуются торговые города-государства, связанные караванной торговлей с Нижней Месопотамией, Хадрамаутом, Индией.

Богатая, "счастливая" Аравия становится заманчивой добычей для великих держав тогдашнего мира. В VIII—VII вв. значительная часть Аравии покорилась ассирийцам. Еще в анналах Салманасара III среди деяний этого царя отмечено уничтожение тысячи верблюдов арабского вождя Гиндибу. Арабы выступают здесь в качестве союзников Дамаска, потерпевших поражение в 854 г. Возвышение Урарту и упадок Ассирии во второй половине IX в. на время приостановили ассирийскую агрессию на юг, но с середины VIII в. она возобновилась с новой силой. Сирийские и аравийские государства, стремившиеся сохранить независимость, вступали в коалицию между собой, но, несмотря на это, терпели одно поражение за другим. В начале VII в. ассирийцы подчинили себе Набатейское царство. Анналы Ашшурбанапала (668 — 626) сообщают о его продолжительной борьбе с арабскими племенами, во главе которых стояли кидариты. К тому времени сопротивление арабов ассирийской агрессии продолжалось уже добрых сто лет!

Подчиняя себе Сирию и Палестину, ассирийцы истребляют арабские племенные ополчения и захватывают в виде добычи тысячи верблюдов, которым находят применение в сельском хозяйстве своей страны⁴⁹. Начиная с Тиглатпаласара III (745 —

⁴⁹ 1 В те времена пустыни и степи в Аравии перемежались лесами, о которых говорят Библия и анналы ассирийских царей. В последних мы читаем: "Они (ассирийские воины) шли... погружаясь в леса,

727) ассирийские цари совершают походы в глубь Аравии и доходят до южных, "счастливых" ее областей, до Сабы включительно. В 738 г. Тиглатпаласар III получил от сабеев дань предметами их торговли со странами Средиземноморья и Месопотамией, в том числе благовонными травами. Около 715 г. Саргон II (722 -705) вновь разгромил коалицию сирийских и аравийских государств, среди участников которой была царица арабов Шамси, царь Сабы Итамар (Ятамар), "цари побережья и пустыни". Синнахериб (705-681), а затем Асар-хаддон (681-668) снова нанесли поражение этой коалиции, в которую входили, по-видимому, племена и государства всей Аравии до Йемена включительно, и взяли с побежденных дань. В составе дани были стада верблюдов, драгоценные камни, различные благовония. Победленного Синнахерибом царя Сабы звали Карибаиль (около 665 г.). Оба имени - Ятамар и Кари-баиль - обычны у царей древней Сабы, но отсутствие в ассирийских анналах южноаравийских "царских" эпитетов не позволяет идентифицировать этих двух правителей с одним из Ятамаров или Карибаилей, известных по сабейским надписям.

Таким образом, сфера политической гегемонии Ассирии простиралась на юг до берегов Индийского океана и Красного моря, на запад-до Средиземного моря, на юго-запад-до Верхнего Египта.

Соперницей Ассирии в долине Нила и в Палестине в VIII в. выступила Напатская держава.

В первой половине VIII в. Нубия объединилась под властью Алары и его брата и преемника Кашхы, получивших поддержку жрецов бога Амона в Напате (Нубия) и Фивах (Верхний Египет). Египет, который некогда владел Нубией, переживал период социальных потрясений и острой борьбы за власть. Две правящие группы с переменным успехом оспаривали господство над страной: жрецы и вельможи Верхнего Египта, возглавляемые первосвященниками Амона в Фивах, основавшими XXI династию фараонов, и ливийские воины, обосновавшиеся в Нижнем Египте, вожди которых положили начало XXII династии. На короткий срок фараонам XXII династии удалось занять Фивы и объединить весь Египет, но теперь, когда их окружение составили жрецы и старая аристократия, ливийские князья Дельты отказались им повиноваться. Фараон Осоркон II в своей надписи лишь выразил надежду, что его потомков признают как ливийские вожди, так и первосвященники Амона-Ра, царя богов, и другие жрецы. И тем не менее, продолжая традиционную политику Египта, он послал дары и воинов в помощь сиро-палестинским князьям, образовавшим коалицию против агрессии Ассирийской державы.

Не в силах достигнуть прочного объединения страны и обеспечить ее обороноспособность, соперничающие группы Верхнего и Нижнего Египта обращают свои взоры к иноземцам: южная — к суданцам, ливийская — к ассирийцам. Более слабая в военном отношении и более консервативная фиваидская группировка первой пошла на союз с правителями Напа-ты, в которых она, впрочем, предпочла видеть не иноземцев, а соотечественников и единомышленников (вследствие традиционных и многовековых связей Нубии с Египтом).

Уже Кашта совершил поход в Верхний Египет и овладел частью областей к северу от I порога-на о. Элефантина он поставил стелу с победной надписью и своим изображением. Пи, или Пианхи (751-716), сын Кашты, с легкостью занял почти весь Египет, включая Мемфис и Фивы, и заставил капитулировать сильнейшего из ливийских князей, саисского правителя Тефнахта. В своей надписи Пианхи выставляет себя освободителем -и объединителем Египта и утверждает, что выступил в поход на север по призыву египетских вельмож и военачальников (около 730 г.). Шабак (716-701), брат и ближайший преемник Пианхи, нанес новые поражения ливийским князьям Дельты, среди которых нашел союзника - гер-мопольского правителя Немарата. В Фивах Шабак

тень которых обширна, между деревьями огромными, зарослями шиповника".

заставил верховную жрицу Амона Шепенупет, дочь фараона Осоркона III, удочерить свою сестру Аменарис, дочь Кашты, и сделать ее верховной жрицей. С этого времени фиваидское жречество теряет самостоятельность, а его богатство и влияние были поставлены на службу царей Напаты. На целую четверть, века Шабака стал повелителем одной из крупнейших держав тогдашнего мира, объединившей всю долину Нила. На севере границы этой державы доходили до Синая, а ее влияние распространялось на Палестину; на юге они, возможно, доходили до Сенна-ра, где найден скарабей с именем Шабаки.

Однако ливийские князья Дельты не желали смириться и возлагали надежды на ассирийцев, неуклонно продвигавшихся к границам Египта. Шабака стремился избежать как излишних репрессий против своих новых подданных, так и поводов для агрессии ассирийцев. Он даже выдал ассирийскому царю Саргону II одного из палестинских князей, который бежал в Египет после разгрома поднятого им восстания. Когда Саргон II нанес поражение Урарту и разорил его столицу Мусасир (в Армении), суданско-египетская держава лишилась наиболее мощного из возможных союзников. Новые походы ассирийских войск в Финикию и Палестину при царе Синаххерибе, сыне Саргона II, заставили Шабаку послать сюда свои войска, но в конечном счете ассирийцы одержали победу. Это не помешало Шабаке приказать художникам изобразить себя в традиционной позе египетского фараона, попирающего азиатских и африканских князьков. Синаххериб со своей стороны трубил о своих победах. Однако до большой войны дело пока не доходило, тем более что ассирийскому царю приходилось подавлять восстания в Вавилоне, Нижней Месопотамии, Эламе. Очевидно, Ассирия и Судан пришли к какому-то соглашению о разграничении своих территорий. При раскопках дворца Синаххериба в Ниневии была найдена глиняная булла, которая, несомненно, скрепляла договор между Ассирией и Напатой. На булле сохранились оттиски двух печатей: Синаххериба и Шабаки.

Шабатака (701-689), сын Пианхи, должен был мобилизовать силы своего государства для отражения ассирийской угрозы. Дважды он посылал армии в Палестину против войск Синаххериба, безуспешно осаждавших Иерусалим (у пророка Исаяи и Геродота говорится об этих событиях). На время продвижение ассирийских полчищ было приостановлено, и почти три десятилетия египтяне и нубийцы наслаждались миром.

В эти годы, когда суданские и ассирийские войска сражались в Палестине, пророк Исаяя считал дело Напаты проигранным не только в своей родной стране, но и в Египте и даже в самом Судане. Он предсказывал в недалеком будущем: "Горе земле, осеняющей крыльями по ту сторону рек Эфиопских ("Кушитских"). Посылающей послов по морю и в папировых судах по водам! Идите, быстрые послы (Напаты), к народу (ассирийскому), крепкому и бодрому, к народу страшному от начала и донныне, к народу рослому и все попирающему!.. Я вооружу (говорит Саваоф) египтян против египтян; и будут сражаться брат против брата и друг против друга, город с городом, царство с царством... В тот день из Египта в Ассирию будет большая дорога, и будет проходить Асур в Египет, а египтяне в Ассирию..." И сказал Господь: "Как раб мой Исаяя ходил нагой и босой три года, в указание и предзнаменование о Египте и Эфиопии ("Куше"). Так поведет царь ассирийский пленников из Египта и переселенцев из Куша, молодых и старых, нагими и босыми и с обнаженными чреслами, в посрамление Египту. Тогда ужаснутся и устыдятся из-за Куша, надежды своей, и из-за Египта, которым хвалились. И скажут в тот день жители этой страны: "Вот каковы те, на которых мы надеялись и к которым прибегали за помощью, чтобы спастись от царя ассирийского! И как спаслись бы мы?" "

Далее пророк предсказывает всяческие беды арабам — союзникам Напаты: "В лесу аравийском ночуйте, караваны деданские! Живущие в земле Фемайской! Несите воды навстречу жаждущим, с хлебом встречайте бегущих! Ибо они от мечей бегут, от меча обнаженного, и от лука натянутого, и от люто-стей войны. Ибо так сказал мне Господь:

"Еще год... и вся слава Кидара исчезнет. И луков у храбрых сынов Кидара останется немного..." " Пророчество Исаяи сбылось далеко не полностью, но это делает его не менее интересным, ибо в страстной речи Исаяи слышится голос простого народа, безмерно страдавшего от войн между великими державами того времени. Перед нами редкий исторический документ, не похожий на жестокие победные реляции царей, похвалившихся разорением целых стран, истреблением целых народов.

Поражение Напаты произошло в царствование Тахарки (689 — 663), который еще в правление своего брата и предшественника (а в известный период— и соправителя) Шибатаки сражался с ассирийцами в Палестине⁵⁰. Тахарка развернул грандиозное строительство, жертвуя храмам колоссальные средства и задабривая жрецов.

Возможно, при Тахарке начались разработки железных руд в Мероэ, но все же создается впечатление, что напатский царь не позаботился должным образом о перевооружении своих суданских войск новым для того времени железным оружием, которое принесло победы ассирийцам. В 674 г. ассирийский царь Асархаддон в первый раз попытался вторгнуться в Египет, но должен был отступить. Через три года, в 671 г., полки Асархаддона разгромили войска Тахарки, последовательно заняли Нижний Египет, Мемфис и, возможно, Фивы, правитель которых упоминается в числе данников Ассирии. Из Египта в Ниневию были доставлены статуи Тахарки и выставлены для всеобщего обозрения во дворце Асархаддона, где и нашли их современные археологи. В своих надписях Асархаддон сообщает, что во время взятия Мемфиса он захватил в плен жен Тахарки и его сына Эсанхурета, или Ушунахуру. На стеле в Зинджирли Эсанхурет (или, может быть, даже сам Тахарка?) изображен в виде пленника, стоящего на коленях с веревкой на шее. Ассирийский монарх в надписи именуется царем Египта и Куша.

Но Тахарка не прекратил борьбы и в 669 г. вернул себе Мемфис. Асархаддон выступил в новый поход на Египет, но умер в пути. Сын Асархаддона Ашшурбанапал (668 -627) дважды посылал свои армии в Египет: в 666 и 663 гг., чтобы нанести новые поражения войскам Тахарки и его преемника Танутамона (663 — 656/655) и их сторонникам в Фивах и Мемфисе. Он стремился укрепить ассирийское владычество в этой древнейшей африканской стране и поддержать власть своих вассалов — преемников ливийского князя Тэфнахта, которого в свое время пощадил Пианхи.

Войне 663 г. между Ассирией и Напатой посвящено специальное исследование советского историка С.С.Соловьевой⁵¹. На основании различных источников она следующим образом восстанавливает ход событий.

По обычаю, Тахарка в последние годы царствования взял себе соправителем наследника престола Танутамона. В 664 г. последнему пришлось участвовать в войнах Тахарки с Ассирией и вместе с царем изведать горечь поражения и бегства. В 663 г. Тахарка умер, и Танутамон короновался царем Напаты и Верхнего и Нижнего Египта. Напатская "Стела сна" рассказывает, что Тунатамону приснился вещий сон: справа и слева от него явились две змеи. Жрецы бога Амона растолковали этот сон как предзнаменование грядущей победы царя в Египте. Жрецы Амона, Хнума и других египетских богов, весьма почитаемых также в Нубии, сыграли немалую роль в подготовке вторжения суданских войск в Египет. Верховной жрицей Амона в Карнаке была в то время сестра Тахарки. Скульпторы по-прежнему высекали в фиванских храмах барельефы, изображавшие Тахарку и прославлявшие его; официальные документы в Фивах датировались годами его царствования, словно не было ни поражения и бегства Тахарки из Египта, ни его смерти, ни ассирийских гарнизонов и контролеров в северной и центральной частях Египта! Танутамон, в полном согласии со жрецами, возводил

⁵⁰ Между прочим, в Библии говорится, что Гаракка (Тахарка) привел в Палестину "с силою в тысячи тысяч и колесниц триста".

⁵¹ Соловьева С. С. Война 663 г. до н. э. между Ассирией и Кушем за господство над Египтом.- Мероэ. История, история культуры, язык Древнего Судана. М., 1977.

монументальные постройки в храмах Амона как в Напате, так и в Фивах. Поэтому не удивительно, что напатское войско, не встречая сопротивления, триумфальным маршем прошло весь Верхний и Средний Египет и вступило в "номы" Нижнего Египта и дельты Нила.

Здесь главной крепостью и крупнейшим городом был Мемфис. Его обороняли ассирийский гарнизон и вспомогательные войска ливийцев. Большинство правителей Дельты, поставленных ассирийцами, сохраняли нейтралитет, но самый сильный из них — правитель Саиса Нехо со своим сыном Псамметихом I поспешил на помощь гарнизону Мемфиса. Танутамон разгромил Нехо и штурмом взял город. Нехо пал в бою, Псамметих бежал в Ассирию. Кроме того, в руки суданцев перешел Гелиополь. Но правители других городов Дельты, хорошо укрепленных и защищенных также рукавами Нила, каналами и дамбами, не спешили сдаваться Танутамону. Не желали они и выводить свой войска на поле боя. Война за Дельту грозила стать затяжной и бесперспективной. Однако царю Напаты помогла, по-видимому, дипломатия жрецов. В конце концов ряд правителей восточных областей Дельты согласился признать Танутамона фараоном Верхнего и Нижнего Египта; они предпочли его власть игу Ассирии.

Но через Синайский полуостров в Дельту вторглось ассирийское войско, вместе с которым находилась Псамметих. Танутамон потерпел поражение - У стен Мемфиса и отступил в Фивы, а затем в Нубию. Ассирийцы разграбили златовратые священные Фивы, захватили здесь и увезли на родину сказочные богатства (об этих событиях повествуют ассирийские анналы и пророк Наум). Некоторая часть военной добычи, захваченной в то время ассирийцами, сохранилась до нашего времени. Это статуэтка богини Анукис, весьма почитаемой на крайнем юге Египта и в Нубии, скарабей, найденные при раскопках ассирийских городов Ниневи, Ниппура и Кальху.

Напатское царство не выдержало длительной борьбы с Ассирией за Египет. Ассирия была лучше организована и лучше вооружена (железным оружием, колесницами), располагала большими людскими ресурсами. Однако дни Ассирии были уже сочтены: среди азиатских держав у нее появились могучие соперники, каждый из которых стремился к мировому господству. В конечном счете победила Персия, но пока что эти государства привели к развалу Ассирийской империи. Египет и Аравия первыми отложились от нее. В 654 г. Псамметих I объединил Египет и на одно столетие возродил государство фараонов. Так началось правление XXIV, Саисской династии Древнего Египта. Псамметих I, царствовавший 45 лет (665 — 611), сумел не только отбросить нубийцев за Элефантину, но и проник до района Донголы⁵², а затем присоединил к своим владениям Северную Нубию.

При Псамметихе I союз с Ассирией против Напаты остается главным направлением внешней политики Египта. Однако в конце его царствования Ассирия гибнет, ее торжествующие враги-вавилоняне, иудеи, скифы, мидяне - становятся противниками Египта, опасность со стороны Азии усиливается. В этих условиях саисские фараоны ищут опору во внешней и внутренней политике в иностранных наемниках (потомками которых они сами являлись). Греки, финикияне, народы Западной Анатолии поступают на службу в сухопутные войска и флот, получают привилегии и оттесняют на второй план военное сословие египтян. Преемник Псамметиха I фараон Нехо (611 - 595) посылает войска в Сирию, где они, не сумев спасти Ассирию от гибели, на время установили гегемонию Египта. Однако вавилоняне в союзе со скифами изгнали войска Нехо из Азии, присоединили Сирию и Палестину к своему государству и даже сделали попытку вторгнуться в Египет (зимой 601/ 600 г.).

Важнейшими культурно-историческими событиями царствования Нехо были прорытие канала, соединившего Нил с Красным морем, и плавание финикийских

⁵² В эти годы (641-611) пророк Софония даже предрекал Напате гибель: "И вы, кушиты, будете избиты мечом моим... Из заречных стран Куш принесет дары".

моряков, находившихся на службе Нехо, вокруг Африки. Оба события следует поставить в связь друг с другом и с борьбой тогдашнего Египта на два фронта: против антиассирийской коалиции в Азии, особенно против вавилонского царя Навуходоносора, и против царей Напаты. Канал, превративший Африку в остров, способствовал укреплению северо-восточной, самой опасной, границы Египта, а плавание вокруг Африки могло представлять собой разведку в тылу Напатского царства.

События царствований Псамметиха I и Нехо имели важное значение для культурной истории Африки. Египетская цивилизация начала ускоренными темпами сближаться с цивилизациями Передней Азии и эгейского мира. В Северной Нубии появились греки и карийцы, оставившие здесь свои надписи. Вместе с тем в области Верхнего Нила усилился египетский элемент. О том, как это произошло, рассказывает Геродот: "Во времена царя Псамметиха египтяне выставили пограничную стражу в городе Элефантине против эфиопов... И вот, когда эти египтяне три года провели там, неся стражу, и никто не пришел их сменить, они сообща решили тогда отпасть от Псамметиха и переселиться в Эфиопию... Прибыв в Эфиопию, беглецы отдались под власть эфиопского царя. А тот наградил их вот каким образом. Некоторые эфиопские племена восстали против своего царя. Их-то и повелел царь египтянам изгнать и затем поселиться на земле изгнанников. И с тех пор, как эти египтяне поселились среди эфиопов, эфиопы восприняли египетские обычаи и сделались более культурными". Геродот добавляет, что область, где живут эти "перебежчики", находится на таком же расстоянии от Мероэ, как Мероэ — от Элефантины, т.е. путь сюда из Египта занимает четыре месяца, и что Нил в этих краях течет с запада на восток. Если сопоставить эти сведения с картой Судана, то получится, что земля "перебежчиков" простиралась на юг до низовий Бахр-эль-Газалья. Это, очевидно, преувеличение: "перебежчики" могли лишь принести в Мероэ известия об этом самом северном из левых притоков Белого Нила.

Более поздние греческие авторы Аристокреон и Бион, побывавшие в Мероэ, значительно подробнее сообщают о стране "перебежчиков". По словам Плиния, "Аристокреон упоминает город Толле, лежащий на расстоянии пяти дней пути (к югу) от Мероэ, и другой — на 12 дней пути дальше, под названием Эзар, населенный египтянами, бежавшими от Псамметиха. Когда он писал, еще 300 человек из них жило там (!). На противоположной, "аравийской" стороне (т.е. на восток от Нила.— Ю. К.) они населяли город Даро...".

Археологи обнаружили в этих краях (южнее нынешнего Хартума, в долине Голубого Нила, у Сеннара, в Гебель-Моя, в г. Кости на Белом Ниле, в устье р. Собат, в Междуречье (Те-зире), а также в Кордофане) ряд мелких изделий напатского и, возможно, египетского происхождения VIII VII вв. Эти поселения входили в область древнеегипетской, а позднее-мероитской цивилизации. Вражда между правящими династиями Египта и Судана отнюдь не препятствовала укреплению связей между двумя братскими странами, тем более что в Верхнем Египте продолжала существовать оппозиция саис-ским фараонам и их северным друзьям, мечтавшая о возвращении благочестивых фараонов Напаты.

Хотя в рассказе Геродота имеются легендарные элементы (неправдоподобно большая численность "перебежчиков", анекдот об их остроумном, но грубом ответе Псамметиху), в основе рассказа, очевидно, лежит подлинный факт. Надпись Несгора (или Несухора), правителя Элефантины при фараоне Априи (589 — 570), рассказывает о другом подобном же случае.

Известная напряженность в отношениях Саиса и Напаты сохранялась и в царствование преемника Нехо и предшественника Априи — Псамметиха II. По сведениям Геродота, этот фараон "царствовал в Египте всего шесть лет. Он совершил поход в Эфиопию и вскоре затем скончался. В обнаруженной в Ханнине стеле, датируемой 3-м годом царствования Псамметиха II, сохранилось донесение: "Пришли сказать его величе-

ству в 3-й год его вступления на престол (доел, коронации): "Страна кушитов... замыслила сразиться..." " В конечном счете в поход против Напаты выступили войска Псамметиха II, в том числе греческие и карийские наемники, переброшенные сюда, по словам Аристея, из Палестины.

Априя (в Библии — Хофра) Геродот считает самым счастливым из царей Саисской династии после его деда Псамметиха I. Тем не менее он лишился престола, а затем и жизни в результате восстания своих подданных. В его царствование в вооруженных силах Египта все более разгоралось соперничество между египетской военной кастой и наемниками: греками-ионянами, карийцами, ливийцами и др., и этим соперничеством пользовались как правители Напаты, так и другие враги царя. Выше уже сообщалось о походе Псамметиха II в Нубию, который, по Геродоту, можно датировать 588 г. Греческий историк не говорит о результатах похода; судя по всему, он не увенчался успехом.

На севере, в Финикии и Иордании, вавилоняне осадили Тир и разгромили царства Аммон и Моав, союзные с Египтом. Мидия и Лидия, другие возможные союзники Саиса, были заняты длительной взаимной борьбой, которая закончилась в 585 г. до н.э. мирным договором между ними, заключенным при активном посредничестве Вавилона. Сознывая полную безрезультативность дальнейшей борьбы с Вавилоном за Сирию, Палестину и Иорданию, Априй в 582 г. заключил мир с вавилонским царем Навуходоносором. Таким образом была создана система международного равновесия между крупнейшими державами Ближнего Востока. Этими державами были: Нововавилонское, Мидийское и Лидийское царства в Передней Азии, Египетское и Напатское царства в Северо-Восточной Африке. В Магрибе консолидировала силы еще одна держава — Карфаген, куда устремлялась финикийская эмиграция.

Согласно условиям мира 582 г., Египет отказался от всех претензий на свои бывшие азиатские владения и признал здесь владычество Вавилона. Более того, Саис выдал Вавилону нашедших убежище в Египте иудеев и, вероятно, прочих своих союзников из Финикии и Иордании. Прекрасная Нейтакерт (Нитокрис), царица Саисская, должна была стать женой престарелого царя Навуходоносора. Тир, последний союзник Египта в Финикии, еще продолжал сопротивление, но, не получая поддержки из Египта, в 575 г. признал свое поражение и власть вавилонского царя. Геродот слышал какие-то рассказы о походах Априя на город Сидон и его морских сражениях с тирским царем. Если сведения Геродота верны, то Априй обратил оружие против своего бывшего союзника Тира как друг Навуходоносора. Не стал ли Египет при Априй младшим партнером по союзу с Вавилоном?

Но Египет был еще достаточно силен для активной внешней политики. На северо-восток путь ему преграждали вавилоняне, на юг — войска Напаты; но оставалось еще западное направление экспансии, в сторону ливийских племен, Кирены и финикийских колоний в Африке, лишившихся поддержки своей азиатской метрополией. Сюда, на запад от Саиса, и двинул свои войска фараон. Довольно легко ему удалось захватить оазис Амона (Сива), где его сановник Уахибранофер основал сильную крепость. Эта крепость могла служить опорной базой для завоевания Мармарики (область восточнее Кирены). Однако крепостные стены никогда не могли заменить боеспособности войск, а в армиях Априя в этом плане дело обстояло весьма неблагоприятно. Уже упомянутая выше эфептинская надпись Несгора сообщает о заговоре иностранных наемников: ливийцев, ионян и выходцев из Азии, которые замыслили дезертирство и бегство в Нубию. По-видимому, их подбивали на это агенты Напаты. Несгор раскрыл заговор, арестовал его участников и отправил их на суд к фараону, который предал их казни. Возможно, Априй в это время уже планировал поход против греков и ливийцев Киренаики. Собрав отряды египтян — членов военной касты, Априй двинулся в поход на Ливию. Об этом походе сообщает Геродот. Его рассказ прекрасно передает обстановку в Ливии, подвергшейся

экспансии одновременно греков-дорян и саисских фараонов. В царствование третьего киренского царя династии Баттитов, Батта II Счастливого, в Киренаику резко усилился приток греческих переселенцев, "ибо киренцы приглашали к себе поселенцев, обещая переделить землю". В согласии с их желанием, "пифия побудила изречением оракула всех эллинов отплыть в Ливию... Изречение оракула гласило:

"Кто слишком поздно придет в вожделенную Ливии землю,
После раздела земли, пожалуй тому горько придется".

Итак, в Кирену собралось много людей, которые принялись отнимать у соседних ливийцев большие участки земли. Тогда ограбленные и смертельно обиженные, ливийцы и царь их по имени Адикран отправили послов в Египет и отдались под защиту египетского царя Априя. А тот собрал большое египетское войско и послал его против Кирены. Киренцы же, выступив походом в местность Ирасу и к источнику Феста, напали на египтян и в сражении одержали победу... Египтяне... потерпели столь страшное поражение, что лишь немногим из них удалось спастись. Виновником своего поражения египтяне считали Априя...". В другом месте Геродот, говоря о поражении войск Априя в войне с киренцами, добавляет, что "египтяне за это распалились на царя и подняли восстание, так как полагали, что он, желая извести их, намеренно послал на явную гибель, чтобы самому более надежно править над остальными".

По-видимому, не случайно все военные предприятия Априя заканчивались поражением: он не пользовался доверием солдат, будь то египтяне или иностранные наемники. Такие правители не бывают и добрыми союзниками, как в этом уже успели убедиться иудеи, финикийцы, моавиты и, надо полагать, ливийцы.

О восстании египетских воинов против фараона Априя сообщают Геродот и элевантинская надпись руководителя повстанцев Яхмоса (Амасиса у Геродота). Геродот довольно подробно описывает начало восстания, передавая враждебную Априю традицию. Оба источника единодушны в том, что опорной базой Априя в этой войне был Нижний Египет со столицей Саисом, а основным очагом восстания — Верхний Египет с древними Фивами. Априй для подавления восстания на вербовал многочисленное (по Геродоту, тридцатитысячное) наемное войско из карийцев и ионян, тогда как Яхмос опирался на патриотически настроенное туземное воинство. "Итак, Априй шел войной на своих же египтян, а Амасис — против чужеземных наемников".

В том же духе составлена и надпись Яхмоса. Однако оба источника ни словом не обмолвились о державах, которые стояли за спиной борющихся сторон. За Априя был его зять Навуходносор. Естественно предположить, что за Яхмоса встал царь Напаты, который обеспечил повстанцам надежный тыл.

Долгое время гражданская война в Египте шла с переменным успехом. Геродот говорит лишь о битве у г. Мемфиса на западе Дельты, где "наемники храбро сражались, но все же потерпели поражение". Надпись Яхмоса сообщает сначала об успехах Априя в Дельте, затем о победе войск Яхмоса на западе Дельты, далее о новом наступлении войск Априя и, наконец, об их окончательном поражении и гибели самого Априя. Смерть фараона здесь описана не так, как у Геродота, но в обоих случаях подчеркиваются посмертные почести, которых был удостоен этот правитель.

В самый разгар восстания на помощь Априю в Египет вторгся со своей непобедимой армией Навуходносор. Хронология событий в разных источниках указана с разной степенью точности, но расхождения не превышают двух-трех лет. По Геродоту, война Египта с Киреной и начало восстания египетских воинов против Априя произошли через 56 — 57 лет после официальной даты основания Кирены и воцарения Батта I, т.е. примерно в 570 г. Надпись Яхмоса, датированная десятым месяцам 3-го года его царствования, говорит о провозглашении его фараоном в 569 г., где-то до августа.

Согласно библейской традиции, пророк Иезекииль произнес пророчество о грядущих испытаниях египтян, отданных богом Яхве мечу Навуходоносора, в первый день первого месяца 27-го года плена вавилонского, т.е. 26 апреля 571 г. Наконец, надпись Навуходоносора говорит о вторжении его армии в Египет на 37-м г. его царствования, т.е. в 568 — 567 гг. Из надписи можно понять, что вавилоняне сражались против Яхмоса-Амасиса (Амасу) вместе с греками. На основании этих данных советский ученый В. А. Белявский, большой знаток истории древнего Востока, сделал обоснованное предположение, что армия Навуходоносора пришла на помощь Априю в 568 - 567 гг.

Об этом походе сообщает книга пророка Иезекииля, где говорится о бедствиях земли Египетской, разоряемой Навуходоносором. "Я сделаю,—говорит Яхве,—землю Египетскую пустыней из пустынь от Мигдола (в Дельте.—Л?. А") до Сиены, до самого предела Куша... Навуходоносору, царю вавилонскому, даю землю Египетскую, чтобы он собрал богатство ее и произвел грабеж в ней... и это будет вознаграждением его войску... И пойдет меч на Египет, и ужас распространится в Куше, когда в Египте будут падать пораженные, когда возьмут богатства его, и основания его будут разрушены. Куш, и Ливия, и Лидия, и весь смешанный народ, и Хуб, и сыны земли завета вместе с ними падут от меча... Падут подпоры Египта, и упадет гордыня могущества его; от Мигдола и Сиены будут падать в нем от меча... В тот день пойдут от меня вестники на кораблях, чтобы устроить беспечных сынов Куша, и распространится ужас среди них..."

Беспечные сыны Куша и ливийцы, сраженные вавилонскими мечами, ужас в Куше, которому грозила участь Египта,— вот характерные приметы времени пророчества. Вряд ли вавилонские войска вместе с наемниками Априя поднялись по Нилу до границ Напатского царства, после того как они взяли и разграбили Фивы; тем не менее слова Иезекииля как будто бы подтверждают предположение о том, что за спиной Яхмоса и возглавляемых им патриотических элементов военной и жреческой каст стояли благочестивые цари Напаты.

Но и на этот раз царям Двуречья не удалось закрепиться в долине Нила. Навуходоносор со своими войсками покинул Фивы, а затем возвратился в Вавилон, а Яхмос и его сторонники овладели всем Египтом. Новый фараон сумел примириться и с вавилонянами, и с ионийскими греками, которым позволил основать в Дельте автономную городскую общину Навкратис. По-видимому, с помощью ионян Яхмос восстановил египетский флот на Средиземном море и, по словам Геродота, "завоевал также впервые остров Кипр и заставил остров платить ему дань". С Вавилоном, где после смерти Навуходоносора в октябре 562 г. началось "смутное время", Яхмос заключил мир. Отношения Египта с Напатай оставались при Яхмосе мирными, если не дружественными.

Между тем неустойчивое равновесие пяти крупных держав на Ближнем Востоке буквально держалось на волоске. Нововавилонское царство, зажатое между Мидией и Египтом, развило экспансию в единственно возможном направлении — южном. Вавилонский царь Набонид (556-539) захватил почти весь Хиджаз до Ятриба (теперь Медина) включительно и сделал своей резиденцией город-оазис Тайма. Уже добрая половина Аравии принадлежала вавилонскому царю, и, найди он достойного преемника, остальная, юго-восточная половина полуострова также покорилась бы Вавилону. Но дни Нововавилонского царства были уже сочтены. Над ним самим нависла угроза иноземного завоевания. В 539 г. Вавилон был захвачен персами.

Захватив Вавилон, персы унаследовали его претензии на господство в Аравии. Арабы Сирийской пустыни стали подданными Персидской державы. Однако царь набатеев сумел настолько укрепить свои позиции и расширить владения Наба-тейского царства, что оно обрело статус не завоеванной провинции или вассального владения, но "союзного государства"-сателлита мировой империи Ахеменидов. Согласно Геродоту, во время похода персов на Египет в 525 г. царь арабов-набатеев заключил с царем Камбизом

союз и предоставил ему вьючных верблюдов и бурдюки с водой.

Геродот подчеркивает, что "арабы (Хиджаза и расположенных далее на юг областей.—Ю. К.) никогда не были под игом персов. Они стали, однако, друзьями персов после того, как пропустили Камбиза в Египет через свою землю". "Отец истории" строго различает подданных и сателлитов Ахеменидской империи. К числу первых он относит египтян, народы Средней и Малой Азии и пр., ко вторым — арабов, ливийцев, киренских греков, "эфиопов, живущих на границе с Египтом", а также колхов Грузии; первые платят подать, вторые же приносят ежегодные "дары", или дань. Впрочем, размер этой дани был достаточно велик: "эфиопы" платили персам два хойнкха (около 2,2 кг) золота через год. Эти сведения относятся к царствованию Дария, когда Египет был в третий раз завоеван персами после восстания и фактического отделения от Ахеменидской империи. Пока в Верхнем Египте царствовал враг Ахеменидов Хамбаба, возможно поддерживаемый из Напаты, ни о какой власти персов в Нубии не могло быть и речи. Но Дарий имел основания включить в свой полный титул и название Киза (Куш), а также Раи(п)Иуа (Пунт) и МасIуа(беджа)⁵³. Эта формула в известной надписи Накш-и-Рустам относится к 486/485 г.

Ки!а и РашШуа наряду с Египтом, Аравией, Грецией, Скифией, Хорезмом, Индией и прочими подвластными Ахеменидам странами упоминаются также в открытой в 1935 г. "анти-дэвовской" надписи Ксеркса. В ней содержится характерная формула подчинения народов "царю царей", который установил для них закон и наложил на них дань.

При раскопках в Сузах в 1929 г. была найдена трехязычная надпись Дария I (522 — 486), а в 1972 г.—каменные плиты с надписями этого царя на эламском и аккадском языках и величественная статуя Дария I с надписями на древнеперсидском, эламском, аккадском и египетском языках, вырезанными на складках его одежды и на базе статуи. Эта статуя была изготовлена в Египте, и египетский текст, начертанный на ней, самый пространственный. В этих надписях мы также находим перечень стран и народов, подвластных Ахеменидам. Среди них названы Египет, Аравия, Куш и Ливия.

Однако не дань была главной целью владычества сказочно богатой державы Ахеменидов в Нижней Нубии и претензий на реку Куш и страну беджа. Согласно Геродоту, сателлиты персов участвовали в их походах, причем арабы и "эфиопы, живущие южнее Египта", имели общее командование. По-видимому, персидские "цари царей" отводили сателлитам особую роль в своих завоевательных планах.

Начиная с 525 г. Египет — этот наиболее удобный мост между Средиземноморьем и Тропической Африкой — становится плацдармом для экспансии мировых империй в глубины Черного материка. В свою очередь благодаря совместному участию в мировой политике народы Африки устанавливали через посредство империй или минуя их косвенные связи с народами Кавказа, Средней Азии, Северного Причерноморья, бассейна Дуная.

Завоевав Египет, персы намеревались продолжить свою экспансию на Африканский материк. Геродот сообщает: "После этого Камбиз задумал три похода: на карфагенян, на аммониев (ливийцев оазиса Сива. — Ю. К.) и на долговечных эфиопов (мероитов.— Ю.К.)". Однако персидская армия, посланная из Египта в Ливию, целиком погибла в песках Сахары, засыпанная самумом. Не состоялся и морской поход против Карфагена, потому что, по словам Геродота, финикийцы отказались сражаться против своих африканских соплеменников — карфагенян, тогда как "вся морская мощь персидской державы зависела от финикийцев".

Конечно, финикийцы не посмели прямо заявить свой отказ: персы жестоко наказали

⁵³ Крупнейший итальянский эфиопист К. Конти-Россини принял на веру хвастливое заявление "царя царей", но его соотечественник У. Моннере де Вилляр справедливо указал, что упоминание Куша, Пунта и беджа вместе с Египтом в Накш-и-Рустам не более чем условная формула, выражающая претензии Ахеменидов на "египетское наследство" в Северо-Восточной Африке.

бы послушников. Но нежелание финикийцев воевать "против своих детей" в Северной Африке не могло не тревожить Камбиза, тем более что в Иране в то время (около 520 г.) начались мятежи, которые в конце концов привели к свержению и насильственной смерти этого царя.

Что касается попытки персов покорить Мероэ (в 524/523 г.), то их армия возвратилась в Египет, понеся огромные потери. Лишь племена Северной Нубии, о которых говорилось выше, вошли в сферу политической власти Ахеменидов, сохранив полную внутреннюю автономию. Судя по приведенным выше сообщениям Геродота, они обязались поставлять персам "дары" и вспомогательные войска, но избежали прямой оккупации и тирании сатрапов.

Несмотря на участь, постигшую персидское войско в песках Сахары, передает Геродот, "соседние с Египтом ливийцы в страхе, как бы их не постигла участь Египта, без сопротивления покорились персам, сами наложили на себя подать и послали царю дары. Так же поступили киренцы и баркейцы, устранившись, подобно ливийцам. Камбиз милостиво принял дары ливийцев, дарами же киренцев остался недоволен, как я думаю, потому, что они были ничтожны, ведь киренцы послали царю всего 500 мин серебра".

Надо полагать, что вожди ливийских племен стремились заручиться у персов поддержкой в постоянной борьбе против своих соседей, и особенно против киренских и баркейских греков. Что касается правителей Кирены и Барки, то они, подобно правителям некоторых греческих полисов Малой Азии, искали у персов помощи в борьбе против своих собственных подданных, мечтая об установлении в полисе монархических порядков. Маленькая Кирена в VI—V вв. была средоточием всевозможных этнических и социальных противоречий: между греческими колонистами и коренным берберским населением, которое вытеснялось со своих земель либо превращалось в зависимое и эксплуатируемое крестьянство; между потомками выходцев с различных островов и полуостровов Эллады-Тенара (Пелопоннеса), Феры, Крита, Самоса и других; между царской семьей и олигархией, знатью и демосом, наконец, между отдельными членами царской семьи.

После смерти победителя египтян Батта II Счастливого в Кирене начались смуты. Сын и преемник Батта Аркеси-лай II (ок. 560—550) "сначала ссорился со своими братьями, пока те не покинули Кирену. Они удалились в другую местность Ливии и там на свой страх и риск основали город... Барка... Во время основания города братья подстрекали ливийцев восстать против Кирены. После этого Арке-силаи пошел походом против ливийских племен, которые приняли его братьев, и на самих мятежников. В страхе перед ним ливийцы бежали в область восточных ливийских племен. Аркесилай преследовал беглецов до местности Левкои. Там ливийцы решили напасть на него. В сражении киренцы были разбиты наголову: 7000 их гоплитов осталось на поле боя. После этой неудачи Аркесилай занемог. Когда царь выпил лекарственного снадобья, его задушил брат Леарх. Леарха же коварно умертвила жена Аркесилая по имени Эриксо". Далее Геродот рассказывает, как сын и преемник на престоле Аркесилая II Батт III Хромой (ок. 550 — 530), на редкость слабый правитель, согласился на введение конституции. Царь сохранил жреческие функции и обязанности номинального главы государства, а также земли старого царского домена и жреческие доходы; все остальные прерогативы царской власти стали "достоянием народа", прежде всего олигархического совета и народного собрания трех фил. Состав фил, на которые теперь была разделена территория полиса, и его населения в известной мере соответствовал традиционному делению колонистов на тенарцев, ферейцев и жителей островов Платея и др.

Однако следующий после Батта III царь, Аркесилай III (ок. 530 — 515), восстановил неограниченную царскую власть, "преимущества и владения его предков". Он "выдал Камбизу Кирену и платил ему подать". "В происшедшей затем междуособной борьбе Аркесилай потерпел поражение и бежал на Самос, а его мать (Фератима.- Ю.К.)-в

Саламин на Кипре". Феретима была энергичной женщиной, она обратилась за помощью сначала к царю Кипра, затем к персидскому сатрапу Египта Ариану, но Аркесилай ее опередил: он на вербовал на Самосе ополчение греков, которых обещал наделить землей в Кирене. Ему удалось захватить родной город и расправиться с оппозицией. Но в Барке, где царствовал его родственник и тесть Алазир, он был убит местными жителями и киренскими изгнанниками.

Феретима вторично покинула Кирену и отправилась в Египет просить помощи против баркейцев. Ариан послал против Барки флот и войско. "Персы приступили к осаде города и потребовали выдачи виновников убийства Аркесилая. Но так как весь народ баркейцев был причастен к убийству, то горожане отвергли это требование. Осада Барки после этого продолжалась девять месяцев". Геродот сообщает полулегендарные сведения об осаде, которые не дают представления об истинном положении в городе. Было бы слишком смело видеть в фигуре кузнеца, который отличился при обороне города, обнаруживая подкопы врага, олицетворение демократических слоев, не желавших покориться иноземным агрессорам и героически отбивавшим все приступы врагов. Однако можно предположить, что "баркейцами, желавшими мира" с персами и согласившимися на предложенные ими условия, а затем уговорившими своих сограждан сдать город, были Баттиды и другие аристократы. Но командующий персидскими (на деле, очевидно, в основном египетскими) войсками Амасис нарушил условия капитуляции.

Убийцы Аркесилая были выданы Феретиме, которая расправилась с ними поистине с варварской жестокостью. "Остальных горожан она отдала персам для продажи в рабство, кроме потомков Батта и людей, не виновных в убийстве Аркесилая". Угнанных в плен жителей Барки персы поселили на границе Средней Азии, в Бактрии, в специально основанной для них деревне. На обратном пути персидско-египетская армия подверглась нападению ливийцев, которые "убивали отстающих и медленно двигавшихся из-за одежды и поклажи воинов". Баттиды остались правящей династией Барки, но теперь уже как вассалы и данники персидского царя. По-видимому, власть Баттидов в этом полисе значительно возросла, как и власть киренских Баттидов. Геродот специально отмечает, что на западе персидские завоеватели не дошли далее Эвесперид (в районе нынешнего Бенгази).

Поход сухопутной армии, поддержанной действиями флота, на берега Большого Сирта, завершившийся взятием укрепленного города Барки, должен был произвести сильное впечатление на финикийские города Триполитании и Туниса. Здесь нередко складывалась политическая ситуация, подобная той, воспользовавшись которой ахеменидский сатрап смог присоединить к своим владениям два греческих полиса в Ливии. И наверняка в пунических (афро-финикийских) полисах имелись социальные элементы, готовые продать свободу и независимость своей родины только что появившейся мировой державе, как это сделали Баттиды.

Теперь только залив Большой Сирт отделял пуническую Северную Африку от африканской сатрапии великой Ахеме-нидской державы.

Эту шестую сатрапию Ахеменидов, по Геродоту, составили Египет, Нижняя Нубия и Киренаика; ее столицей был Мемфис. По-видимому, ливийские племена Киренаики и Мармарики все же платили дань мемфисскому сатрапу и выставляли по его приказу вспомогательные войска. Когда в 484 г. Ксеркс двинул свою разноплеменную армию против европейских греков, в нее входили кроме азиатских отряды египтян, "эфиопов", соседствовавших с Египтом, вооруженных копьями с кремневыми наконечниками, арабы, пешие и верхом на верблюдах, и ливийцы под командованием своего вождя Масага, сына Оариса, пешие и на колесницах.

Угроза персидского завоевания, по-видимому, встревожила все африканские государства. Возможно, она способствовала сплочению пунических городов-государств

вокруг Карфагена. "Северная угроза" заставила царей Напаты перенести свою резиденцию на юг, в Мероэ. Здесь в середине 1-го тысячелетия еще существовали густые галерейные леса на берегах Нила и Атбары, а вокруг них широко раскинулись высоко-травные и акациевые саванны, где коровы и овцы находили обильный корм, а люди— ценные естественные продукты: смолы акаций (гумми), плоды баобабов, тамариндов. Здесь же были открыты залежи железных руд. Удобные дороги вдоль рек вели из Мероэ на север - в Нубию и Египет, на восток - в области Эфиопского нагорья и плато Тигре, на запад и юг - в глубь Африки.

Трудно сказать, когда Мероэ окончательно стал столицей древнего суданского государства. В начале VI в. царь Аспелта, по-видимому, уже имел там резиденцию, так как к его правлению относятся некоторые найденные в Мероэ предметы и его имя высечено на каменных блоках и колоннах царского дворца.

Наверное, значение Напаты еще больше пало после разгрома, учиненного разноплеменной армией Псамметиха II в 591 г. Начиная с правления Маланакена (середина VI в.) некоторые царские жены, возможно умершие при жизни своего обожествляемого супруга, погребались вблизи Мероэ, а другие-рядом с царями в Напате, в знаменитом некрополе Нури. Вплоть до смерти царя Настасена (около 320 г.) Нури служил местом погребения мероитских царей, а затем их стали хоронить рядом с их главной резиденцией в Мероэ. Но едва ли не до конца 1-го тысячелетия Напата оставалась главным религиозным центром мероитов. Здесь оракул Амона избирал нового царя, здесь же царь короновался.

В середине V в. Геродот назвал Мероз "большим городом" и "метрополией... эфиопов". Данные археологических раскопок подтверждают эту характеристику. Хотя раскопана лишь часть древнего города, поражает великолепие дворцов и храмов (уже открыто шесть храмов, посвященных Исиде, Амону, Солнцу, богу-быку Апису и богуньву Апедемаку). Храм Солнца, о котором писал Геродот, с его "Солнечным столом" сравнительно хорошо сохранился и до сих пор производит сильное впечатление великолепием и продуманной планировкой на местности.

Другой храм, Амона Мероитского, имел в длину 120 м! Очевидно, он копировал храм Амона Напатского, который в свою очередь был связан своим происхождением с крупнейшим в мире храмом Амона Фиванского (Карнак). Недалеко от царского дворца найдены остатки набережной из отесанных каменных плит. Очевидно, здесь находилась речная пристань, сооруженная по египетскому образцу.

Должно быть, в Мероэ в течение VI в. переселилась значительная часть населения Северной Нубии, ресурсы которой были истощены традиционным способом ведения сравнительно экстенсивного скотоводческо-земледельческого хозяйства и которая страдала от вражеских нашествий. Население области Напаты и всей Северной и Средней Нубии значительно уменьшилось и вновь начало возрастать лишь в первые века нашей эры. Эта территория, обезлюдившая и знойная, не представляла самостоятельной ценности для правителей Египта - Ахеменидов и фараонов эфемерных XXVIII-XXX династий (404 — 343 гг.). Она могла иметь значение лишь как узкий и длинный, но не самый близкий коридор из Передней Азии и Египта в Тропическую Африку.

Ахемениды, владевшие Египтом в 525-460, 454-404 и 343 — 331 гг., не оставляли планов расширения границ своей державы в Аравии и Африке. Возможно, с этой стратегической целью были связаны грандиозные морские экспедиции: при Дарий (ок. 518—516 гг.), когда малоазийские моряки исследовали аравийские берега, и при Ксерксе (ок. 470 г.), когда египетские моряки были отправлены с ахеменидским принцем Сатаспом в плавание вокруг Африки.

Некоторые ученые предполагают, что неудача последнего плавания (за которую Сатасп заплатился головой) отчасти объяснялась дезинформацией, ловко организованной карфагенянами.

Карфаген в мировой политической системе VII — IV вв.

Основанный выходцами из Тира в последней четверти VIII в., Карфаген быстро оформился как независимый полис. Население его составляло гражданскую общину — амм. Вероятно, в ранний период Карфагеном правили цари. Но уже в VII-VI вв. их место заняли ежегодно избираемые шуфеты, или суффеты (ср. древнееврейское "шофетим" — судьи), которые напоминают римских консулов. Наряду с шуфетами существовал сенат, назначавший из своей среды верховный совет 30-ти, трибунал 104-х, несколько пентархий (коллегий из пяти человек). В IV в. большую роль играл олигархический совет десяти, избираемый, по Аристотелю, из богатейших и знатнейших граждан. Народное собрание в Карфагене было бессильно перед лицом олигархии и диктатуры. В середине VI в. верховную власть в полисе захватил полководец Малх, затем на нее претендовали Магониды, исключительно даровитая семья полководцев. Вооруженные силы до середины VI в. составляло народное ополчение, позднее — армия наемников, рекрутов и "союзников".

Карфагеняне подчинили окрестное ливийское население и обложили его рентой-налогом в размере десятой части урожая. "За уплату десятины... в Ливии... отвечал "город"-община, к которой была приписана земля"⁵⁴. В связи с этим И. Ф. Шифман отмечает: "В пунийских надписях дошли упоминания об общинах, названных по имени храмов, от которых они зависели (богов.-А?./<Г.),-Мелькарта и Аштарт... Вряд ли можно сомневаться в том, что храмы принимали непосредственное и, надо думать, значительное участие в эксплуатации ливийского крестьянства"⁵⁵. В то же время, кроме малодостоверного сообщения о 20 тыс. "рабов", которых мог вооружить знатный карфагенянин Ганнон, и ряда упоминаний "божьих рабов" (иеродулов), в надписях нет никаких данных, которые позволили бы говорить о господстве рабовладельческой эксплуатации в сельском хозяйстве или ремесле Карфагена.

Территория Сахилия и долина р. Награда, постепенно захваченные Карфагеном, отличались в древности исключительным плодородием. По словам Геродота, урожай пшеницы составлял у эвесперитов сам-сто, а по р. Киноп — сам-триста. Когда в 310г. в африканские владения Карфагена вторглись греки сиракузского тирана Агафокла, они были поражены богатством этого края. Вот как передает их рассказы Диодор Сицилийский: "Агафокл... повел войско против так называемого Мегалопо-ля, принадлежавшего карфагенянам. Находившаяся по дороге страна, через которую они проходили, изобиловала садами и различными посевами, была пересечена многоводными каналами, орошавшими каждое место. Поселения следовали одно за другим; они были застроены роскошно украшенными домами, показывавшими богатство их владельцев. Дворы же были наполнены всем предназначенным для наслаждения, как бы указывая на богатство местных жителей плодами, накопленными во время длительного мира. Что касается земли, то часть ее была засажена виноградниками, часть — маслинами и была наполнена другими плодовыми деревьями. В других районах на равнине паслись стада коров, а ближайшие луга были наполнены пасущимися лошадьми. Вообще же в этих местах было всякого рода богатство, так как знатнейшие из карфагенян захватывали владения и старались отличиться богатствами, предназначенными для наслаждений". Высокоразвитое для своего времени карфагенское земледелие описано местным агрономом Магоном, труд которого позднее был широко использован римскими агрономами Кассием Дионисием, Варро-ном, Плинием Старшим, Колумеллой. В своем труде Магон упоминает наемных сельскохозяйственных рабочих. В надписях есть

⁵⁴ Шифман И. Ш. Рабство в Карфагене.- В кн.: Рабство на периферии античного мира. Л., 1968, с. 248.

⁵⁵ Там же, с. 254.

сведения о "полусвободных производителях" ("обед"), в частности иностранцах, игравших какую-то роль в ремесленном производстве Карфагена.

Устойчивая экономическая база в виде высокоразвитого земледельческого производства, основанного преимущественно на эксплуатации плативших ренту берберских крестьян-общинников, давала Карфагену важное преимущество перед другими финикийскими колониями в Западном Средиземноморье, не имевшими (как Гадес) или почти не имевшими сельской округи.

Между тем захват ассирийцами Финикии в VIII в. лишил эти колонии поддержки метрополии, в том числе наиболее пострадавшего от ассирийцев Тира. Теперь Карфаген занимает место гегемона и в VII в. один за другим подчиняет себе финикийские города Африки и Европы. Вслед за тем карфагеняне выводят новые колонии на южноевропейские острова и в Испанию и даже пытаются обосноваться в Италии. В VIII—VII вв. на арене мировой истории возникла мощная Карфагенская держава, одновременно морская и сухопутная, которой принадлежали обширные прибрежные равнины на Севере Африки, Пиренейском полуострове и на островах Западного Средиземноморья.

Параллельно с ростом державной мощи Карфагена и в связи с ним расцвела карфагенская торговля. На востоке торговыми партнерами карфагенян являлись финикийцы, египтяне, греки, позднее— персы. В Карфагене найдено множество египетских изделий, в том числе относящихся ко времени XXVI династии: скарабей с именем Псамметиха I (664-610), погребальная статуэтка Нехо II (610-595), скарабей с именем Псамметиха II (695 - 589), а также скарабеи с именами фараонов Древнего и Нового царств и др. Открыто много греческих керамических изделий VII-VI вв., этрусских ваз, а также архаичная этруская надпись на табличке из слоновой кости. Торговая экспансия Карфагена подкреплялась военной силой. Она встречала сопротивление древнего иберо-испанского царства Тартес (Таршиш) и греческих государств. Среди последних наиболее сильными были Киренское царство, Сиракузы на Сицилии и Массилия (ныне Марсель) в устье Роны - самое западное из древних греческих государств, основанное около 600 г. Массилия вела прибыльную торговлю в Западном Средиземноморье, конкурируя с финикийцами. Массилиот Эвтимен, пройдя Геракловы Столбы и совершив плавание на юг вдоль берегов Африки, достиг Сенегала, реки, в которой водились те же животные, что и в Ниле: бегемоты и крокодилы. Это плавание произошло не позднее 530 г., так как позже карфагеняне безраздельно контролировали выход из Средиземного моря в Атлантику, а их союзники — этруски в Италии — помогали Карфагену в борьбе с греками. Римляне, свергнув этрусскую династию царей Тарквиниев и выйдя из Этрусской конфедерации, тем не менее по договору 510/509 г. признали закрытие Гибралтарского пролива для всех судов, кроме карфагенских.

С конца VI в. у Карфагена и этрусков появился новый могучий союзник - Ахеменидская держава, которой теперь принадлежала как Финикия, так и восточноэгейская прародина этрусков. Затем персы захватили Фокею — метрополию массы-лиотов и начали борьбу за подчинение всех греческих полисов Эгеиды и Балкан. В это время греки-доряне предприняли попытку перейти в наступление на Карфаген. В конце VI в. спартанский царевич Доризй основал колонию в устье р. Киноп (теперь Вади-Умирре в Ливии), в 26 км восточнее Лептиса. Граждане последнего, обеспокоенные столь близким соседством греков, обратились за помощью к Карфагену. В результате завязавшейся борьбы Лептис утратил независимость, берберы-макситане стали союзниками Карфагена, спартанцы покинули Африку, а Карфагенская держава установила общую границу с Киренским царством. Спустя некоторое время Доризй со своими спартанцами и другими дорянами высадился в Сицилии, где основал колонию Гераклея, но после продолжительной и упорной борьбы был разгромлен; Гераклея была

разрушена.

Около 500 г. персидский царь Дарий I направил в Карфаген посольство. Полный легендарных подробностей рассказ Юстина говорит, что персы держались крайне высокомерно, требуя признания Карфагеном власти Ахеменидов; тем не менее они достигли частичных успехов. Персидские послы предложили карфагенянам совместные военные действия против греков. Лет через 20, во время подготовки Ксерксом нового похода против греков, персидский царь, как сообщает Диодор, "направил послов к карфагенянам с предложением вести совместные действия и условился с ними, что он будет воевать против греков, живущих в Греции, а карфагеняне в то же время подготовят большую армию и будут воевать против греков, живущих в Сицилии и Италии". Это было предложение о разделе Средиземноморья на сферы влияния: восточную, персидскую, и западную, карфагенскую.

Но греки разгромили персов при Платеях, персов и финикийн — в морской битве при Саламине, карфагенян — при Гимере (в Сицилии, около 480 г.) и отстаивали свою независимость. Тем не менее Ахеменидская держава, Карфаген и Этрурия образовали мощный союз, контролировавший большую часть тогдашнего цивилизованного мира, от Пенджаба и Средней Азии до Атлантики и Альп. Союзники продолжали расширять свои владения в разных направлениях, причем карфагеняне продвигались все дальше на север в Испании и на юг в Африке. Карфаген, где происходила ожесточенная борьба между олигархией и знатными полководцами, опиравшимися на плебс и наемные войска, весьма медленно превращался в империю наподобие Римской, которой ему так и не суждено было стать.

Стремясь разрядить социальную напряженность, олигархия прибегла к организованной колонизации, главным образом в берберских районах Африки. В середине VI в. карфагенский диктатор Малх вел победоносные войны против берберских племен. В середине V в. новые войны привели к покорению берберов, населявших нынешний центральный и южный Тунис, Алжир и Триполитанию. К концу VI в. вся северная часть Туниса и Триполитании была покрыта сетью карфагенских городов, поселков и вилл. В Алжире карфагеняне колонизовали все побережье. В глубине страны был основан город Цирта и ряд менее значительных поселений.

Во время своих плаваний в Атлантике карфагеняне заселили восточную часть Канарских островов, где добывали местные красители: лишайник орсель, смолу "драконова дерева"—и вели сельское хозяйство. По сведениям Псевдо-Аристотеля, на расстоянии многих дней пути за Геракловыми Столбами карфагеняне открыли остров, плодородный, лесистый и имеющий судоходные реки. По-видимому, это была Мадейра. Карфагеняне основали на острове поселение, но в дальнейшем плавания сюда были запрещены. В 1749 г. на о. Корву в Азорском архипелаге был открыт клад карфагенских и киренских монет IV—III вв., что может служить свидетельством проникновения карфагенян и на Азорские острова. В конце VI в. карфагенская флотилия под командованием Гимилькона совершила четырехмесячное плавание к Эстримнидским, или Оловянным, островам, под которыми подразумевались полуостров Корнуэльс в Великобритании, мыс Сен-Матьё в Бретани, о. Уэссан и, вероятно, Сорлингенские острова. До того регулярные плавания за британским оловом совершали к Эстримнидам только тартесские корабли. Теперь же Гадес и Карфаген захватили в свои руки атлантический путь к местам добычи олова.

Однако наиболее удобными для колонизации и торговли оставались африканские земли.

Карфагеняне в Западной Африке

В период расцвета Карфагена на океанском побережье Марокко возникают и растут

колонии африканских финикийцев. Появление некоторых из них было связано со знаменитой экспедицией карфагенского флотоводца Ганнона (около 525 г.). Не случайно предполагаемый год отправки этой экспедиции совпадает с годом присоединения Египта к империи Ахеменидов: персидская экспансия в Африку неизбежно должна была форсировать экспансию карфагенян.

О плавании Ганнона вдоль западного побережья Африки существует обширная литература. Здесь мы отметим лишь некоторые результаты этой грандиозной экспедиции, в которой участвовало якобы 60 больших кораблей и 30 тыс. человек под командованием одного из двух царей-суффетов. Она основала семь новых колоний: Фимиатерон, Карийская стена, Гитт, Акра, Мелитта, Арамбис и Керна. Керна, самая южная из них, находилась уже в пределах Тропической Африки, населенной темнокожими "эфиопами". Все остальные колонии были расположены к северу от р. Ликс⁵⁶, т. е. в современном Южном Марокко, на плодородных прибрежных равнинах, где было много слонов и других животных, среди лесов и зарослей тростника. Эти колонии, основанные в удобной для земледелия части Африки севернее Сахары, были земледельческими и ремесленными поселениями. Расположенные на берегу Атлантического океана, они должны были превратиться также в торговые центры.

Керна была основана на острове, параметр которого составлял всего 5 стадий, т. е. 1 км. Местонахождение Керны можно определить из двух указаний "Перипла Ганнона". От страны ликситов карфагеняне "плыли вдоль пустыни (на юг) два дня, а оттуда снова на восток, в глубь залива на целый дневной переход; там был обнаружен небольшой остров, на котором и основали колонию Керна". Два дня плавания вдоль побережья Западной Сахары от устья Ликса приводят к заливу Рио-де-Оро, так как в этой части Африки нет другого залива, по которому карфагеняне могли плыть на восток в течение целого дня. В заливе Рио-де-Оро есть несколько небольших островов, один из которых могли заселить карфагеняне. Впрочем, Керна могла быть не островом, а полуостровом, так как древняя терминология не различала островов и полуостровов.

Другое указание на местонахождение Керны также приводит нас в район Рио-де-Оро. Ганнон так описывает географическое положение Керны: "Мы определили по пройденному пути, что он (остров Керна) лежит по прямой линии к Карфагену; ведь морской путь от Карфагена до Столбов (Гибралтара. -Ю. К.) был равен пути оттуда до Керны". Иными словами, Карфаген и Керна лежали якобы на одном меридиане, что, конечно, ошибка. В то же время приведенную фразу можно понять так: атлантическое и средиземноморское побережья Северной Африки уподобляются равнобедренному треугольнику с вершинами в нынешней Сеуте, Карфагене и Керне, а прямая линия от Керны до Карфагена образует гипотенузу. Если это верно хотя бы в самом грубом приближении (что совершенно несомненно), то Керна действительно должна находиться где-то у берегов Рио-де-Оро.

Конечно, эта колония на крохотном пустынном островке не могла стать земледельческим поселением. Можно только гадать, как ее жители доставали воду: на таком маленьком острове или полуострове не могло быть ни источников, ни колодцев; чтобы не возить воду с материка, следовало устроить цистерны для сбора дождевой воды, но в VI в. дожди вряд ли были здесь столь часты, чтобы этой воды хватало для орошения. Даже если у колонистов Керны были небольшие сады, они не могли самостоятельно обеспечить себя продовольствием. Ясно, что основание Керны было бы бессмысленно, если бы карфагеняне не связывали с ней далеко идущих планов.

Некоторое представление об этих планах дают последующие плавания Ганнона вдоль берегов Западной Африки на юг, отправным пунктом для которых стала Керна. Очевидно, Керне отводилась роль связующего звена между карфагенскими колониями в

⁵⁶ Реку Ликс, по-видимому, можно отождествить с Уэд-Дра. Ее не следует смешивать с другой рекой Ликс, теперь р. Луккус в Северном Марокко.

Северной и Тропической Африке. Кроме того, находясь вблизи прибрежного караванного пути из Южного Марокко по "Золотой реке" в междуречье Сенегал - Нигер, Керна могла стать важным торговым центром. Возможно, так и произошло впоследствии.

В рассказе Ганнона о путешествии во главе карфагенского флота вдоль берегов Западной Африки приводятся названия местных географических пунктов. Между тем в "Перипле Ганнона" говорится, что, начиная примерно с мыса Пальма, путешественники вообще не встречали местных жителей, а только ночью видели огни и слышали звуки барабанов, флейт и крики. С другой стороны, прямо указывается, что местные названия карфагеняне узнали от переводчиков. На эту деталь впервые обратил внимание немецкий исследователь Э.Штехов.

Переводчики были взяты Ганноном в устье Ликса, где обитало племя ликсов, или ликситов, которых "Перипл Ганнона" отличает от "эфиопов", т.е. негроидов, следовательно, ликситы не были негроидами. У Ганнона они названы номадами. Очевидно, это был кочевой скотоводческий народ европеоидной расы, как и более поздние обитатели долины Уэд-Дра. Их родным языком, надо полагать, был берберский, известный некоторым карфагенянам настолько, что они могли понимать ликситов.

Как видно из текста "Перипла", ликситы знали африканские языки и имели некоторое представление о географии гвинейского берега. Правда, когда флот Ганнона находился у берегов нынешней Гвинейской Республики, язык местных "эфиопов" оказался непонятен "даже для ликситов, бывших с нами", т. е. карфагенянами. Но у берегов Тропической Африки карфагеняне узнали, что они "прибыли в залив, который, как сказали переводчики, называется Западным Рогом".

Интересно проследить, как африканцы встречали чужеземный флот. Согласно одному из переводов, ликситы отнеслись к карфагенским мореплавателям спокойно, "будучи друзьями". И.Ш.Шифман переводит иначе: карфагеняне оставались до тех пор, "пока не стали друзьями" с ликситами⁵⁷. Но африканцы, населявшие более южные земли, во всех случаях проявляли враждебность к пришельцам, вступая с ними в борьбу или убегая при их приближении. "Эфиопы", "жившие выше (ликситов)", названы "негостеприимными"; это, возможно, "таррелийские" или "экалийские эфиопы" Юбы II. Плывя вверх по течению р. Хретэс (которая у Аристотеля фигурирует под названием Хреметес и которую следует отождествить с Сенегалом), карфагеняне увидели "горы, населенные дикими людьми, одетыми в звериные шкуры. Эти люди, швыряя камнями, наносили нам (карфагенянам.-Ю. К.) раны, не давая сойти на берег". Оттуда карфагеняне плыли на юг 12 дней вдоль страны, "которую целиком населяли "эфиопы", убежавшие от них и не останавливавшиеся". Затем карфагеняне вообще не видели людей, а только огни, "приносимые отовсюду через определенные промежутки времени, то больше, то меньше", и слышали крики и бой сигнальных барабанов. Персидский флотоводец Сатасп, который утверждал, что он якобы тоже проник далеко на юг вдоль побережья Западной Африки, рассказывал, что, как только его корабль приближался к берегу, туземцы покидали свои "города" и убегали в горы.

Поведение негров побережья Западной Африки позволяет предполагать, что у них уже был горький опыт встреч с пришельцами. В то же время это свидетельствует о неразвитости морской торговли. На северном же побережье африканской Атлантики обмен товарами получил значительное развитие еще в древности. В сочинениях греческих авторов V-I вв. сохранились сведения о торговле, которую вели карфагеняне на африканском берегу Атлантического океана. Так как последние не позволяли другим народам плавать за Геракловы Столбы, то единственным источником информации для греков служили рассказы самих карфагенян, в частности, о "невидимом торге" золотом, которое они приобрели у одного из обитавших там народов. Все описание "невидимого

⁵⁷ См. Шифман И. Ш. Перипл Ганнона и проблема карфагенской колонизации Атлантического побережья Марокко.-"Палестинский сборник", вып. 7. М.- Л., 1962, с. 45.

торга" у Геродота — не что иное, как хитроумный вымысел карфагенских купцов, призванный отбить у греков охоту вторгаться в области карфагенской торговли. Однако африканское происхождение золота, обогащавшего Карфаген, не подлежит сомнению. Неизвестным остается лишь место его добычи. Заманчиво предположить, что по крайней мере часть этого золота происходила из области Бамбук и, может быть, из страны Ашанти, т.е. из тех территорий Западной Африки, которые снабжали золотом Северную Африку и Западную Европу в средние века. Другая известная в древности страна золота находилась на северо-востоке Африки. Возможно, стремление достичь этой земли по морю с запада было одной из целей карфагенских экспедиций в Западную Африку. Знаменитые плавания Ганнона на юг от острова Керна были лишь одними из них. Однако сохранившиеся источники не говорят об участии Керны в торговле золотом. "Перипл Псевдо-Скилака" сообщает лишь, что Керна служила карфагенянам для торговли с "эфиопами", причем карфагенская керамика обменивалась здесь на слоновую кость и шкуры антилоп, предлагаемых "эфиопами" с материка.

Псевдо-Скилак описывает "эфиопов", живущих на материке близ Керны, как всадников, вооруженных луками и метательными копьями, питающихся мясом и молоком. В Уммат-Шегаг, на севере Мавритании (и только в этом единственном месте на всем пространстве от берегов Средиземного моря до Гвинейского залива!), обнаружены наскальные изображения всадников, вооруженных луками. По-видимому, здесь конные стрелки появились независимо от конных стрелков Востока, хотя финикийские моряки имели возможность наблюдать и тех и других. Псевдо-Скилак роняет ценное замечание о характере царской власти у "западных эфиопов" князем они избирали самого высокого. То же самое Геродот сообщал о восточных эфиопах — мероитах, у которых царем признается лишь самый высокий и сильный. Бион и Страбон также говорят о том, что у "эфиопов" Мероз царем избирался наиболее красивый. Если Псевдо-Скилак не просто повторяет Геродота, то он является первым в мировой литературе автором, который указал на физические требования, предъявляемые западноафриканскими неграми к своему священному царю. Вызывает недоумение замечание Псевдо-Скилака о том, что местные "эфиопы" имели виноградники, производили в больших количествах вино и даже продавали его карфагенянам. У Геродота мы также находим описание острова Карависа, или Керавниса (Керна?), поросшего маслинами и виноградом и даже имеющего золотосные пески. По-видимому, это сильно искаженная информация. Во всяком случае виноград и маслины — излюбленные и священные растения финикийцев — возделывались во всех сельскохозяйственных поселениях Карфагена; если они и появились в древности в Западной Африке, то лишь благодаря карфагенянам.

Возможно, отдельные карфагенские колонии были основаны впоследствии на побережье материка против Керны и далее к югу. Страбон, критикуя Эратосфена за "фантастические рассказы", причисляет к ним "упоминание острова по имени Керна и других стран (мест на атлантическом побережье Африки), которые теперь нигде нельзя обнаружить", "слухи о путешествиях финикийцев (которые немного спустя после Троянской войны объехали страны за Геракловыми Столбами и основали там города, так же как и в середине Ливийского побережья)" и "рассказ о том, что в заливах (африканской Атлантики) были древние поселения тирийцев (т.е. финикийцев.-Ю.К.), теперь покинутые, числом не менее трехсот городов, разрушенные фарусиями и нигретами; а эти племена, как говорят, находятся от Ликса на расстоянии тридцатидневного пути". Ко времени Страбона карфагенское поселение на Керне, как и другие пунические колонии южнее Танжера, уже давно исчезли, но сохранилась память о том, что фарусии и нигреты — самые южные из берберских племен Мавритании — некогда разрушили эти поселения. Конечно, о 300 колониях, даже если отождествлять их с простыми селами, не может быть и речи, но гибель финикийских поселений в Атлантике, вероятно, правильно связана с

экспансией фарусиев и нигретов. Следовательно, самые южные из карфагенских поселений должны были находиться на материке значительно южнее Ликса.

Однако несомненно, что основные колонии Карфагена на атлантическом берегу Африки были расположены в современном Марокко, к северу от Сахары.

Археологические материалы установили пока присутствие финикийцев, а затем карфагенян лишь на мысе Кантен и в Могadore (Южное Марокко), а также на Азорских островах. На мысе Кантен было найдено классическое карфагенское погребение начала IV в. В Могadore обнаружены бронзовые и керамические изделия, характерные для Карфагена VI в., т. е. для времени путешествия Ганнона. Бронзовые крючки и фибулы, плоские тарелки и одноручная ваза с крышкой из красной блестящей керамики совершенно сходны с карфагенскими изделиями VI в. На некоторых черепках сохранились карфагенские (пунические) надписи с фрагментами характерных пунических имен. Возможно, это и есть Карийская стена -поселение, основанное Ганноном и упоминаемое также Эфором. Как и поселение у мыса Кантен, оно носило одновременно земледельческий и торгово-ремесленный характер.

Таким образом, карфагеняне плавали в Атлантике по крайней мере до Сьерра-Леоне на юге, Азорских островов на западе и Оловянных (Британских) островов на севере. Есть легендарные сведения и о путешествиях карфагенян через Сахару. Они торговали на морских и караванных путях, основывали земледельческо-ремесленные поселения и торговые фактории, возможно, имели столкновения с коренными берберскими и западноафриканскими племенами. Однако никаких широких завоеваний в глубинных районах Африки Карфаген, по-видимому, не предпринимал, и в этом состояло его существенное отличие от наследовавших ему империй, которое, возможно, свидетельствовало о внутренней слабости Карфагенской державы. В частности, она заключалась в крайней гетерогенности системы составлявших ее обществ. Северная Африка—основная территория Карфагенской державы-до сих пор поражает контрастами между городами Сахеля, горными селениями Атласа и кочевьями Сахары. В средние века противоречия между горожанами, горцами и номадами были здесь одним из важнейших моментов политической истории. Еще 150 — 200 лет назад высокоразвитый позднефеодальный мир Сахеля с весьма заметными элементами капиталистических отношений почти без переходов граничил с раннефеодальным строем Атласа и оазисов Сахары и патриархально-феодальным миром кочевых племен. Нет оснований считать, что в древности различия между приморскими городами, земледельческими племенами и номадами пустыни были менее существенны. В городах, таких, как Карфаген, Лике, Лептис, Утика, кипела торгово-ремесленная и портовая жизнь, высокого развития достигли товарно-денежные отношения, вблизи городов интенсифицировалось земледелие, свидетельством чего являются не только археологические материалы, но и сведения о трудах карфагенских агрономов, сохранившиеся в римской традиции. Однако уже в нескольких десятках километров от городов жили коренные ливийские племена, которые вели в основном натуральное хозяйство и платили Карфагену ренту-налог продуктами своего земледелия. Еще дальше обитали отсталые горные и степные племена, не знавшие классовых отношений и государственной власти.

Сходную структуру расселения этнических групп мы наблюдаем в тогдашней Эфиопии, колонизованной родственными финикийцам этносами Аравии.

Сабей в Эфиопии

Центральную часть Северной Эфиопии занимает плато Тигре — четко очерченная природная область с почти субтропическим климатом, хорошо орошаемая муссонами. С севера, северо-запада и востока она окружена полупустынями, с юго-запада ограничена горными лесами и бушем так называемой охотничьей зоны, с юга-высокими горами

Сэмен, Амхара-Сэйнт и Ласта. Посреди плато возвышаются амба—"столовые" горы с отвесными склонами и плоскими вершинами, служившие естественными крепостями.

Вместе с известной изолированностью, способствовавшей защите от иноземных завоевателей, плато Тигре имело и преимущество географической близости к мировым центрам цивилизации и источникам сельскохозяйственных и природных продуктов. В районе Аркико — Зула лишь узкая полоса прибрежной полупустыни отделяет плато Тигре от Красного моря. В нескольких днях пути под парусами отсюда находились два важнейших перекрестка древних торговых путей: пролив Баб-эль-Мандеб на юге и Синайско-Суэцкий перешеек на севере. Долины рек Атбара (Такказе) и Гаш соединяли плато Тигре с плодородной долиной Нила и высокими цивилизациями Нубии и Египта. За узким Красным морем лежали плодородные нагорья, долины и оазисы Аравии с ее богатыми древними городами. За горами, ограничивавшими плато Тигре с юга, простирались еще более плодородные и обширные плоскогорья Центральной, Южной и Восточной Эфиопии. К северу и юго-западу от плато Тигре (в Нубийской пустыне и Уоллеге) находились богатые месторождения золота, а также платины, серебра и драгоценных камней, на берегах Красного моря — заросли кораллов, места добычи жемчуга и ловли черепах, к юго-востоку, в области Африканского Рога,—ладоносные леса, в глубине материка — месторождения обсидиана, сурьмы, места охоты на слонов, бегемотов, носорогов, жирафов, леопардов и другую ценную дичь.

Эфиопское нагорье представляло собой обширное поле для торговой и культурной экспансии и сельскохозяйственной колонизации. В культурном отношении в 4-м—середине 1-го тысячелетия плато Тигре вместе с Нубийской пустыней составляло северную часть кушитского мира, простиравшегося на юг до нынешней Танзании.

Комбинируя археологические, палеоботанические и истори-ко-лингвистические данные со сведениями письменных источников (древнегреческих и древнеегипетских), мы получаем некоторое представление об Эфиопии до переселения сюда племен из Аравии. В целом общественный строй кушитов Эфиопии того времени, по-видимому, мало отличался от общественного строя кушитских племен Судана и Африканского Рога, который описывали древнегреческие географы IV — I вв. В окружающих плато Тигре полупустынях и горных лесах сосуществовали хозяйственно-культурные типы полукочевых скотоводов, разводивших коров и овец и занимавшихся отчасти также экстенсивным мотыжным земледелием, собирательством и охотой, рыболовство-собираателей морского побережья, бродячих охотников-собираателей и др. Однако основным на плато был хозяйственно-культурный тип сравнительно интенсивных земледельцев тропической зоны, выращивавших пшеницу, ячмень, тефф (местный культурный злак) и, по мнению американского ученого Ф.Саймунза, применявших искусственное орошение и, может быть, также пахоту на быках. В пользу этого предположения говорят данные этнографии и исторической лингвистики. Ф.Саймунз обнаружил в кушитских языках Эфиопии два слова для обозначения пахотного орудия: одно из них семитского происхождения, другое же ("марэша") —древнеегипетского. Этому соответствуют и типы пахотных орудий, из которых один (с лопатообразным лемехом и воронкой для сева) ведет свое происхождение из Месопотамии, а другой —из Египта. Египетский плуг мог быть заимствован древними кушитами из долины Нила накануне переселения в Эфиопию семитов с Аравийского полуострова, аравийско-месопотамский же был, очевидно, принесен последними. Однако по отношению к цивилизациям долины Нила и Аравии кушитская Северная Эфиопия была отсталой окраиной. К середине 1-го тысячелетия плато Тигре оказалось хотя и на дальней периферии тогдашнего цивилизованного мира, но- в то же время между цивилизациями Мероэ и Сабы и поясом древних культур Востока и кушитской "глубинкой".

Тогда-то на плато Тигре и переселяются выходцы из Южной Аравии. Здесь они нашли природные условия, близкие к ландшафту Асира и Йемена, и благоприятные

возможности для посреднической торговли между своей аравийской родиной, : одной стороны, и долиной Нила и кушитскими племенами — : другой.

Судя по топонимике, переселенцы происходили из различных областей Южной Аравии. Но господствующее положение заняли выходцы из царства Саба, которому принадлежала гегемония и на юго-западе Аравии. В своей массе колонисты вряд ли существенно отличались от аборигенов по характеру трудовой деятельности. И те и другие занимались земледелием в сочетании со скотоводством, выращивая в основном одни и те же злаки и разводя одних и тех же животных (коров, овец, коз и ослов). Но в древней Аравии методы водосбора и искусственного орошения были более совершенны, чем у кушитов Эфиопии, и, возможно, пахотное орудие (примитивный плуг) впервые появилось в Эфиопии вместе с семитскими переселенцами. Долго работавший в Эфиопии французский археолог Ф. Анфрей, крупнейший знаток эфиопско-сабейской культуры предаксумского периода, считает, что южноаравийские колонии были "первыми настоящими земледельческими поселениями" в Эфиопии⁵⁸. Древние жители Южной Аравии шире, чем кушиты, применяли одежды из тканей и были знакомы с бронзовым литьем, строительством из тесаного камня (методом сухой кладки, без применения цементирующего раствора), а также, вероятно, лучше, чем древние кушиты, умели использовать молоко и зерно; из молока приготавливали не только простоквашу, но и "масло и творог, из зерна-не только каши и пиво, но и муку, из которой пекли лепешки и пр. Но главное — они принесли из Аравии на плато Тигре более развитую систему культуры. Анализ древней южноаравийской культуры обнаруживает в ней сравнительно прогрессивные черты, связанные с государственной, городской и храмовой жизнью и с караванной торговлей. Южноаравийские колонисты имели более упорядоченное представление о пространстве и времени, а также общественной иерархии, чем это можно предположить у древних кушитов. Древние сабеи знали консонантно-алфа-витное письмо, которое они принесли с собой и в Эфиопию.

Самое направление письма - бустрофедон (первая строчка читалась справа налево, вторая слева направо, третья снова справа налево и т. д.) отражало типично земледельческое представление о порядке работы писцов-пахарей, "бустрофедоном" (что значит "запряженными в плуг быками") обрабатывавших свои поля.

Южноаравийские племена колонизовали плато Тигре, двигаясь по наиболее удобной дороге из Сабы в Мероз. На эфиопском берегу Красного моря они высадились в районе Аркико — Зула и отсюда углубились в Тигре.

Возможно, какие-то группы южноаравийских переселенцев проникли и в Среднюю Эфиопию через Ассаб, но эти районы археологически почти не изучены. Будучи народом, знакомым с городской цивилизацией, сабеи создали в Северной Эфиопии поселки нового типа: хотя и сравнительно небольшие по размерам, но с планировкой вокруг храмов монументальной постройки циркулярной формы, сложенных из тщательно отесанных каменных блоков, с монументальной скульптурой, посвятельными надписями, постоянным храмовым персоналом, ритуалами регулярно совершавшихся богослужений. Памятники этой культуры в Эфиопии-храм в Еха, скульптуры, найденные в Хаульти и Мелазо, южнее Аксума, в Адди-Гелемо, на крайнем востоке плато Тигре, в Матара (Эритрея), Адди-Грамаден, севернее Матара, и др.

Храмы стали центрами концентрации населения, торговли, распространения семитского языка и древнесемитской астральной религии, письма, ремесел, в том числе зодчества, искусства резьбы по камню, художественной лепки, расписной керамики. Как и в Южной Аравии, храмы южноаравийских богов на плато Тигре были средоточием политической жизни. Большинство жителей группировалось в общинах вокруг храмов. Внутри общин они делились на патрилинейные генеалогические роды, или "линиджи", названия которых, возможно, встречаются в надписях, а также, вероятно, на

⁵⁸ Anfray P. Aspects de l'archéologie Éthiopienne. - "Journal of African history", 1968, vol. IX, N 3, p. 355.

этносоциальные группы кастового типа.

Переселенцы, происходившие из различных областей Южной Аравии, поклонялись богам разных южноаравийских племен и царств: сабейскому Альмакаху, или Илюмкху, хадра-маутскому Сину и др., но главным образом Астару-общесемитскому божеству плодородия. Важное место среди переселенцев занимали сабеи. Относительно их миграции на Африканский материк существует несколько предположений. Может быть, она явилась следствием побед Аусана над своими соседями, в результате которой значительная часть катабанцев, хадрамаутцев и сабеев покинула свою родину, а оставшиеся смирились с властью аусанцев. К этим ранним переселенцам могли присоединиться сабеи - подданные Карибаила Ватара II или его преемников, когда Саба возродила свое могущество и затем добила гегемонии на юге Аравийского полуострова⁵⁹. Наконец, с усилением царской власти в Сабе недовольные ею сабеи могли эмигрировать к своим сородичам за море. Возможны и другие предположения. Насколько мы можем судить по данным археологических и эпиграфических источников, переселялись отнюдь не целые племена, а отдельные группы из разных племен и городских общин.

Между тем в литературе об Эфиопии до сих пор распространено ошибочное мнение, что в древности из Южной Аравии в Эфиопию переселилось два племени: хабашат и геэз, из которых первое дало название стране (Абиссиния), а второе - языку (геэз) древних эфиопов.

Однако эта концепция опирается только на сам факт южноаравийской колонизации и на произвольное толкование поздней христианской легенды о переселении в Эфиопию евреев при царе Соломоне (легенда о Соломоне, эфиопской царице и их сыне, будущем царе Эфиопии). В знаменитой средневековой эфиопской книге "Кыбра Нагаст", где содержится старейший вариант этой легенды, и во всех ранних записях Южная Аравия вовсе не фигурирует; и царица Македа, и переселенцы-евреи прибывают в Эфиопию через Египет и Восточный Судан, а не с Аравийского полуострова. Не сохранилось никаких воспоминаний о древнем переселении из Аравии и в средневековой и более поздней Эфиопии; все основные народы Эфиопии считали себя автохтонными. Версия "Кыбра Нагаст" остается только произведением художественной литературы, не подкрепляемой никакими историческими свидетельствами и не имеющей отношения к переселению в Эфиопию семитов.

Известный немецкий востоковед Э.Глязер доказал, что название "хабашат", которое позднее стало специфическим для абиссинцев-аксумитов, первоначально относилось к населению всех вообще стран, где собирали ладан, как области Африканского Рога (Сомали и Восточная Эфиопия), так и крайнего юга Аравии - Хадрамаута и Махра. Термин "хаба-ша" значил просто "собиратель ладана". Более того, греческое слово "эфиоп" (букв. загорелый), по-видимому, не что иное, как народная этимология семитского термина "атьюб" от корня {уь (араб, аромат). Глязер считал, что большая часть древних переселенцев из Аравии в Эфиопию происходила из Махра или Западного Хадрамаута. В доказательство он ссылаясь на древнегреческого географа Урания, фрагмент из сочинения которого сохранил Стефан Византийский: "Урания говорит в III книге "Арабики": "После сабеев следуют хадрамотиты абассены"-и далее: "Страна Абассена приносит мирру, оссон, или осе (кост?), ладан и керпат" (кору кинамонового дерева.— Ю. К.). По мнению Глязера, южноаравийские переселенцы в Эфиопии вели торговлю ароматическими специями, почему их и называли "абиссинцами". При современном уровне наших знаний мы можем только сказать, что гипотеза Э. Глязера о происхождении термина "хабашат", а от него и названия Абиссиния в общем

⁵⁹ Карибаиль Ватар II, сын Замаралая II (предположительно около середины V в.), создавал поселения сабеев не только в подвластных Сабе районах, но и в союзном с ней Хадрамауте. О присутствии сабеев в Эфиопии V -IV вв. свидетельствуют найденные здесь надписи.

правдоподобна. Возможно, этот термин существовал уже при царице Хатшепсут, так как принадлежащая ей надпись из Дейр-эль-Бахри упоминает "хабаса Земли Бога". В IV в. до н.э. этот термин был известен в Мероэ и относился к населению плато Тигре. Около II в. до н.э. название хабашат снова появляется — теперь уже в сабейских надписях-как: 1) синоним народа аксумитов; 2) обозначение одной из приморских областей Йемена, политически связанной с Аксумом; 3) наименование лиц эфиопского происхождения в Аравии. Первое и третье употребление термина "хабашат", или "хабаша", характерно и для арабского языка VII-VIII вв. В надписи Эзаны (IV в. н.э.) Хабашат -это перевод греческого слова "Эфиопия". И это единственное упоминание термина "хабашат" в древней Эфиопии! Напрашивается вывод, что никакого "племени хабашат" ни в древней Аравии, ни в древней Эфиопии не существовало, но что в чужих странах нередко этим названием обозначали сначала сборщиков ладана и торговцев ароматическими смолами и специями, а затем жителей Северной Эфиопии.

Точно так же в Аравии не засвидетельствовано и никакого "племени геэз". Все сведения о существовании этого термина (точнее, этнонима) относятся к Северной Эфиопии, а именно к плато Тигре, причем он имел как более узкое, так и расширенное применение.

В V —начале IV в. на плато Тигре уже существовало первое в Эфиопии государство, правители которого составляли надписи на сабейском языке. В IV в. это государство, по-видимому, вело войны с Мероэ.

Мероэ и древнее Тигре были самыми восточными очагами цивилизации в Тропической Африке I-го тысячелетия, тогда как карфагенские колонии в Атлантике представляли собой самые западные очаги. Их разделяли обширные пространства Африканского материка, заселенные доклассовыми обществами, в основном кочевыми скотоводческими или скотоводческо-земледельческими. Лишь цивилизация Гарамы в глубине Сахары и своеобразная по своему облику и загадочная по происхождению культура нок одиноко маячили двумя изолированными очагами в океане варварства. Культура нок возникла около 500 г. в Нигерии и, как считают, оказала огромное влияние на древние народы Центральной Африки. К сожалению, изучены в основном не самые ранние памятники этой культуры (за исключением прекрасных терракотовых скульптур), а более поздние, относящиеся ко II в. до н. э.— II в. н. э.

Культура нок

Первый образец культуры нок - терракотовая голова обезьяны была найдена в селении Нок в 1936 г. В 1943 г. английский ученый Бернард Фэгг обнаружил в отвалах оловянных рудников близ селения Нок в Нигерии множество терракотовых голов и их фрагментов. Так была открыта чрезвычайно своеобразная древняя африканская культура. В настоящее время в музеях (Британском в Лондоне и в нигерийском в г. Джое) собрано много фрагментов скульптур и орудий труда культуры нок, найденных при горнорудных разработках или научных раскопках на территории Центрального плато Нигерии. На северо-западе поселение культуры нок открыто близ г. Кагера на р. Кадуна, на юго-востоке — у г. Кацина-Ала в стране большого народа тив, почти у границ Камеруна. Йоруба, ибо, эдо и другие народы Южной Нигерии также принадлежат к числу наследников этой культуры. По-видимому, носители культуры нок населяли как возвышенности с их сравнительно прохладным, приближающимся к субтропическому климатом, так и долины с их богатыми почвами и пышной лесной растительностью.

О хозяйственно-культурном типе народа нок дает представление поселение Таруга близ г. Абуджа. По радиоуглероду оно датируется периодом с 280 г. до н. э. по 206 ± 50 г.

н. э. Вместе с терракотовыми фигурками в стиле нок здесь найдены фрагменты керамики, кварцевые молоты, зернотерки, топоры, железный шлак и большое количество древесного угля. Это был поселок металлургов-кузнецов и гончаров, занимавшихся также зерновым земледелием (просо?) и охотой, а из ремесел кроме кузнечного гончарным.

Относительно этнического облика народа нок можно только строить гипотезы. Они основываются не столько на топонимике Центрального плато Нигерии (почти неизученной), сколько на хозяйственно-культурном типе населения и особенно стиле многочисленных терракот. У. Фэгг отмечает поразительное единство этого стиля на территории шириной 300 миль с северо-запада на юго-восток, там, где сейчас обитают многие десятки остаточных этносов с весьма различными языками и стилями народного искусства. У. Фэгг считает, что стиль терракотовых фигурок и хозяйственно-культурный облик земледельцев-охотников сближают народ нок с нынешними народами Центральной Нигерии. Он пишет: "Возможно, что многие из этих современных племен сохранили религию того же типа, который процветал в культуре нок, культ мифических родоплеменных предков, которые мыслились как необходимый источник жизненной силы племени, как посредники, через которых она передается от далекого демиурга". У. Фэгг исходит из весьма правдоподобного предположения, что терракотовые фигурки нок играли ту же функциональную роль, что и терракотовые или чаще деревянные фигурки у народов нынешней Нигерии.

Учитывая сравнительно замедленные темпы развития производства и общества в этой части Африки доколониального периода, мы имеем право реконструировать общие черты культуры нок по этнографическим описаниям народов Центральной и Южной Нигерии XIX -начала XX в. н. э. Плато Центральной Нигерии и прилегающие к нему районы населяет свыше 50 народов, различных по языку и происхождению, но весьма близких по хозяйственно-культурному типу. Языки большинства из них принадлежат к двум различным группам языков семьи нигер-конго, а также к чадской группе языков афроазиатской семьи, носители которой, как и фульбе, могут считаться здесь сравнительно поздними пришельцами. Относительно языков семьи нигер-конго трудно сказать, какиет*з них восходят к культуре нок. Однако ввиду большой близости культур и религий всех народов Центральной Нигерии допустимо рассматривать их как некоторое целое, выделяя их общие наиболее древние черты и исключая те, возникновение которых связано с поздним влиянием средневековых империй.

Прежде всего бросаются в глаза пережитки тотемизма. У рукуба плато Баучи, курама гор Южного Кауру, катаб и родственных им народов, а также больших и малых народов Южной и Восточной Нигерии распространен древний культ леопарда. В большинстве случаев запрещено вкушать его мясо, убивать это священное животное, шкуры же убитых леопардов полагается приносить в дань вождю-жрецу, главе деревенской общины. У гуре, катаб и ряда других этносов отмечены различные родовые табу тотемического характера.

Анимизм, культ предков, культ плодородия и заклинания дождя имеют всеобщее распространение у народов Центральной Нигерии и сопредельных с ней стран и областей Тропической Африки. Вряд ли стоит сомневаться, что эти элементы были органически присущи и религии народов нок. Для этой части Африки характерна ритуальная охота за человеческими головами, отмеченная у катаб, рукуба и народов Южной и Восточной Нигерии. Возможно, в будущем археологические раскопки ответят на вопрос, не унаследован ли этот обычай еще от времен культуры нок.

В социальной и религиозной жизни народов Центральной Нигерии большое значение имеют половозрастная организация сверстников и связанные с ней праздники и обряды инициации. На южной и западной периферии этой исторической области распространены влиятельные мужские и женские союзы и тайные общества, но в Центральной и Северной Нигерии они как будто бы не были известны. До сих пор этносоциологи не пришли к общему мнению о том, насколько всеобщим является

институт мужских и женских союзов. Остается только гадать, существовал ли он в нынешней Нигерии 2,5 — 2 тысячи лет назад или не существовал. Однако распространение уже в то время сравнительно развитой организации половозрастных групп гораздо более вероятно.

В недалеком прошлом все народы Центрального Судана, стран Бенинского залива и соседних областей, а также других районов Африки и Южной Аравии ежегодно в определенное время устраивали большие ритуальные охоты, к которым были приурочены различные религиозные обряды, жертвоприношения духам предков, праздники. Вероятно, ритуальные охоты устраивали и общины носителей культуры нок.

Центральная фигура в социальной и религиозной организации этносов этой части Нигерии — ритуальный глава деревенской общины, вождь-жрец. У рукуба он называется уту. Первая из функций уту — представительство от имени общинников перед верховным божеством Катакуру. Самый торжественный момент общественной жизни рукуба наступает тогда, когда уту вместе с Катакуру воссядут среди своего народа. Уту возглавлял многочисленные общинные ритуалы, в частности связанные с инициациями и заклинанием дождя. Каждый уту имеет ритуальное поле проса. Вместе с тем одна из главных его обязанностей — организация выращивания проса и других традиционных земледельческих культур в общине. Сходные функции у деревенских вождей-жрецов горцев китими, коно, рушанува, динги и др.

Традиционные культурные растения Центральной Нигерии — просо и гвинейское сорго. Большое значение в хозяйстве жителей плато и гор имеет сбор некоторых дикорастущих плодов, например так называемых саранчовых бобов дорова. Можно только гадать, какие из этих растений культивировались в период нок.

В ритуалах нынешних обитателей Центральной, Восточной и Южной Нигерии и сопредельных стран важную роль играют мастера-барабанщики, являющиеся хранителями священных общинных барабанов и знатоками "языка барабанов", а также кузнецы и другие ремесленники.

Весьма архаичными чертами отличается организация добычи железной руды — латерита у одного из малых этносов плато Баучи — тулаи. Как и многие другие народы Африки, они производят плавку руды в строжайшей изоляции от женщин, которые, по их мнению, могут "сглазить" плавку и испортить металл. Тулаи совершали походы за многие десятки километров к местам добычи руды, причем двигались большими вооруженными группами, в строгом порядке, верхом на конях (последняя черта, разумеется, средневековое "нововведение"). Тулаи говорили, что руду они плавят вблизи места добычи.

Явные следы древних обычаев носит национальный костюм автохтонных этносов Центральной Нигерии. Одежда мужчин состоит из набедренной повязки и накидки из звериных или козьих шкур, скрепленных металлическими фибулами. Подобно египтянам до династического периода и древнейшему населению южного Крита, рукуба, достигнув возмужалости, носят плетеный футляр для фаллоса. Женщины и девушки надевают только узкий кожаный пояс стыдливости, к которому в некоторых общинах прикрепляют спереди и сзади пучки листьев, а в других и этого не делают.

Большинство этнических групп плато Баучи и соседних районов сохранили более или менее четкую родовую организацию. У них преобладает отцовский счет родства и наследования, но у некоторых групп, в частности гуре и коно, населяющих горы Лере и Кауру, сохранился магрилинейный (по линии матери) счет родства, у других (срубу и др.) — билатериальный (по матери и отцу). Островки матринитета обнаружены кое-где в Центральном Камеруне (часть тикаров), Западном Судане (сереры и др.); судя по местным традициям и различным пережиткам, некогда они были распространены значительно шире, почти по всей Западной и Центральной Африке. До сих пор ряд крупных народов Западного Судана придерживается билатериального счета родства, который характерен

также для многих народов южной половины Западной Африки и доброй половины народов банту. Однако среди фигурок нок преобладают явно мужские изображения, скульптуры предков-отцов, а не матерей, и этот аргумент должен обязательно учитываться при определении относительной древности патриархата в Центральной Нигерии.

Весьма архаичная черта родового строя народов плато Баучи и некоторых соседних этносов до Северного Камеруна включительно - деление на две экзогамные фратрии. В частности, оно сохранилось у рукуба, кагоро, фали и др. Восходит ли оно ко времени культуры нок?

Другую загадку древней Нигерии представляет собой появление народов чадской языковой группы, которые в отдаленном прошлом были соседями берберов и обитали где-то в Сахаре, а затем переместились в Центральный Судан. Здесь они создали высокие средневековые культуры хауса и сао (кото-ко) непосредственно к северу и северо-востоку от древней культуры нок. Как давно чадские народы переселились в район своего нынешнего обитания (от центральных районов Республики Нигер до восточных районов Республики Чад)?

Говоря о загадках культуры нок, советский ученый А. Д. Дридзо пишет: "Ни на один из этих вопросов ответить пока невозможно, даже в самой общей форме. И любая попытка сделать шаг в этом направлении неизменно окажется связанной с вопросом о гарамантах..."⁶⁰

Всякие попытки объяснить феномен культуры нок неизбежно приводят к поискам ее связей с древней цивилизацией Гарамы.

Гарама

В 1,5 тыс. км севернее ареала распространения культуры нок находились владения гарамантов — ближайшего к ней цивилизованного народа того времени.

Столица гарамантов располагалась в городе-оазисе Гарамы (Джерма). Своеобразная цивилизация гарамантов сложилась в контакте с древними цивилизациями Средиземноморья. Отсюда гараманты получили домашних животных: коз, овец, крупный рогатый скот Южной Европы, лошадей. По-видимому, из Средиземноморья пришли в Гараму плужное земледелие, колесницы и своеобразные подземные водопроводы — фогга-ры, похожие на "клоаки" этрусков, но еще более на кяризы Ирана и Туркмении. Большую роль в хозяйстве гарамантов играла финиковая пальма: рощи пальм орошались фоггарами.

Геродот, пользуясь сведениями Эвгамона Киренского и Гекатея Милетского, описывает гарамантов VI в. как искусных земледельцев. Оазис Гарамы, по Геродоту, представлял собой "соляной холм с источником и множеством плодоносных финиковых пальм, как и в других оазисах. Там обитают... гараманты (весьма многочисленное племя). Они насыпают на соль землю и потом засевают ее злаками". Как показывают наскальные изображения Феццана, гараманты усердно занимались и скотоводством: разводили крупный и мелкий рогатый скот, а также лошадей, которых запрягали в колесницы. Гарамант-ские колесницы, запряженные четверками коней (квадриги), упоминает также Геродот. Наскальные изображения колесниц вообще характерны для Сахары так называемого гарамантского периода, причем в Феццане они принадлежат гарамантам, в Мавритании и на западе Алжирской Сахары - гетулам; в районе Тассили-н'Аджер, на границе Гетулии, Гарамы и сахарской "Эфиопии", этнополитическая принадлежность колесниц неясна. Овцеводство играло в этот период настолько большую роль на северных границах Гарамантского царства, что Геродот приводит речение пифии, которая в

⁶⁰ Дридзо А. Д. Гараманты (к вопросу о реконструкции истории и культуры).-"Страны и народы Востока", вып. VIII. М., 1969, с. 259.

середине VII в. назвала Ливию "кормящей агнцев" или "обильной овцами". В III в. поэт Аполлоний Родосский изображал прародителей гарамантов и насамонов в виде пастухов овец:

Канф, ты жертвою стал лютых Кер в пределах Ливийских!
С пасшимся встретился стадом; вослед ему шел управитель:
Он, защищая своих овец, когда ты пытался
Их для друзей, терпевших нужду, увести, преогромный
Камень метнул и тебя поразил, ибо был он не слабым,—
Внук ликорейского Феба Кафавр и внук многословной Акакаллиды,
Миносом рожденной и им поселенной
В Ливии после того, как она от бессмертного бога
Плод понесла: здесь сына она родила Аполлону,
Все именуют его Гарамантом и Амфитемисом.
Амфитемис сочетался в любви с тритонидскою нимфой,
Что родила Насамона ему с могучим Кафавром,
Канфа убившим, когда тот при стаде застал его овцем.

Судя по рисункам, некоторую роль в хозяйстве гарамантов играла охота, ибо их страна изобиловала дикими зверями.

Еще одним источником доходов для гарамантов была торговля с соседними племенами, как берберскими, так и негритянскими. Однако передаваемая Геродотом информация о путях, которые вели из страны гарамантов на юг и запад, вплоть до Атласа, крайне искажена. Столь же смутные сведения об этих караванных путях Сахары сообщает Страбон. Зато у Афиня (IV в.) мы находим связанный с гарамантами рассказ о карфагеняине Магоне, который совместно с гарамантами трижды пересек пустыню Сахару, якобы питаясь только сухим ячменем и обходясь без воды. Последняя подробность—ходячий сказочный сюжет: "сверхчеловек" пересекает великую африканскую пустыню или великую степь Евразии, обходясь без пищи и воды⁶¹. Но и Магон не мог обойтись без помощи гарамантов, монополизировавших караванный путь через Центральную Сахару. Вместе с тем этот рассказ, относящийся ко времени расцвета Карфагенской державы, очевидно, свидетельствует если и не о прямом, то о косвенном участии карфагенян в транссахарской торговле. Недаром некоторые гарамантские товары носили в Средиземноморье название карфагенских. В частности, Страбон сообщал, что от гарамантов к римлянам привозили "карфагенские камни".

Другой источник сведений о гарамантах у Гекатея и Геродота—это северный контрагент Гарамы — греческая Кирена; именно здесь Эвгамон Киренский собрал рассказы о гарамантах.

В транссахарской караванной торговле принимали участие и северные соседи гарамантов, к которым для обмена товаров с юга приезжали гараманты, а с севера - карфагенские и киренские купцы. Это были оседлые берберские племена осенсов, псилов, абсистов, бизаков и особенно многолюдное и богатое племя насамонов, населявшее восточное побережье Сирта, внутренние области Киренаики и Барки и оазисы Джало. Центром этой группы оазисов была Авгила, известная с конца римской эпохи (теперь Авджила), но, несомненно, существовавшая и ранее. Северо-западными соседями гарамантов были во времена Геродота (и Эвгамона, т.е. в первой половине VI в.) маки, во

⁶¹ Геродот рассказывает, что якобы "гиперборей Абари (с)... носил по всей земле некую стрелу (компас?) и при этом ничего не употребляла пищу. Есть у Афиня (с ссылкой на Клеарха) и еще один легендарный рассказ о фараоне Псамметихе, который, "когда он хотел исследовать истоки Нила, велел воспитать для себя мальчиков на вкушении рыбы и других, которые должны были упражняться в воздержании от питья, для того чтобы они могли исследовать Ливийскую пустыню".

времена Страбона — гетулы, или, по Плинию, фазаний, входившие, вероятно, в состав объединения гетулов, а возможно, и гарамантов.

Ученые уже давно обратили внимание на противоречивость сообщения Геродота о гарамантах. В одном месте он говорит, что гараманты на колесницах "охотятся" за эфиопами, а в другом — что "у них нет никакого боевого оружия и они не умеют отражать врага". Из всех многочисленных попыток объяснить это противоречие, по нашему мнению, наибольшего внимания заслуживает гипотеза советского историка А.Д.Дридзо. Он считает, что "античные авторы (и в первую очередь Геродот) называли гарамантами не один народ или племя, но целое объединение народов (вернее, племен), группировавшееся вокруг столицы — Гарамы — и по имени ее получившее свое название. Среди гарамантов были, как рассказывал Геродот, и покоренные, находившиеся в подчинении племена. Сообщает Геродот и о "господствующем племени, покорившем остальных"⁶². Сходные отношения между племенами и этнокастовыми группами существовали в государствах этого района Африки и в более позднее время. Вероятно, как и в новое время, в I-м тысячелетии эти отношения связывали группы разных хозяйственно-культурных типов, из которых основными были оазисные земледельцы и кочевые скотоводы.

Центром обмена продуктов и услуг и одновременно центром политического объединения племен Гарамы был, очевидно, храм, упоминаемый древним автором схолий к "Аргонавтам" Аполлония Родосского под скромным названием "наос". Гигантский некрополь в Вади-Аджаль, насчитывающий не менее 45 тыс. погребений как европеоидов, так и негроидов, "не может быть ничем иным, как кладбищем, рассчитанным на все племена объединения и расположенным близ общего для всех этих племен святилища"⁶³. Полсотни фоггар, обнаруженных в районе Вади-Аджаль, давали необходимую влагу пальмовым рощам вблизи храма. В Гараме находилась резиденция гарамантского царя, которого, возможно, обожествляли. По свидетельству автора схолий к "Аргонавтам", гараман-ты отличались благочестием.

В разные периоды истории Гарамы пределы ее владений простирались на различные расстояния в глубь материка. Сообщения Геродота и Клавдия Птолемея позволяют очертить два разных ареала Гарамантского царства. В VI—V вв. оно включало на востоке оазисы Куфра, на западе, вероятно, предгорья Тассили, на юге могло доходить до Эннеди. В римское время южная граница Гарамантского царства простиралась до Центрального Судана, а на севере отряды гарамантов вторгались в приморские области Сирта.

На юго-востоке Гарамантского царства находилось упоминаемое Клавдием Птолемеем Гарамантское ущелье, которое локализуют в Эннеди. Сюда от берегов Средиземного моря можно было добраться лишь за два-три месяца пути. По словам Геродота, путь от лотофагов до гарамантов занимал 30 дней. В источниках римского времени содержатся некоторые сведения о транссахарских дорогах, которые вели из Гарамы в разных направлениях. По "Географии" Страбона можно судить о том, как в I в. н. э. римляне представляли себе расстояния и караванные пути от страны гарамантов до оазиса Аммона (теперь Сива) и Египта и до побережья Атлантического океана: "По рассказам, гараманты находятся на расстоянии девяти- или десятидневного пути от эфиопов, живущих на берегах океана, а от (оазиса) Аммона —пятнадцатидневного". Позднее римляне узнают, что путь из Гарамы к берегам Атлантики, как на юг, так и на запад, занимал месяцы. "Дарб ал-арбаын"—сорокадневный путь из Египта через оазисы Сахары в Центральный Судан — римлянам не был известен, равно как и путь из Напаты и Мероэ в Дарфур, Вадаи и Феццан.

Тацит в связи с описанием событий 70 г. н. э. вскользь упоминает, что после набега на город Лептис часть добычи "гараманты сумели унести в свои недоступные становища и там продали племенам, живущим еще далее на юг". Это первое в римской литературе

⁶² См. Дридзо А.Д. Указ, соч., с. 262.

⁶³ Там же.

сообщение о караванном пути, который вел из страны гарамантов на юг. Дальнейшие сведения об этом пути мы находим у Клавдия Птолемея, который цитировал Марина Тирского (начало II в. н. э.). Он сообщает о римлянине по имени Септимий Флакк, который совершил поход из страны гарамантов в "страну эфиопов" и "прибыл к эфиопам после трехмесячного путешествия к югу от страны гарамантов". Марин знал и о другом римлянине, Юлии Матерне, наместнике Нумидии, который "отправился вместе с царем гарамантов, выступившим в поход против эфиопов, и после четырехмесячного пути, во время которого он продвигался только в южном направлении, прибыл в эфиопскую землю Агисимба, где собираются носороги". Скопища носорогов указывают на сравнительно влажный климат в зоне саванн Центрального Судана.

У Геродота мы находим лишь случайное и не вполне ясное сообщение о том, что гараманты на своих колесницах "охотились" на живших далее к югу "пещерных эфиопов". Слышал Геродот и насамонскую сказку о путешествии юношей насамонцев на юг до тех пор, пока они не достигли города среди болот, населенного низкорослыми чернокожими людьми. Если "пещерные эфиопы" жили в горах Сахары, то чернокожие обитатели города могли населять ареал вблизи оз. Чад.

Отсюда уже недалеко и до области распространения культуры нок, а также до западных границ Мероитского царства. Однако мы не располагаем данными о прямых связях между этими тремя африканскими цивилизациями

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭПИЛОГ

В 4 - 2-м тысячелетиях до н. э. на территории Африки существовала только древнеегипетская цивилизация, не уступавшая современным ей цивилизациям Передней Азии, Ирана, долины Инда и других районов Азии и - вплоть до появления минойской цивилизации Крита, а затем иберийского Тартесса - значительно превосходившая по своему уровню культуры Европы.

Мощное воздействие древнеегипетской цивилизации испытали на себе не только ближайшие к ней племена Палестины, Сирии, Нубии, Ливии и прилегающих к ним пустынь, но и более отдаленные народы. Пределы распространения древнеегипетского культурного влияния отмечены находками предметов египетского искусства или художественного ремесла. На западе древнеегипетские изделия разных эпох дали раскопки Карфагена, на юге одна статуэтка (Осириса позднего периода) найдена в Катанге, на севере и северо-востоке египетские изделия

позднего времени обнаружены во Владимирской области, Коми АССР (в поселении VII в. до н.э.), Томской области и на Алтае, на северо-западе - в Англии (где были найдены типичные египетские бусы времени XVIII-XX династий), на востоке - в районе Сиалка (Иран, где был найден в некрополе конца XI — начала X в. скарабей с именем фараона Сети I). Загадку представляет обнаруженный в Белоруссии обломок каменной плиты с иероглифической надписью, содержащей имя фараона Тутмоса III. Немалое число находок египетских изделий саисского времени дают города царства Урарту (Ван, Ани, Кармин-Блур), расположенные на Армянском нагорье, затем другие районы Закавказья и Кавказа (так, в Армавире был найден скарабей с именем Менхерра), а также Северного Причерноморья (о. Березань, Ольвия, Пантикапей и т.д.). Многие из них попали сюда вследствие торговли Навкратиса-греческого города в Нильской дельте — с Северным Причерноморьем. Наконец, в степях Приуралья, близ Орска, археологи, раскопавшие курган, обнаружили египетский алебастровый сосуд VI—V вв. с надписью "Артаксеркс, царь великий" на четырех языках Ахеменидской империи: египетском, древне-персидском, аккадском и эламском.

Такие далекие "путешествия вещей" были возможны потому, что к рудным

богатствам Катанги уже в 1-м тысячелетии были проложены караванные тропы и существовал, по крайней мере в эллинистическое и римское время, морской путь из Египта к берегам Танзании. А это в свою очередь заставляет предполагать развитие всей системы общественных отношений, системы "этнос-ландшафт-время" и определенной инфраструктуры торговых путей.

Археология позволяет проследить, как постепенно распространялись культурные, антропогенные ландшафты в глубь Африки. Долгое время единственным, хотя и очень ярким, образцом антропогенного ландшафта на Африканском материке был Древний Египет. Но присоединение Нубии к державе фараонов превратило ее речные оазисы, а также оазисы Ливийской пустыни в подобие Земли Египетской. Финикияне и греки, поселившись среди берберов Северной Африки, принесли культуру высокоразвитого, интенсивного плужного земледелия с широким ассортиментом возделываемых растений и применением искусственного орошения. К середине 1-го тысячелетия эта земледельческая культура, может быть, под давлением правителей Карфагена и других пунических городов, а также Кирены получила некоторое распространение среди берберских племен, населявших близкие к этим городам районы. Ведь "ливийские" крестьяне, а также смешанные группы ливии-финикиян и эллино-ливийцев составляли основное трудящееся население карфагенских и киренских владений. Во II в. нумидийские цари усиленно внедряли интенсивное земледелие среди подданных, переводя кочевников и полукочевников на прочную оседлость. К этому времени в долине Мулухи (Мулуи), на границе Нумидии с Мавританией, земледелие уже было господствующей сферой хозяйства. Что касается оазисов Феццана, то здесь интенсивное поливное земледелие появилось, вероятно, еще в конце 2-го тысячелетия, в связи с переселением сюда выходцев из древней Эгеиды, смешавшихся с ливийцами; в середине 1-го тысячелетия оазисное земледелие гарамантов Феццана находилось в расцвете. Завоевание гарамантами новых групп оазисов и горных районов с естественным орошением, возможно, привело к распространению их системы земледелия, пусть и в обедненном, упрощенном виде, на территории Центральной и Южной Сахары. В середине 1-го тысячелетия, когда южноаравийские переселенцы колонизовали плато Тигре, здесь наступает расцвет сравнительно интенсивного земледелия того же типа, что и в горном Йемене.

К концу рассматриваемого периода культура интенсивного земледелия продвигается все далее к югу. Особенно высокого развития она достигла на севере Мероитского царства, где получили распространение не только пахотные орудия, запряженные домашними животными, но и водочерпальные колеса — нории.

Освоение Африки для хозяйственной деятельности человека — основной вклад древних, а затем и средневековых африканцев в мировую культуру.

Древние народы Азии и Средиземноморья интересовались внутренними районами Африки преимущественно как источниками драгоценных металлов и драгоценных камней, экзотических зверей и звериных шкур, слоновой кости и других ценных продуктов природы.

С каждым новым этапом истории Средиземноморья и Западной Азии расширялась та зона Африки, где велась добыча золота, большая часть которого вывозилась за пределы континента. Золото Судана, Пунта и Восточной пустыни давало фараонам возможность господствовать на Ближнем Востоке, нанимать иноземных воинов, покупать британское олово для производства бронзы и оружия из нее, привязывать финикийцев и другие торговые народы к политической системе Египта.

Золото Африки в немалой степени содействовало росту богатства и могущества Гарамы, Напаты, Мероз, государств плато Тигре, Карфагена, Кирены, Египта Лагидов. Кроме того, Африка давала серебро, платину, медь. Сильфий Кирены, благовония Восточноафриканского Рога, изумруды Нубийской пустыни, "карфагенский камень" Центральной Сахары, самоцветы красноморского побережья Эфиопии, кораллы, жемчуг

Красного моря, слоновая кость, рог носорога, зуб гиппопотама, черепаховые щиты, всевозможные звериные шкуры — все эти экзотические товары составляли богатства городов-купцов и царей-торговцев. Кроме того, Африка уже в древности была поставщиком живых зверей для царских дворцов и зверинцев, а позднее — для римских цирков. В эпоху эллинизма в Нумидии, Восточном Судане, Северной и Восточной Эфиопии и Сомали было отловлено несколько тысяч слонов, которые затем были выдрессированы и включены в армию. К концу античности слоны были полностью истреблены в Северной Африке, большей части Восточного Судана, в прибрежных районах Эфиопии (еще раньше — в Сирии и Египте). Охотники за слоновой костью, выполняя желания средиземноморских и азиатских купцов, проникали все дальше в глубь Африканского материка: в горы Сахары, к истокам Нила, Великим африканским озерам, "Лунным горам" и т.д.

У Египта были особые причины интересоваться внутренними районами Африки. Превращение страны в одну гигантскую пашню, разделенную на участки дамбами и каналами, поставило перед населением и правительством две проблемы: мяса и дерева. Угоняя десятки и сотни тысяч голов скота из Ливии и Нубии, фараоны пытались решить первую проблему, а посылая экспедиции в Ливан, Нубию, Пунт, организуя поставки строительного и поделочного дерева из этих стран — вторую. Третьей проблемой были разливы Нила, от которых зависело благосостояние всего Египта. Если разливы запаздывали либо не достигали обычного уровня, страну ждал недород, а то и голод. Поэтому чисто практические соображения толкали египтян и их правителей (единоплеменных или иноплеменных) изучать истоки чудесной реки. Результатом их усилий были поразительно точные сведения об истоках Нила и обитателях этих мест — пигмеях, которые мы находим в античной литературе — от Гомера до Гелиодора. Вместе с тем под влиянием египетской традиции древние народы Средиземноморья и Азии были склонны связывать с истоками Нила всякую реку тропического пояса, во всяком случае все крупные африканские реки, и отождествлять с пигмеями (негриллами) все низкорослые африканские народы.

Тропическая Африка в древности не была поставщицей рабов для более развитых обществ. Это качество она начала приобретать в средние века и особенно в новое время, когда наступил невиданный в истории человечества расцвет работорговли.

Судя по совокупности различных данных (письменным документам, произведениям изобразительного искусства, антропологическим исследованиям захоронений и т. д.) темнокожие "эфиопы" составляли ничтожно малый процент среди населения древних государств Северной Африки и Евразии. Напротив, время от времени большие и малые группы людей перемещались в Африке преимущественно в южном и западном направлениях — из Передней Азии, Египта и Средиземноморья в глубь Африки. Выше мы уже проследили некоторые из этих миграций: древних египтян — в Судан, эгейских народов — в Ливию и Восточную Сахару, финикийцев — на африканские берега Средиземного моря и Атлантики, народов Южной Аравии — в Эфиопию и т. д.

Эти два направления — на юг и на запад — соответствовали главным потокам культурной информации в Африке до эпохи Великих географических открытий. С потоками информации в глубь Африки проникали культурные влияния Средиземноморья, Передней Азии, Индии и особенно Египта. Поэтому вполне законно стремление многих археологов и этнографов найти следы египетского влияния в самых отдаленных уголках материка. Другое дело, что не всегда приводятся строгие доказательства египетского происхождения тех или иных стилей искусства, обычаев и обрядов.

Еще более широким было культурное влияние Древнего Египта через посредство цивилизаций, испытавших на заре своего развития его мощное воздействие. Таковы крито-минойская, финикийская, мероитская, древнегреческая и др. Они в свою очередь помогали формироваться другим, сравнительно поздним или периферийным

цивилизациям, которые оказывали влияние на более отдаленные во времени и пространстве культуры и т. д. Вклад Древнего Египта в мировую культуру грандиозен и до сих пор не изучен настолько, чтобы можно было подвести итог. Искусство и вся система древнеегипетской культуры продолжают и поныне вдохновлять художников и мыслителей.

Только с VIII в. у древнеегипетской цивилизации появились соперники на Африканском материке, сама же она в то время все больше клонилась к упадку. В середине 1-го тысячелетия, когда в древнем мире происходят революционные изменения во всей системе культуры, в Африке расцветают цивилизации Мероэ, Гарамы, Карфагена, плато Тигре, тесно связанные с Египтом и Западной Азией; ускоряется развитие культур берберских племен Северной Африки и негроидных племен Сахары и Нигерии, где в IV в. до н.э. - II в. н. э. расцветает культура нок.

Одним из величайших культурных достижений древнего мира было создание письма. К VI в. на Ближнем Востоке и в Средиземноморье уже имелись все основные типы систем письма, начиная от весьма примитивного пиктографического и кончая настоящим буквенным алфавитом у греков - единственным из алфавитов того времени, оставшимся в употреблении до наших дней.

Если не считать пиктографии, наиболее древними системами письма являются лого-силлабические (словесно-слоговые), такие, как шумерское, эламское, древнее индское (в долине р. Инд) и египетское письмо. Последнее господствовало в долине Нила в течение всего интересующего нас периода: лишь в самом конце 1-го тысячелетия оно было вытеснено в Египте греческим письмом, а в Мероитском царстве - меро-итским. К концу VI в. египетское лого-силлабическое письмо насчитывало уже добрых 2,5 тысячелетия исторического существования. Оно употреблялось только с египетским языком. За 2,5 тысячи лет дважды существенно изменился египетский язык, но египетское письмо сохранялось с незначительными изменениями, поддерживая культурные традиции, подобно греческому письму.

В зависимости от характера записей применялась одна из трех основных разновидностей египетского письма: монументальная иероглифика, изящная иератика или наиболее ходовое курсивное демотическое письмо. Подобно средневековым японцам, древние египтяне изобрели весьма удобную систему слогового письма, состоявшую из 24 знаков, игравших вспомогательную роль при записи текстов, собственных имен и обучении грамоте.

По-видимому, около XVIII в. под прямым влиянием египетского силлабария было создано до сих пор не вполне расшифрованное силлабическое (консонантно-силлабическое) письмо кахунских документов из Фаюма. Около середины 2-го тысячелетия также под влиянием египетского силлабария на Синае было изобретено древнесемитское протосинайское консонантно-слоговое (так называемое консонантно-буквенное) письмо. Вскоре это письмо в модифицированном виде распространилось по всей Финикии и Палестине. В XIV в. в Угарите, на севере Сирии, употреблялось клинописное по форме, но консонантно-слоговое (консонантно-буквенное) в своей сущности письмо, происходившее от древнепалестинского и протосинайского.

По-видимому, в IX—VII вв. консонантный "алфавит", служащий для обозначения определенного согласного звука плюс любого из гласных звуков, существовал в Южной Аравии, во всяком случае в Маыне, Сабе и Катабане. В V в. он был принесен из Южной Аравии в Северную Эфиопию, а затем получил здесь самостоятельное развитие, дав в конечном счете современное амхарское и тиграйское письмо.

В Азии от древнепалестинского письма произошли "алфавиты": сирийский, еврейский, набатейский, арабский, пехлевийский, согдийский, индийский, тибетский, уйгурский, монгольский и многие другие, обычно не прямо, а через посредство других разновидностей письма, которые все в конечном счете восходят к древнепалестинскому (и

древнефиникийскому).

В Месопотамии, Малой Азии и Иране это письмо вытеснило местные оригинальные системы лого-силлабического характера. В Юго-Восточной Азии через посредство индийских и индонезийских алфавитов оно дало в своем развитии большую часть систем письма Индокитая, Южного Китая и даже Филиппин; в этой части ойкумены, как и в Африке, в связи с распространением ислама появились местные разновидности арабского письма.

В Средиземноморье финикийское письмо вытеснило местные слоговые "алфавиты", происходившие от лого-силлабического критского письма рисуночного облика. Около VIII в. на основе финикийского был создан архаический греческий алфавит, первоначально буквенно-слоговой, а затем чисто буквенный. Около середины 1-го тысячелетия греческий алфавит распространился по всему Средиземноморью, первоначально в эллинских колониях, а затем и у этрусков, иберов и кельт-тиберов Испании, италиков и др. Лишь карфагеняне стойко держались традиционного финикийского письма, да египтяне до поры до времени не отказывались от своей весьма сложной традиционной письменности. Но в конце эллинистического и в римский периоды они начали переходить на греческий алфавит, а затем на его основе, но с сохранением весьма важных традиционных местных элементов создали средневековое коптское письмо.

Таким образом, изобретение древних египетских писцов, пополнившись идеями и опытом многих поколений грамотеев, принадлежавших к разным народам Средиземноморья, спустя тысячелетия вернулось в долину Нила. Из Египта через древние переднеазиатские цивилизации письмо пришло в конечном счете в Эфиопию и карфагенскую Африку.

В тесной связи с распространением письма происходило и распространение письменности, канонических богослужебных книг и литературы, собранных в библиотеках.

Во всех странах Ближнего Востока, Средиземноморья и Африки, в которых уже существовало письмо, древние памятники письменности были представлены прежде всего деловыми документами и надписями. Правда, до сих пор не открыты дедовые документы древней Южной Аравии, плато Тигре, Мероз, Нумидии и Мавритании, но вряд ли стоит сомневаться, что они существовали здесь повсеместно, так же как и дошедшие до нас надписи.

Иначе обстояло дело с богослужебными книгами и библиотеками. К середине 1-го тысячелетия они уже давно существовали в Египте и Вавилоне. Священные книги имелись также у персов (Авеста), индийцев (Веды), евреев (большая часть Библии). Жрецы этих народов знали мертвые священные языки (соответственно египетский времен Древнего царства, шумерский, авестийский, ведический, древнееврейский). Но у персов, индийцев и евреев еще не было собственной литературы, составлявшей библиотеки. У греков VI-V вв. уже имелась такая литература, но еще не было канонических священных книг и традиций изучения священного мертвого языка.

Среди цивилизаций Африки середины 1-го тысячелетия самая богатая литературная традиция существовала в Египте. Важнейшую ее часть составляла религиозно-магическая литература, прежде всего канонические священные тексты пирамид и саркофагов, "Книга мертвых", затем своего рода путеводители по загробному миру: "Книга о двух путях блаженного усопшего", "Книга врат", "Книга пещер", "Книга проникновения в вечность", "Книга Амдуат", а также отдельные гимны и молитвы богам и пр.

Эта литературная традиция развивалась на всем протяжении истории древнеегипетской цивилизации. "Тексты пирамид" окончательно сформировались во времена IV династии, в конце 3-го тысячелетия их сменили "тексты саркофагов", в которые вошли некоторые элементы "текстов пирамид", но в основном это было новым

религиозно-магическим канонам. В самом начале Среднего царства появилась "Книга о двух путях", в период Нового царства—"Книга мертвых", в которую вошли некоторые тексты пирамид и саркофагов и шесть других священных книг, представлявших собой религиозно-магические композиции старых и новых текстов.

По мере создания новых композиций старые утрачивали актуальность и отмирали, заменяясь, вытесняясь новыми, а последние становились канонами. Этот процесс протекал чрезвычайно медленно.

Кроме религиозно-магической в Древнем Египте существовала значительная научная (математическая, астрономическая, медицинская), а также учебная литература; к последней примыкала дидактическая литература поучений. Художественная литература была представлена волшебными сказками и повестями. Шедевром всемирно-исторического значения является философский диалог "Беседа разочарованного со своей душой". Однако в I-м тысячелетии новые идеи почти не проникали в древнеегипетскую литературу, хотя на почве богатейшей национальной традиции продолжали создаваться новые произведения.

В Напате и Мероэ египетская литературная традиция присутствовала в обедненном виде и при суженной социальной базе. В позднее время в связи с развитием мероитской письменности у мероитов начала развиваться собственная литература на родном языке. Священным мертвым языком здесь был египетский, местные же языки вплоть до конца I-го тысячелетия оставались бесписьменными. В Карфагене и других пунических городах положение не вполне ясно. Остатки карфагенской литературы (географические и агрономические труды в греческих и латинских переводах и цитатах) позволяют предполагать существование пунических библиотек. Однако не сохранилось никаких следов богословской литературы ни на каком-либо мертвом, ни на каком-либо архаичном, скажем угаритском, языке. На плато Тигре в V-IV вв. вряд ли существовала литература в подлинном смысле слова, не могло быть поэтов и священников. Другие народы Африки в то время не имели еще своей письменности.

Сходную картину рисует распространение монументальных сооружений и монументального искусства. И снова Египет занимает первое по времени и все еще исторически ведущее место, хотя в течение всего переходного периода (1000-305 гг.) здесь не воздвигались такие грандиозные памятники архитектуры и скульптуры, как при фараонах Древнего, Среднего и Нового царств. Высокие образцы монументальной архитектуры и монументального изобразительного искусства Африки VII-VI вв. дают Карфаген, Напата и Мероэ. На плато Тигреиз Южной Аравии была перенесена культура монументализма, которая сказывается на материале и стиле памятников, но в гораздо меньшей степени на их размерах.

Выдающееся место занимает древнеегипетская цивилизация и в истории религиозной философии и идеологии. Египет дал первую в Африке политеистическую религию и первое в мире монотеистическое учение.

Ранние памятники египетского политеизма относятся к началу Древнего царства, т.е. к 3-му тысячелетию. Нигде в Африке в то время еще не было столь развитой формы религии. В эту эпоху древнеегипетский пантеизм уже имел следующие характерные черты, сохранившиеся до начала средневековья: архаические мифы о мироздании, напоминающие космогонию народов Западной Африки и других регионов мира, представление о загробной жизни и воскрешении умерших, обычай мумификации, специфические обряды погребения, типы гробниц и погребального инвентаря, архаический зооморфный облик богов рядом с представлением об иерархическом строе потустороннего мира и т. д.

С течением времени один из богов выдвинулся на роль небесного фараона. В начале Древнего царства наиболее популярным богом был верхнеегипетский Сет, покровитель охотников и пастухов пустыни, затем его оттеснили Исида и ее муж Осирис, умирающий

и воскресающий бог растительности и земледелия, затем верховным богом стал солнечный Ра; в период Среднего царства - Амон, который приобрел максимальное значение в эпоху Нового царства; в поздний период на первый план выдвинулся бог-сокол Гор, вобравший в себя черты Амона, Ра и других богов.

Уже в эпоху Древнего царства оформилось представление о божественности фараона, закрепленное и подчеркиваемое соответствующим ритуалом. Существует гипотеза, согласно которой из Египта культурный комплекс "царя-бога" распространился на большинство африканских стран. В самом Египте культ царствующего и умерших фараонов сливался с культом верховного бога, царя богов, способствуя все большему укреплению культа последнего. Для народа все боги были равно могущественны: крестьяне, составлявшие огромное большинство древнеегипетского народа, не нуждались в иерархии богов. Но образованные жрецы, чиновники, вельможи, ассимилированные иностранцы, размышляя о религии, создавали ее все более утонченные синкретические формы. Что касается центральной государственной власти, то она, естественно, переносила в потусторонний мир свои принципы иерархии, централизации, унификации. В итоге в эпоху Нового царства — период величайшего расцвета древнеегипетской цивилизации — был совершен первый в истории человечества поворот религиозной мысли от пантеизма к монотеизму, а также к дуализму и триа-лизму.

Еще в эпоху Среднего царства образ и культ Амона, ставшего царем богов, начал сливаться с образами и культами популярных богов Солнца — Ра, Атума, Гора. В эпоху Нового царства ипостасями Амона были объявлены также многие другие боги, почитавшиеся в отдельных номах. Кроме того, это синкретическое божество египетских жрецов и образованных чиновников, нередко занимавших по совместительству военные должности, стало богом войны, "непобедимым Солнцем" наподобие более поздних Митры иранцев и Махрема аксумитов. Издавна египтяне знали триады — семейные группы богов. Теперь же у них сложилось представление о божественной троице, едином в трех лицах боге.

В правление Аменхотепа IV (Эхнатона) в религиозной жизни Египта произошел решительный и насильственный поворот к монотеизму и вместе с тем первый и единственный раз в истории Египта проявилась религиозная нетерпимость. Эта религиозная форма, как и связанные с ней социальная и культурная реформы, прошла несколько этапов, причем при переходе от одного этапа к другому уничтожались многие достижения предшествующего этапа. Во-первых, Эхнатон и его сторонники сделали идеи монотеизма, лежавшие в основе религиозной философии Гелиополиса, достоянием простонародья, из которого фараон вербовал своих новых чиновников; во-вторых, они поэтапно распространяли новую идеологическую систему как в самом Египте, так и в его владениях в Передней Азии и Судане.

В окончательном виде учение Эхнатона представляло собой обожествление его абсолютистской власти. Сущность государственного солнцепоклонничества Эхнатона можно передать такими словами: "Нет бога, кроме царствующего Солнца, и земной солнцеподобный фараон — его сын и его воплощение". Советский египтолог Ю. Я. Перепелкин, глубокий знаток эпохи Эхнатона, так характеризует его реформу: "То было полное отвержение старых богов, вплоть до отказа от слова "бог", их обозначающего, и от знаков, их зрительно и мысленно представлявших. Одновременно то было полное торжество и завершение представления о солнце как о фараоне... В своем окончательном завершенном виде... царепоклонническое солнце-почитание... представляло необыкновенное, очень своеобразное, единственное в своем роде явление среди всех прочих видов почитания природы"⁶⁴.

Энергичный, целеустремленный, талантливый и образованный правитель, Эхнатон, казалось, полностью изгнал многобожие из своих владений. Но реформа ненадолго

⁶⁴ Перепелкин Ю. Я. Тайна золотого гроба. М., 1968, с. 156.

пережила своего творца. Обычно говорят, что гениальный фараон слишком опередил свое время, что он и его сторонники стали жертвами озлобленных жрецов-мракобесов. Однако в самом новом учении были весьма существенные изъяны, препятствовавшие его усвоению народом. Государственная идеология явно выпирала на первый план и поглощала все остальное. Крестьяне и ремесленники, эксплуатирувавшиеся и угнетавшиеся именем солнце-подобного фараона, отнюдь не жаждали такой религиозной идеологии. Эта вера не давала им утешения и доступной им духовной пищи. Бог-фараон Атон был недостижим и непонятен, он не мог заменить народу великих и малых богов, всевозможных духов, "общение" с которыми было насущной, повседневной потребностью... Слабой стороной религии Атона было безразличное отношение к традиционному и столь дорогому для египтян учению о загробной жизни и связанному с ним представлению о загробном возмездии. Верующий в загробную жизнь египтянин оказался дезориентированным, а их было большинство, и все они были в лагере противников Атона⁶⁵.

Но возврат к многобожию, продолжавшийся в Египте еще более 1700 лет, не означал полного уничтожения идеи монотеизма и дуализма, которую можно признать одним из величайших достижений древнеегипетской цивилизации. В богословии Амона-Ра идеи религиозно-философского монотеизма продолжали жить вплоть до начала римского времени. Кроме того, они могли сохраниться и за пределами Египта. Известно, что Эхнатон жестоко расправился со всеми сопротивлявшимися его абсолютной власти. Он истреблял даже своих более умеренных сторонников, принявших на том или ином этапе его реформаторской деятельности официальную идеологию и продолжавших исповедовать эту форму идеологии и религии после ее замены более новой. Некоторые из таких негибких солнцепоклонников, по-видимому, бежали от гнева Царя-Солнца на окраины его державы: в Нубию, Палестину, Сирию, либо их ссылали туда, либо просто на окраинах меньше тревожили. Туда же могли скрыться от ярости многобожников и сторонники религии Солнца после ее запрещения в самом Египте. В Нубии надписи времени правления Эхнатона дают интересные варианты его религиозных формул, но в этой стране монотеизм не только Атона, но и Амона-Ра быстро и основательно выродился. Зато в Библии ученые находят не только идею монотеизма, но и многочисленные элементы древнеегипетской религии, например в космогонии, представлениях о загробном существовании, облике бога и пр. Замечено также, что 103-й псалом местами очень напоминает написанный самим Эхнатоном гимн Солнцу. Можно предположить, что древнееврейский монотеизм в какой-то степени обязан своим происхождением Древнему Египту. Многократно оплодотворенный другими идеями египетской и эллино-египетской философии (а также идеями, шедшими из Индии, Средней Азии и других стран), монотеизм Библии вырос в сложный монотеизм христианства.

Наряду с иранским миром Египет, по-видимому, является одним из очагов религиозно-философского дуализма. Образ бога охотников и пастухов пустыни Сета постепенно настолько оброс демоническими, дьявольскими чертами, что стал напоминать вездесущего "Князя Тьмы", "Духа Зла"-Сатану. Кстати сказать, Сет и Сатана-очень сходные имена. Тот же корень порой звучит и в именах Сатаны некоторых кушитских и са-харских народов, которых в раннем средневековье арабы считали "магами и дуалистами". Если эти близкие к Египту народы испытали влияние религиозно-философского дуализма древнего Востока, то скорее всего это влияние не иранского, а древнеегипетского происхождения.

Характерная особенность религии Древнего Египта-огромная роль магии. Вместе с тем несомненно постепенное развитие египетской религии от ритуально-магической, в которой личность верующего не принимается в расчет, к более индивидуалистической,

⁶⁵ Короствцев М.А. Религия Древнего Египта. М., 1976, с. 253.

когда упор делается не только на выполнение обрядов и магических действий, но и на этику, когда в зачаточной форме ставится вопрос о совести, чистоте души человека.

В середине 1-го тысячелетия произошел качественный сдвиг в системе древней культуры, который хотя и не был таким радикальным, как "неолитическая революция", но тем не менее дал человечеству величайшие культурные ценности, превратившиеся в основу дальнейшего развития мировой цивилизации.

В основе этой "третьей" революции лежал рост производительных сил и населения на огромной, более или менее непрерывной территории Евразии от "Пяти владений" Китая до Франции, Британии и Пиренейского полуострова. На Ближнем Востоке, как уже было показано, возникают региональные империи, столицы которых становятся не только главными потребителями ренты, но и очагами товарного производства, шумной, калейдоскопической, насыщенной разнообразной социальной и культурной информацией городской жизни. Такие же города развиваются на окраинах зоны древних цивилизаций и региональных империй. К их числу принадлежат эллинские Милет, Коринф, Афины, Сиракузы, Масси-лия и др., а также некоторые среднеазиатские и южноазиатские города.

К этому же времени относится появление бессмертных систем философской и религиозно-этической мысли. В субтропическом поясе от Средиземного моря до Желтого возникают почти одновременно многочисленные и оригинальные философские школы. В малоазийской Ионии в VII-VI вв. выступают со своими учениями "о природе вещей" Фалес, Анаксимен, Анаксимандр, Пифагор, Гераклит, Эпименид и многие другие, развивается профессиональная поэзия и драматургия, а в следующем веке наступает наивысший расцвет древнегреческой философии и всей великой эллинской цивилизации.

В Палестине и Месопотамии VII—начала VI в. достигает апогея движение пророков, величайшим среди которых следует считать Аввакума; оформляется иудейский монотеизм. В Бактрии и Средней Азии VII в. Заратуштра реформирует древнюю арийскую религию "Авесты" и создает стройную религиозно-философскую систему дуализма — зороастризм. В Северной Индии VI—V вв. проповедуют свои философско-этические системы основатель буддизма Сиддхартха Гаутама Шакья Муни Будда, основатель джайнизма Вардхамана Маха-вира Джина, материалист Уддалака, сын Аруны, аджвика Госала, авторы "Упанишад" и многие другие мыслители. В Китае конца VI—начала V в. Конфуций создает свое учение, а в IV в. Мэн-цзы развивает применительно к новым условиям важнейшие принципы конфуцианства. В конце IV в. был написан знаменитый даосистский трактат "Даодэцзин", авторство которого приписывается легендарному философу Лао-цзы; в те же годы или несколько раньше Чжуан-цзы предложил обществу свой идеал свободного человека, отринувшего пути общества и цивилизации и живущего в гармонии с природой.

В 1-м тысячелетии на Ближнем Востоке широко распространяются произведения устной словесности и письменной литературы, такие, как повести (сказания), поучения, басни, поэмы, все еще тесно связанные с фольклором.

Конец VIII — первая половина VII в. дали мировой литературе греческую поэзию Гесиода, Гомера, Архилоха, арамейские "Сказание об Ахикаре" (тогда же переведенное на древнееврейский язык и частично включенное в Библию, известное также Гесиоду, а через тысячу с лишним лет переведенное на арабский язык как "Сказание о Хаикаре"), "Сказание об осаде Иерусалима ассирийцами" и др. При этом не только отдельные списки произведений художественной литературы перевозились из одной страны в другую (так, "Сказание об Ахикаре" найдено в Элефантине), но и устные повести и анекдоты свободно мигрировали из Месопотамии, Сирии и Палестины в Египет, Малую Азию и греческий мир, например рассказ о чуме 701 г. во время осады Иерусалима ассирийцами. Следы этого рассказа обнаружены в "Илиаде" и в "египетском логосе" Геродота, записанном "отцом истории" в Египте в V в.

Поразительно сходство ряда философских и религиозных идей, распространившихся

в середине 1-го тысячелетия от Непала и Китая до Южной Италии и Сицилии. Например, в учении Пифагора и его последователей (конец VI в.) мы находим, как и у азиатских мыслителей того же времени, осуждение кровавых жертвоприношений, представление о переселении душ и цепи все новых и новых рождений, о коренном отличии бессмертной и стремящейся ввысь души от нечистого, земного тела, в которое она заключена, о причине страданий человека в поступках его прежней жизни (жизни его души в прошлом рождении), о моральной и ритуальной чистоте и возможном слиянии души, прервавшей цепь перерождений и вырвавшейся из земного тела, с небесным божеством, о значении чисел и ритмов и т.д. В трагедиях Эсхила есть почти пантеистические и монотеистические формулы. В греческой, индийской и китайской философии того времени содержатся очень сходные идеи "первоматерии", ее форм, или стихий, элементов, атомов, их движения, а также идеи рационализма и атеизма. По-видимому, следует предполагать движение информации по всей зоне древних цивилизаций, где для этого возникли необходимые социальные предпосылки.

Новые исследования вскрыли в древнегреческой философии целые пласты восточных влияний. Уже у греческих авторов первой половины 1-го тысячелетия — Гомера, Гесиода, Фалеса — заметны идеи ближневосточного, в частности египетского, происхождения. Древним грекам был известен и зороастризм. Несомненное влияние зороастризма прослеживается в произведениях Анаксимандра, Анаксимена, Ферекида и особенно Гераклида. О Зороастре и религии магов в V в. написал книгу лидийский историк Ксанф, а позднее этой темой занимался сам Аристотель. Легендарная древнегреческая традиция утверждает, что крупнейшие философы классической Эллады, в том числе Пифагор, Эмпедокл, Демокрит и Платон, изучали зороастризм. В учении Гераклида, а также Парменида и других философов классической Греции имеются текстуальные совпадения с "Упанишадами", особенно Брихадараньяка Упанишада, позволяющие предположить усвоение ионийскими мыслителями идей древнеиндийской философии, таких, как концепция мирового цикла, кальпы и махаюги, на этом этапе происходившее еще не непосредственно, а через посредство иранцев.

Иранские религиозные идеи проникли и в Библию. Таков образ Сатаны, "Духа Зла", противника бога, который фигурирует в книге Иова, в книге пророка Захарии, а также в первой книге Паралипоменон. Впрочем, как справедливо отмечают исследователи, идея царства зла так и не укоренилась в иудаизме. Если Сатана Библии весьма похож на маздаитского Арима-на, то архангел Михаил, вероятно, не кто иной, как заимствованный у иранцев Митра, или Михра-воитель.

Во второй половине 1-го тысячелетия культурный синтез усилился, углубился и распространился вширь. Африка оказалась на периферии этого культурно-исторического процесса, но некоторые идеологические влияния проникали и сюда, особенно в эллинистическо-римский период.

Так, в Аксуме (Эфиопия) бог Махрем, олицетворявший Солнце и называвшийся "непобедимым для врага", не только своим именем, но и функциями и атрибутами напоминал "непобедимое Солнце", бога Михру. Находят в Аксуме также элементы буддизма и мероитской религии. У гарамантов Сахары археологи и этнографы открыли элементы греко-римской религии.

В средние века арабы считали многие народы Судана, Чада, Северной Нигерии единоверцами древнеиранских "магов и дуалистов" либо приверженцами древнесемитской астральной религии "идолов и планет". Это напоминает видение древних греков, которые "узнавали" в африканских божествах привычных Зевса, Ареса, Диониса, Посейдона, Селену, Афину, либо ранних греков-христиан, которые, пользуясь евангельской терминологией, упорно именовали традиционные африканские религии эллинскими. Как правило, в большинстве подобных случаев на африканской почве не происходило ни заимствования, ни синтеза идей. Лишь местами в узкой прослойке

купцов-посредников и лиц смешанного происхождения на деле имел место религиозно-культурный синкретизм, создавалась синкретическая субкультура, обычно очень мало оформленная и непрочная, а следовательно, недолговечная. Слишком редко эта субкультура проникала в массы народа и еще реже становилась их подлинным достоянием, неотъемлемой частью их субкультуры, которая одна только и имела шансы на выживание в веках.

Из всех религий древнего Востока наиболее продолжительное и широкое воздействие на другие африканские религии могла оказать египетская, рожденная на африканской почве и развивавшаяся на ней в течение тысячелетий.

Этнографы порой находят действительные или мнимые следы влияния древнеегипетской религии у различных народов Африки. Несомненно одно: начиная с эпохи Среднего, а затем в эпоху Нового царства и далее при фараонах Напаты и Мероэ происходит распространение древнеегипетской религии в разнообразных формах в Судане.

Интересное исследование египетской религии в древнем Судане произвела советская мероистка Э. Миньковская. Она сумела выделить не только общие черты, но и различия в религиозной жизни двух нильских стран 2—1-го тысячелетий. Бросается в глаза обилие местных нубийских богов, часто совершенно неизвестных в Египте. С другой стороны, египетские боги в Судане приобретали новые качества. Исида, например, почиталась здесь как лунная богиня, богиня-воительница и "госпожа подземного мира". Ее супруг Осирис порой изображался чернокожим. В ряде храмов и областей супругом Исиды оказывался иной, сугубо местный бог: львиноголовый Апеде-мак в Мероэ, Аренснупис в Дендуре, Мандулис в Калабше. В то же время в Нубии почиталось большинство египетских богов, выступавших то в египетских, то в местных ипостасях. Например, почиталось несколько Амонов: фиванский Амон-Ра с классическими египетскими чертами культа и теологии, местные областные Амон Пнубса, Амон Гематона, Амон-бык страны Сети (в Занаме, Абу-Доме, Мерауи) и др. В Нубии мы находим не менее трех местных ипостасей бога Гора. Что касается других египетских богов, то в Судане они также приобрели своих двойников, правда не в религиозно-египетском смысле. Таким образом, налицо широкий египетско-суданский синкретизм, поднявший демонов и духов Тропической Африки до уровня богов высокоразвитой древнеегипетской религии и одновременно наделивший египетских богов местными чертами, приблизив их к древним нубийцам. В сущности возникла новая религиозная система, наиболее высокая в тогдашней Тропической Африке, оказавшая влияние на соседние страны. Выше говорилось о дуализме в религии некоторых кушитских и сахарских племен, населявших соседние с Нубией пустыни. Целый ряд культовых предметов мероитского происхождения, в том числе стелы и амулеты, найден в Северной Эфиопии. Даже в далекой Греции были храмы Исиды, где жрецами были африканцы, скорее всего мероиты. Ювенал рассказывал об одной римской матроне, которая совершила паломничество в храм Исиды в Мероэ, а храм Исиды на о. Элефантина, как и в Риме, еще в VI в. служил местом паломничества почитателей богини, принадлежавших к разным народам. В Египет и Средиземноморье проникло представление не только об особом благочестии древних суданцев, но и о черном цвете кожи некоторых богов, например Осириса. Как в связи с этим не вспомнить фразу Ксенофонта о том, что "эфиопы (мероиты VI в. — Ю. К.) говорят, что их боги курносы и черны".

Так египетско-нубийский религиозный синтез заложил основы новой религиозно-философской системы — мероитской, наиболее высокой в тогдашней Тропической Африке и оказавшей в последующую эпоху влияние на другие культуры, прежде всего африканские.

Почти одновременно с мероитской, в V — III вв., сложились североэфиопская и пуническая религиозные системы. Их характерными чертами были: 1) общее

происхождение от древне-семитской религии, испытавшей влияние Аккада; 2) элементы египетского происхождения (в Эфиопии через посредство Мероэ), вошедшие в местные религиозные системы посредством синкретизма (таковы в Карфагене богини Хатор-Маскар и Исида); 3) большое значение полисных культов: Мелькарта в Карфагене, Альмакаха в столице эфиопских сабеев и пр.; 4) развитая организация привилегированных храмовых общин; 5) широкий политеизм. В то же время даже общие по происхождению боги на плато Тигре и в карфагенской Северной Африке выглядели не одинаково: у эфиопов Астар и Син были мужского пола, у карфагенян и других африканских финикийцев Аштарт и Тиннит были женского пола. Не совпадал и возраст богов: юноше Астар у соответствовала "могучая женщина" Аштарт, а седому старцу Сину — юная девственница Тиннит.

Верховным богом карфагенян был Мелькарт (буквально "царь города"), первоначально верховный бог Тира, метрополии Карфагена. Его почитали также во всех других тирских колониях Африки, Испании и островов Средиземноморья. Греки называли Мелькарта Гераклом, римляне — Геркулесом.

В его образе слились черты божества Солнца, рек, растительности, отчасти морской стихии.

Второе место после Мелькарта в карфагенском пантеоне занимала Астарта (Аштарт) — богиня плодородия и любви, которой служили жрицы в храмах, занимаясь сакральной проституцией. Греки отождествляли Астарту с Афродитой, римляне — с Венерой, Селеной или (в Карфагене римского периода) с Юноной. Богиня была наделена чертами лунного и морского божества. В Карфагене Астарта-Луна считалась не то матерью, не то женой Мелькарта-Солнца.

Кроме того, имелось божество Мильк-Аштарт, или Мель-кастарт, возможно, синкретическое олицетворение Мелькарта и Астарты. Мильк-Аштарту были также посвящены храмы.

Наряду с Астартой карфагеняне почитали еще одну луно-ликую красавицу-богиню — Тиннит. Как и Астарта, Тиннит была богиней плодородия, матерью всего живого, божеством Луны; она также отождествлялась с римской Юноной. При большом сходстве функций этих двух богинь нелегко уловить черты различия между ними. В Карфагене Тиннит почитали даже более, чем Астарту, отчасти благодаря популярности ее божественного супруга Баал-Хаммона. Недаром в пунических надписях посвящения Тиннит обычно объединены с посвящениями Баал-Хаммону.

Баал-Хаммон многими своими чертами напоминал Мелькарта, подобно тому как Тиннит — Астарту. Он был богом Солнца, отчасти морской стихии, покровителем мореплавателей. Храм Баал-Хаммона был богатейшим в Карфагене. Этот бог изображался в виде могучего быка, иногда с солнечным диском на голове, между рогами. Этому свирепому божеству приносились человеческие жертвы. Греки отождествляли Баал-Хаммона с Кроносом, римляне — с Сатурном, а египтяне, вероятно, с Амоном-Ра, культ которого оказал влияние на формирование культа Баал-Хаммона еще в Финикии.

Богом огня, молнии и войны был Решеф, которого греки отождествляли с Аресом и Аполлоном. От слияния культов Решефа и Мелькарта уже около V в. образовалось синкретическое божество Решеф-Мелькарт, почитавшееся пунийцами.

Весьма популярен был Эшмун, бог растительности, лекарственных трав и врачевания, которому были посвящены храмы в Карфагене и других пунических городах.

Почитались в особых святилищах и многие другие боги. Для карфагенской цивилизации характерен широкий религиозный синкретизм на полиэтнической основе: финикийские боги смешивались и сливались с божествами различных народов Африки и Европы. Как известно, при таком синкретизме вклад той или иной религиозной культуры бывает тем большим, чем она выше. Поэтому особое значение имело влияние древнеегипетской религии, уже отмеченное на примере культа Баал-Хаммона.

Карфагеняне издавна почитали египетского бога Беса, терракотовые фигурки которого, по их поверьям, отвращали беды. В Карфагене существовал также храм синкретической богини Хатор-Маскар, образ и культ которой восходят к египетской Хатор.

Восточные ливийцы поклонялись Амону, храм которого находился в оазисе Сива. Берберы Триполитании чтили карфагенских богов. Какое-то божество имелось и у гарамантов, и его культ объединял различные сахарские племена, стекавшиеся к его храму.

Геродот сообщает, что ливийские номады разных племен "приносят жертвы только солнцу и луне. Этим божествам совершают жертвоприношения все ливийцы, а жители области вокруг озера Тритонида (в нынешнем южном Тунисе.—Ю. К.) — главным образом Афине, а потом Тритону и Посейдону", божествам моря и воды. Возможно, Афиной греческий историк называет то же женское божество, которое пунийцы отождествляли со своей Тиннит. "Обычай же при жертвоприношении у этих кочевников вот какие. Сначала у жертвы отрезают кусок уха как начаток и бросают его через свой дом, а затем свертывают шею животному". Ежегодно на празднике богини озера Тритониды, где жили племена махлиев и авсеев, "девушки их, разделившись на две партии, сражаются друг с другом камнями и палками. По их словам, они исполняют древний отеческий обычай в честь местной богини, которую мы называем Афиной. Девушек, которые умирают от ран, они называют лжедевушками", а самую храбрую амазонку с триумфом возят вокруг озера на колеснице.

Обычай девичьих боев до наших дней сохранился на южной окраине этой области, в оазисе Гат. Они описаны известным французским этнографом Вивьен Пак, которая сообщает следующее: "На солончаковую равнину Тинджарабента, куда не могут спуститься духи, приходят собирать соль все девственницы Гата и Эль-Барката (27-го рамадана). Они одеты в черные и белые платья, а на их груди перекрещиваются наподобие греческого пояса два шеша —белый и красный. Каждую группу девушек возглавляет старуха, таменокальт, которая несет красное знамя войны. Рядом с ней идет вторая старуха, аидин, в маске из белой глины, она несет на голове блюдо и лает по-собачьи. Собранную соль старухи продадут на базаре, но каждая девушка оставит себе по куску и будет его хранить весь год: считается, что эта соль, будучи растворенной в воде, приобретает целебные свойства. Каждая из двух групп имеет своего кузнеца, бьющего в барабан. Собрав достаточно соли и вооружившись палками, вырезанными из лимонного дерева (табарит), на которых красными, черными и белыми красками нарисованы ломаные линии, девственницы начинают воинственный танец инкутид. Затем обе группы во главе со своими таменокальт и аидин сближаются и становятся друг против друга. Девушки скандируют песню, ударяя в землю босыми ногами: два раза одной ногой, один раз другой; затем меняют ногу. Они бьют друг друга коленями, задевают палками, скрещивая и разводя руки перед грудью. Эти жесты сопровождаются восклицаниями и попытками таменокальт отобрать у другой красное знамя, которое защищают "собака"-аидин и девственницы. Преимущество победившей группы выражается в том, что ее таменокальт проверяет девственность всех молодых участниц битвы, но, каков бы ни был результат ее проверки, всегда объявляется, что в деревне побежденного лагеря девственниц мало. Естественно, что кади Гата запретил этот праздник, оставив его на долю только рабынь и иковарен (женщины низшей касты). Тем не менее он устоял после 2500 лет всяческих потрясений".

Ежегодные побоища между группами девушек напоминают аналогичные побоища между группами юношей у некоторых народов Северо-Восточной Африки, а также ритуальные побоища на ежегодном празднике в честь Осириса в Египте, описанные Геродотом. Но у берберов ритуальные сражения устраивали девушки, что можно сопоставить с рассказами греческих авторов о ливийских амазонках, сражавшихся на колесницах или правивших колесницами в бою; недаром храбрейшая из почитательниц

озерной богини объезжала озеро в панцире, шлеме и на колеснице. По аналогии с верованиями других народов можно предположить, что побоища берберских девушек были связаны с магией заклинания дождя и разлива рек. В то же время несчастные случаи в результате побоищ, вероятно, объяснялись несоблюдением предписанного обычая правила поведения.

Подведем итог. Третья революция, завершавшая переход от первобытности к цивилизации, охватила в древности главным образом северную оконечность Африканского материка, отчасти Северо-Восточную Африку и оазисы Сахары. Здесь в римско-византийское время распространилась христианская религия, которая сама была продуктом этой третьей революции. К тому времени в Северной и Северо-Восточной Африке и в оазисах Сахары уже окончательно завершился йере-ход к мелконатуральному производящему хозяйству, а переход к классовому обществу, происходивший здесь повсеместно, закончился только в Египте и в прибрежной полосе Средиземноморья. Лишь те берберские племена, которые оказались в подданстве греков и пунийцев, выделили класс крестьянства. Вряд ли завершилось формирование классового общества в Напатском царстве и тем более в Эфиопии середины 1-го тысячелетия до н. э. Этот процесс получил свое продолжение и завершение в следующий исторический период под влиянием более развитых обществ Северной Африки, Азии и Европы.

Бурный подъем древневосточных цивилизаций в 1-м тысячелетии был сложным образом связан с началом их интеграции и созданием более широкого и определенного культурного единства, чем это было возможно в предшествующие периоды. Это единство обладало известной устойчивостью и опиралось на синтетическую культуру Сирии 2-го-начала 1-го тысячелетия, вобравшую в себя достижения древних цивилизаций Передней и Малой Азии и Египта и отчасти Восточной Европы.

В последующую эпоху новая синтетическая культура -эллинистическо-римская широко распространилась от Северной Индии и Средней Азии до Британии и Марокко, связав всю западную половину тогдашнего цивилизованного мира в одно целое. Мощное воздействие эллинистическо-римского мира испытали все сохранившие свою самостоятельность цивилизации Африки: мероитская, североэфиопская, западно-сахарские. Сложившаяся в результате культурно-историческая традиция, подготовленная медленным прогрессом древнейшего, доэллинистического мира, органической составной частью которого являлись древние африканские цивилизации, наложила печать на все дальнейшее развитие человечества.